Чечня

БИТВА ЗА СВОБОДУ

З. Ямадаев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вниманию читателей предлагается воистину уникальная книга «Чечения — битва за свободу». Её автором является Президент Чеченской Республики Ичкерия Зелимхан Яндарбиев — авторитетный политический и общественный деятель Чечении и Кавказа, один из основателей и председатель Вайнахской демократической партии, известный писатель, в недалёком прошлом — вице-президент ЧРИ, верный соратник и друг первого Президента Чечении незабвенного Джохара Дудаева. Первая часть книги написана в довоенный период, вторая — во время войны, а когда книга должна была выйти из печати, произошли известные трагические события: погиб Джохар Дудаев, и тогда появилось «Вынужденное послесловие».

- Зелимхан Яндарбиев
  - В преддверии независимости
    - Приходи свободным
    - Предисловие
    - В преддверии независимости
    - Чечения — битва за свободу
    - Необходимое примечание
    - Вынужденное послесловие
    - Приложение к первой книге
      - Статьи 1989–1991 и 1992 гг
      - Суть и аспекты национального единства
      - Кавказскость
      - Евроазиатскость, или мысли по поводу…
      - Истоки
      - Корни…
      - Дьявол и слепой агнец
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

Зелимхан Яндарбиев
Чечения — битва за свободу

В преддверии независимости
Книга первая

В Чечении — Джихад.
Из года в год
Мой каждый день становится Шахидом…
Русня как Голиаф, а мой народ
Мне видится воинственным Давидом.
А Голиафа победил Давид,
Что чётко подтверждается Кораном…
Русне мою Чечню не задавить
И не сковать своим коварным планом!

Алвади Шайхиев

Когда буду уходить,
Продолжайте жить,
Как будто я и не уходил,
Но не забывайте, что я тоже приходил в этот мир,
Вовсе не для того, чтобы уходить,
Это нужно тем, кто будет уходить…

Яндарбиев Зелимхан «Dojdik»

Зелимха Яндарбиев

Другу моему
Джохару Дудаеву
посвящается...

ЧЕЧЕНИЯ – БИТВА ЗА СВОБОДУ

Книга первая
В ПРЕДДВЕРИИ НЕЗАВИСИМОСТИ

Книга вторая
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ НЕЗАВИСИМОСТИ

Львов – 1996

Приходи свободным

Вниманию читателей предлагается воистину уникальная книга «Чечения — битва за свободу». Её автором является Президент Чеченской Республики Ичкерия Зелимхан Яндарбиев — авторитетный политический и общественный деятель Чечении и Кавказа, один из основателей и председатель Вайнахской демократической партии, известный писатель, в недалёком

прошлом — вице-президент ЧРИ, верный соратник и друг первого Президента Чечении незабвенного Джохара Дудаева. Первая часть книги написана в довоенный период, вторая — во время войны, а когда книга должна была выйти из печати, произошли известные трагические события: погиб Джохар Дудаев, и тогда появилось «Вынужденное послесловие». Непросто давать оценку событиям, находясь в их эпицентре. В таких случаях трудно избежать субъективного и непредвзятого отношения к людям, ещё сложнее — изложить горькую правду о просчётах и ошибках, разочарованиях и крушении иллюзий. Зелимхану Яндарбиеву это удалось. Его книга — по-настоящему честная. Иногда кажется, что автор преследовал одну цель: достоверно отразить новейшую историю чеченского народа, его порыв к свободе, беспримерную борьбу за независимость, невосполнимые потери во время российской оккупации и агрессии, дабы предостеречь человечество от страшной и далеко не всеми осознаваемой угрозы, исходящей от российского импер-шовинизма, сущность которого чётко и точно определил Джохар Дудаев, как русизм, сатанизм…

Феномен Чечении, не устрашившейся во стократ более сильного врага, притом вооружённого средствами массового уничтожения, применяемыми на всю катушку, будут изучать и исследовать историки, философы, политологи будущего тысячелетия. Нацию, которая стремится реализовать своё право на свободное развитие в независимом государстве, Москва обрекла на геноцид при трусливом молчании правительств многих стран так называемого «свободного мира», к сожалению, потерявшего в конце второго тысячелетия нравственные ориентиры, как бы «подзабывшего», что во все времена наивысшей ценностью считалась свобода. Реакция Запада на военную агрессию России против Чечении была адекватной аргументам Л. Берии, когда в 1944 году решался вопрос о выселении чеченского народа: «Депортация народа в пределах одного государства — вопрос нашей внутренней политики, товарищ генсек».[1] В полной изоляции от мира чеченцы самоотверженно воевали против агрессора, предпочитая смерть в бою за свободу жизни без неё. Сегодня многие задаются вопросом: «Откуда у маленького (по количеству) горского народа такая неистребимая любовь к независимости?». Мне кажется, что книга Зелимхана Яндарбиева даёт ответ на этот вопрос.

Чеченцы не осознают себя чеченцами без подлинной независимости. Таков менталитет народа, вся жизнь которого пронизана смыслом свободы. Чеченцы приветствуют друг друга словами: «Приходи свободным!», признавая над собой только

власть Всевышнего, давшего им свободу, которую никто не сумеет у них отнять. Можно завоевать Чечению, но невозможно покорить души чеченцев. Они сильны своей любовью к свободе, тем, что сохранили национальный дух, исторически непобедимый дух. Поэтому тот, кто попытается угнетать чеченцев, обрекает себя на позор. Такая участь уготована России. Но десятилетия под прессингом советской системы, оснащённой изощрёнными и гнусными методами, сказались и на некоторых неустойчивых элементах чеченского народа. Впрочем, каждая нация имеет определенный процент предателей…

В Чечении я часто бывала и до войны. Но получилось так, что с Зелимханом Яндарбиевым мы познакомились в январскую ночь 1995 — го, после новогоднего боя. 30 декабря 1994 года мы выехали из Киева вместе с народным депутатом Украины Михаилом Ратушным и депутатом Парламента Чечении Сайд-Хасаном Абумуслимовым. Дорога оказалась сложной. Сутки нас держали в тбилисском аэропорту сотрудники грузинского КГБ, Новый год мы встретили в бакинском поезде, нелегально пересекли границу с Дагестаном, добрались до Хасав-Юрта и сквозь сплошной занавес из огня и дыма прорвались в Грозный, каким-то чудом уцелев от бомб и ракетных ударов. Город полыхал.

В Президентский дворец мы буквально влетели в ту секунду, когда на него обрушился шквал залпового огня. В подвальных помещениях разместились лазарет, кухня, штаб Масхадова, «резиденция» Яндарбиева, люди… Защитой Президентского дворца руководили Яндарбиев и Масхадов, штаб Дудаева передислоцировался в другой район города. В новогоднюю ночь был уничтожен дом Яндарбиевых, погиб архив писателя, сгорели многие документы. «Резиденция» вице-президента расположилась в маленькой комнате, за занавеской стояла кровать. Бойцы, которых сменили на боевой вахте, отдыхали тут же, на полу. Зелимхан Яндарбиев встречался с командирами, комментировал события для журналистов, принимал парламентариев, давал распоряжения.

Уравновешенный и спокойный, он лишь однажды выдал своё возмущение: когда пленный русский подполковник употребил расхожее в его среде выражение «Незванный гость — хуже татарина», Яндарбиев заметил, подавляя внутреннее негодование: «Пытаетесь унизить народ…».

В ту ночь мы долго беседовали. Абсолютное большинство украинцев однозначно поддерживало Чечению. 105 депутатов Верховного Совета Украины обратились в Совет Безопасности ООН с требованием рассмотреть на чрезвычайной сессии вопрос о

российской агрессии против Чечении. Верховный Совет Украины не заклеймил себя позором, как некоторые «сильные мира», избежав в своём заявлении гнусного определения войны в ЧРИ как «внутреннего дела России». По инициативе народных депутатов Украины формировался межпарламентский комитет по защите ЧРИ, куда вошли, кроме украинских, парламентарии Литвы, Азербайджана, Эстонии и других стран.

Мы привезли в Грозный десяток различных документов, защищающих независимость Чечении и осуждающих российский военный произвол, но здесь, в полыхающем и разрушенном Грозном, среди трупов, которые отказалась забирать российская сторона, рядом с людьми, предпочитающими смерть неволе и не считающими себя героями, все наши старания казались ничтожно мелкими и незначительными. Но Яндарбиев возразил, сказав, что чеченский народ очень ценит поддержку Украины, которая дорожит независимостью других, ибо за собственную свободу заплатила дорогую цену. Чеченцы помнят, что великий Шевченко — единственный среди славянских поэтов XIX века, который поднял свой голос на защиту народов Кавказа от российских поработителей и назвал их борьбу священной.

Немногочисленная чеченская элита, к которой принадлежит Зелимхан Яндарбиев, обладает замечательной способностью, обретая высокий интеллект и утончённый вкус в области изящных искусств, сохранять храбрость воина, гражданское мужество, а также решительность в действиях, глубокую религиозность. Именно Коран освобождает человека от страха в борьбе за правое дело и от боязни смерти. Морально-этические обязанности, возлагаемые Кораном, предписывают следующие принципы: уважение к жизни человека, верность и порядочность, доброту и преданную благодарность родителям, помощь соплеменникам и единоверцам в их нужде, верность долгу, великодушие к зависимым от тебя.

Философия жизни и смерти по Исламу во все времена способствовала тому, что Ислам, будучи верой, стал одновременно и движущей национально-политической силой в освободительном движении порабощённых народов. В глазах чеченцев, идущих в бой, нет страха, как и нет воинствующего азарта. Защищая от врага родную землю, они выполняют свой долг, и душевное равновесие никогда не покидает их. Чеченская нация всегда имела достойных защитников, лидеров и героев. Они вошли в бессмертие: шейх Мансур, Байсангур из Беноя, имам Шамиль, Джохар Дудаев. Другие продолжают начатое ими дело и среди них — Зелимхан Яндарбиев, Шамиль Басаев, Аслан Масхадов, Руслан Гелаев и многие, многие другие, чьи имена

здесь не упомянуты. По известным причинам, контакты автора и издателей были усложнены и некоторые материалы остались вне книги. Прежде всего, это иллюстрации, так как в книгу попали лишь снимки, сделанные мною в разное время в Чечении. Некоторые передал мой киевский коллега Владимир Крокодим. К сожалению, в книге отсутствуют фотоснимки многих полевых командиров, рядовых бойцов, патриотов, обессмертивших своим подвигом чеченскую нацию.

Пока книга готовилась к изданию, ушёл из жизни Джохар Дудаев. Он погиб, как подобает мужчине, — защищая честь и свободу родной земли. Его последние слова были о Родине, о том, чтобы его соратники закончили начатое им дело борьбы за независимость. Такие, как Джохар, рождаются раз в столетие. Воин, аскет, лидер нации… Он горячо любил Чечению и презирал смерть. Его убили согласно распоряжению высших государственных руководителей Российской Федерации «уничтожить лидеров Чечении». Это был теракт страны, в которой терроризм традиционно является государственной политикой. В смерть Джохара в Чечении не хотят верить. Даже жители хутора, поблизости которого произошла трагедия, ждут, когда он вернётся. Так сильно Джохара любит народ…

Согласно Конституции ЧРИ, обязанности Президента были возложены на Зелимхана Яндарбиева. Российские спецслужбы тут же взялись за привычное дело: начали плести интриги и провокации — видимо, надеясь спровоцировать в Чечении так называемый афганский вариант. Эфир и страницы газет заполнили слухи о «противостоянии» между Яндарбиевым, Масхадовым и Басаевым. На самом же деле в очередной раз московская пропаганда выдавала желаемое за действительность, ибо Басаев и Масхадов первыми прнинесли присягу на верность новому Президенту. И вдруг — свежая «деза»: о гибели Зелимхана Яндарбиева. Москва пыталась подсечь Яндарбиева с первых же дней его президентства, очевидно, не имея понятия о таких чертах характера хорошо известного на Кавказе лидера национально-освободительного движения, как непреклонность в борьбе за свободу, личное мужество, верность долгу. Вскоре эти качества ярко проявились на переговорах в Москве, где возглавлявший чеченскую делегацию Зелимхан Яндарбиев, потребовав убрать из-за стола переговоров Доку Завгаева, своими решительными действиями вынудил Ельцина говорить с ним на равных. Другое дело, что российский руководитель утром следующего дня тайком от чеченской делегации имитировал поездку к чеченским избирателям, а на самом деле провёл час в районе дислокации федеральных войск в аэропорту «Северный»

под Грозным. Переговоры были для Ельцина частью предвыборной пропаганды, а для Зелимхана Яндарбиева, по его же словам, — этапом на пути к полной независимости Чечении. После победы Ельцина на выборах Россия возобновила крупномасштабные военные действия и геноцидные акции против Чечении. Поскольку мировое сообщество не препятствует этому, то чеченцы могут рассчитывать только на собственные силы.

Беспримерное сопротивление чеченского народа против российской агрессии показало, что пока на чеченской земле живёт хотя бы один чеченец, борьба за независимость будет продолжаться. Именно поэтому Россия применяет в Чечении тактику выжженной земли, использует оружие массового уничтожения, пытаясь истребить всю нацию — «мертвых, живых и неродившихся». Но нация сделала свой выбор давно:

«Свобода или смерть! —
Снова слышен клич в горах.
Свобода или смерть! —
Да поможет нам Аллах!».

Битва за свободу продолжается.
Книга Зелимхана Яндарбиева — звено в её цепи.
Мария Базелюк,
главный редактор журнала **«Свобода Народив»**

Предисловие

Предлагаемый читателю краткий очерк о событиях в Чечении 1989–1991 годов охватывает основные этапы национально-освободительной борьбы чеченского народа в указанные годы, прожитые и пережитые, увиденные и осмысленные лидером Вайнахской демократической партии, — единственной в те времена в республике политической организации (партии), альтернативной КПСС. Конечно, не обошлось и без субъективности, навеянной как лидерством ВДП, так и тем фактом, что автор является одним из высших руководителей государства, возрождённого посредством описываемых событий.

Хотя автор пытался быть максимально объективным в отношении изложенных событий и людей, участвовавших в них, но опыт абсолютно всех изложений подобного рода свидетельствует о невозможности уберечься от субъективизма. Особенно трудно это сделать относительно политических событий. И потому заранее приношу свои извинения за эмоциональный или иной субъективизм. Автор пытался максимально точно придерживаться факта, а в анализе факта события исходить из диалектики общественного развития, социально-политической борьбы и главной идеи жизни и смысла борьбы — построения независимого Чеченского государства, верными рыцарями которого остаются и по сей день члены ВДП, прошедшие школу политической борьбы в её рядах или под её знаменем.

Хронологические рамки событийной части очерка ограничены 27 октября 1991 года — днём избрания первого Президента и Парламента Чеченской Республики. Здесь начинается новая история чеченского народа и Кавказа. Более того, день 27 октября 1991 года явился определяющим в судьбах многих людей, претендовавших до этого на власть, на лидерство и на национальный патриотизм, порой «перехлёстывавший через край», но на этой черте проявившийся в истинной своей сути и масштабе, которые оказались, в основном, порождением амбициозности, социально-политического иждивенчества и вируса приспособленчества, то есть комплекса неполноценности, привитого советской политической идеологией. Вместе с тем, в приложении к очерку даны статьи общественно-политического характера, анализирующие предысторию порога независимости, составляющие концептуальную основу взглядов автора на общественно-политические проблемы, стоящие перед чеченским народом.

В заключение хотелось бы обратиться к тем, кто посчитает себя обойденным вниманием при освещении событий: за рамками изложения остался огромный фактический материал, который будет вживлён при переиздании книги в более полной и основательной форме. Поэтому просьба дать свои сведения относительно конкретных моментов, изображённых в настоящем очерке или не вошедших в него. За что заранее благодарен. Буду рад и любому объективному замечанию.

Dala atto boyla vayn!

Автор

В преддверии независимости

Написать краткий очерк о событиях, происходивших в Чечении за последние несколько лет, буквально переломивших судьбу народа, — задача весьма и весьма непростая. Тем более, если ты сам являешься их непосредственным и пристрастным участником, ответственным за многое свершившееся, как перед нынешними, так и перед будущими поколениями. Но необходимость изложения своего взгляда на происшедшее и видение перспективы, акцентируя при этом внимание на источник многих наших сегодняшних сложностей и проблем, день ото дня ощущается всё явственнее, поскольку под прессом объективных и субъективных причин беззаветные приверженцы идеи независимости вынуждены преодолевать всё новые и новые препятствия, испытывающие их на прочность и возникающие в самых неожиданных, порой неприятных, часто извращённых аспектах и ракурсах, ставя сложные задачи, провоцируя на поспешные выводы и действия, а малодушных — на истерику и психологический шок, трансформирующиеся затем в непредсказуемые и необъяснимые поступки некоторых лидеров, что, по сути, только усугубляет положение простого гражданина, вопреки всему и вся терпеливо и с надеждой, изыскивая новые ресурсы патриотизма и стойкости даже тогда, когда, казалось бы, исчерпано всё, вглядывающегося в нашу действительность в ожидании «чеченского чуда». А чуда нет и быть не может. Ибо нет в мире государства, построенного кроме как на труде, стойкости и таланте народа, которые в силах превзойти все мыслимые и немыслимые чудеса света.

Человеку свойственно мечтать о возвышенном, великом и вечном, неустанно стремиться к нему, а на пути осуществления мечты разочаровываться, порой даже отступать и оступаться, чтобы потом, когда пройдёт полоса невезения и трудностей, вновь бросаться в пучину мечты и борьбы, чтобы пройти весь цикл заново. Это есть закономерность, диалектика постижения человеком реальности и обретения своего земного «я». Исходя из этой точки зрения, — можно понять идейно-политические колебания некоторой части общества в сегодняшнем нашем движении к реальной независимости, той самой независимости, способной обеспечить и верховенство закона, и равноправие, и перспективу национального возрождения, вне которых нет пути развития для любого народа. А мы сегодня достигли именно той определяющей черты своего исторического развития, за которой должны начаться или полная деградация, или расцвет в форме

полноценного национального государственного организма, в качестве полноправного и независимого субъекта международного права, выступающего на международной арене без посредников, напрямую. Задача эта — архисложная, и в первом приближении (а именно в первом приближении мы и осмысливаем её сегодня) — порождающая массу самых неожиданных вопросов, даже там, где, казалось, их и быть не может. Идея национальной независимости стала сегодня своего рода катализатором чеченскости нашего общества. И вновь подтверждает неопровержимая истина: в переломное время в десятки, сотни раз ускоряется процесс формирования национального и гражданского самосознания. Чечения, десятилетиями жившая неполитической жизнью, за последние несколько лет прошла школу политического всеобуча, разорвала политический занавес последней из мировых империй, прикрывавший её безнравственность и бесчеловечность, физический и духовный геноцид в отношении многих народов, чем доказала миру неистребимость духа свободы.

Но идея, осуществлённая романтическим порывом, обязательно ставится перед необходимостью материализации через труднейшие будни повседневности, иногда оказывающиеся пострашнее вражеских полчищ, так как способны разъесть не только нарождающийся государственный организм, но и саму идею изнутри. Именно в такой момент проявляется феномен гражданственности в национальном организме. И он становится единственной силой, способной удержать священное знамя свободы на такой высоте, которая вдохновляла бы людей на продвижение к цели, вопреки самым непредвиденным трудностям. Что мы и наблюдаем сегодня.

События осени 1991 года в Чечении, переломив судьбу народа, стали обновлять духовный и физический облик нации. Одновременно они обнажили и массу противоречий, выплеснули наружу всю плесень и грязь нашей общественной сути, мировоззренческих отстойников, накопленных замордованным народом за всю свою трагическую судьбу, когда он, существуя «дефакто», не существовал «де-юре», то есть «существуя — не существовал»; когда он знал одну лишь власть — российско-капээсэсовского «генерал-губернатора», засылаемого в колонию то ли в наказание, то ли «на ловлю счастия и чинов» со своей «опричниной», парадный подъезд которого становился местом прибыльного промысла для его прислужников из числа коренного населения, выуживаемых творцами ленинской национальной политики из насквозь прогнившей деполитизированной национальной среды безотказным механизмом политики

«разделяй и властвуй», кнутом и пряником.

«Генерал-губернатор» выступал в роли и наместника, и царя, и бога, а чеченцы, бесконечно гордившиеся тем, что у них никогда не было князей и рабов, вынуждены были отдать себя на услужение ему и его подручным, вызывая у пытливого наблюдателя безмерное сочувствие или мерзкое презрение. Единственным местом, где возможно бывало поддерживать имидж национального характера и реализовать свой генетический потенциал, для чеченца оставалась чужбина. Здесь он как бы выпадал из поля зрения имперской политики, оказывался в естественной для себя среде, следовательно, и высоко конкурентоспособным, где дерзал, в какой-то мере, свободно и творчески. Остававшимся на родине везло меньше, но и здесь выкристаллизовывались «алмазы гражданственности национального духа», вызывающие жёлтую лихорадку и явное беспокойство не только у «генерал-губернатора», но и у его патронов и метрополии. И стойкость такой личности испытывалась не только идейно-политическими барьерами имперской политики на его пути и репрессивным аппаратом на подавление всего национального, но и морально-психологическим вакуумом, моментально образовавшимся, вернее, организуемым вокруг него в обществе и в среде его трудовой деятельности, чем создавалась атмосфера не столько безысходности, бесперспективности, ненужности усилий и неимоверных жертв в личном плане, сколько их практической вредности для близких тебе людей, а то и преступности любых действий — самых патриотичных, даже по-советски бескорыстных и благо направленных.

На человека, дерзнувшего выразить своё мнение, начинали настороженно покашиваться. Если же на него навешивали ещё и политический ярлык, то он терял всякую перспективу — и общественную, и личную. Тому яркие примеры: письмо национальной интеллигенции к властям метрополии в шестидесятые годы — об искажениях в кадровой политике ЧИ ОК КПСС; судьбы научной и творческой интеллигенции, дерзнувшей разрабатывать в своей творческой деятельности темы, имевшие перспективу национального развития и так далее. А «виноградовщина» в квази историографии да и в политической судьбе чеченского народа последних десятилетий, получившая своё уродливое завершение в позорном праздновании двухсотлетия «добровольного» вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, осталась на совести некоторых наших историков вечным позорным пятном, метой их гражданской несостоятельности. И очень немногие в сегодняшней когорте

историков оказались способными хоть как-то выразить своё несогласие с такой бессовестнейшей фальсификацией национальной истории, особенно их не было среди ныне политиканствующих против руководства национального государства. Другим значительным моментом в идеологическом угнетении чеченского народа явился неприкрытый карательный демарш объединённых сил великодержавного шовинизма и комедиологии против литературного объединения «Пхьармат», которое стало кузницей целой плеяды талантливых сегодняшних чеченских писателей. Хотя немногие из них оказались достаточно стойкими не только в ту пору (в 1979 году), когда нужно было отстоять литобъединение, но и сегодня, когда под их тогдашнюю мечту подведена государственная платформа и от них требуется всего лишь быть идейными вдохновителями, пастырями народа, готового стоять насмерть за дело независимости, являющегося гарантом реальных возможностей духовного развития именно чеченского народа, за который, как они патетически заявляли, готов был умереть каждый из них. Не будем останавливаться на кадровом геноциде всевластной КПСС, отчасти результатом которого является сегодняшнее состояние ведущей отрасли экономики чеченского государства, где массовый отток русскоязычных специалистов из нефтеперерабатывающей промышленности ставит под угрозу остановки всю отрасль. Вот наглядный пример идеологизированной имперской экономической политики, о которой десятилетия назад писал в своих трудах политолог Абдурахман Авторханов. Отметим лишь штрихом и политику выхолащивания вайнахской национальной духовной культуры, которая начиналась с первых минут существования чеченца в роддоме, наращивалась в детяслях, детсадах, школах и заканчивалась в ВУЗах, а в непосредственной трудовой деятельности вёлся процесс планомерного закрепления идейно-нравственного вырождения нации на основе подрусифицированных ценностей и идеологии русского шовинизма, которыми подменялось национальное самосознание личности.

Иначе говоря, шла идеологическая скупка душ, их растление, размывание, деградация. И редко кто из тех, кто прикоснулся к блеску парадного подъезда «генерал-губернаторской» власти, сумел сохранить свою душу в ипостаси, данной ему Богом. Многие оказались в сетях дьявола, немало продолжают пребывать в них и по сей день — не в силах поверить, что чеченский народ сумел разорвать их. Некоторым даже удобнее не видеть и не замечать многое в нашей действительности — реалии, сложившиеся в результате резкого сдвига буквально во всех

сферах социально-политической, экономической, духовной жизни народов и общества, подвергшего национальное и общественное сознание качественной деформации, поставившего нас перед необходимостью действовать и мыслить по-новому, ибо увидеть всё это сегодня означает — признать новую действительность, а признав её, они вынуждены будут обнажить и свою несостоятельность в качестве субъекта новой реальности, неконкурентоспособности в условиях не только сегодняшней, временной, переходной, полуанархической, но и цивилизованной, правовой свободы в перспективе.

Для них удобнее существовать на задворках истории в качестве «временщиков», на услужении у опричников российского или иного «генерал-губернатора», так как такое положение не обременяет их сознание и душу тяжёлым грузом практики национального возрождения, требующего, помимо возможности и желания, ещё и мужества. А нежеланием замечать чрезмерно беспокойную для них реальность они пытаются прикрыть свою гражданскую неполноценность, политическое уродство и убожество духа. Но есть и те, кто не удовлетворяется «страусиной позой» в отношении новых реальностей, а, наоборот, активно отрицают методы и пути нашего движения к цели, совершенно демагогически декларируя поддержку самой цели, следствием чего являются попытки представить нашу тяжёлую действительность как трагедию, истолковать ошибки как преступление, создать у народа ощущение безысходности. Они прекрасно знают: если изменить нынешний курс строительства государства, альтернативой может быть только возврат под пяту империи. Так что, «красные флажки» уже расставлены, «гончие» готовы и «погонщики» оплачены. Но делать это нужно под благовидным предлогом. Вот и мечутся так называемые «оппозиционеры» в лихорадке слепого отрицания — жалкой доли несостоявшихся политиков. И благодарение Богу, что это из грез империи, хотя миллиарды, затрачиваемые ею на осуществление своих замыслов, далеко не грезы и находят конкретных адресатов — и не только в среде непримиримых противников нынешней власти, но и в самих властных структурах. Всё закономерно: движение независимости есть жестокая борьба и выдерживает её не каждый, а к позитивному финишу, тем более, могут прийти только сильные духом. В промежутках между жёсткими схватками борьбы, когда обозначается относительное затишье, стабильность часто случается и таким образом, что истинные соратники оттесняются временными попутчиками на второй план. Тем самым, создаётся неустойчивая среда, подверженная частым политическим колебаниям в зависимости от

складывающейся ситуации. В такой среде всегда выискиваются и Иуда, и Гарун. И всё-таки, исход борьбы за независимость предрешён: народ знает, что делает. И жизнь всегда права…

Мы совершили небольшой аналитический экскурс в прошлое, чтобы воспроизвести предпосылки, подготовившие взрыв общественно-политической активности в национально-освободительном движении Чечении в конце лета 1991 года. А прелюдией к нему было зарождение в Чечении, на втором этапе горбачёвской перестройки, общественно-политических движений. Первое из них — научное общество «Кавказ» появилось в 1987 году. Это от него отпочковались «Союз содействия Перестройке», «Народный фронт» и другие неформальные организации с различной степенью политизации. Их роль, при всех издержках, заложенных, отчасти, и в самих формах этих организаций, по существу являвшихся лишь производными «демократии» социалистического плюрализма, которую они так и не сумели преодолеть в Чечении, весьма существенна, как начальная стадия самоорганизации народа. На многочисленных митингах НФЧИ у народа прорезался голос, он обретал динамику свободного мышления и действия, пробовал, как говорится, «на зуб» науку демократии, вплотную подступая к политическому бастиону советской власти, гнилые подпорки которой начали терять блеск, оголяя свою идеологическую бутафорию. Конечно, плюсы и минусы начального этапа борьбы за демократические преобразования в Чечено-Ингушетии будут изучаться, определяться при более детальном и специальном исследовании проблемы. Здесь мы можем только обозначить основные моменты, по нашему мнению способствовавшие формированию у части интеллигенции именно той точки зрения на происходящие события тех дней и перспективу общественно-политической организации республики. Именно к созданию новой, а не к преобразованию неформальной, действующей. В первую очередь, это было связано с тем, что неформальное движение уже сыграло свою роль и должно было качественно измениться. Нужны были стратегия и тактика, направленные на коренное изменение политико-экономической основы существующего общественного строя. А это возможно было сделать только в жёстокой борьбе, ибо касалось сути власти, значит, затрагивало интересы советско-российской империи. Для успеха в борьбе необходимо было из множества проблем, выдвинутых на общественно-политическую арену, выделить приоритетные, базовые и всю энергию пробуждающегося народа направить на их решение.

А базовой проблемой для чеченского народа была проблема национальной независимости. И ставить её нужно было без

всяких условностей, во всей её явной актуальности, вопреки даже тому, что большая часть населения республики ещё не готова к позитивному её восприятию. Суть же неформального движения, выражающегося в борьбе за демократизацию общественной жизни в рамках существующей государственности, не позволяла осуществить это, что являлось основной объективной причиной банкротства к тому времени неформального движения вообще. Были и субъективные причины, в том числе и специфические для чечено-ингушского общества. Во многом вредила деятельности неформального движения и амбициозность лидеров, которые не только большую часть своих сил и энергии тратили на личное самоутверждение, но и ориентировали свои организации, в значительной степени, на создание имиджа вождя, приобщая их деятельность к популистским формам и методам. Начинался «делёж шкуры ещё не убитого медведя». Каждый лидер занимался поисками луча славы на «крохотной полоске неба» своей общественно-политической деятельности — вместо того, чтобы сообща прокладывать столбовой путь к реальному успеху дела, а значит, и к славе.

Это было время, когда одной лишь критикой недостатков в декларативной форме можно было стать героем дня. Чем и занимались многие. Это превращало само неформальное движение в «выпускание пара», как метко отмечали многие политологи, серьёзно разочаровавшиеся в горбачёвской перестройке. К тому же, уставы и программы многих движений были просто-напросто переписаны друг у друга. В частности, чечено-ингушские «неформалы» переписывали свои программы из российских, балтийских, закавказских неформальных движений, что не могло иметь силы, объединяющей участников широкого фронта в общей борьбе. А без такой централизации не могло быть и речи о каком-либо серьёзном успехе в деле национального освобождения. Но опыт неформального движения Чечено-Ингушетии имел самое непосредственное значение для первой политической организации республики «Барт» («Единство»), созданной группой молодых людей (будущих лидеров Чеченского государства) после тщетных попыток объединить все неформальные организации в единый «Народный фронт» под руководством несомненного тогда лидера Бисултанова Х. — А. С последним даже была проведена консультативная встреча, на которой, казалось, наметили конкретную программу по объединению общественно-политических сил, необходимость которой признавали абсолютно все. Решено было начать выпуск даже общей газеты.

Но, к великому сожалению, скорее всего, возможно, и к

счастью, болезненные амбиции лидера разрушили наши планы. А в конце июля 1989 года той же инициативной группой, с привлечением ещё десятка человек, была организована политическая организация «Барт» — базовая для будущей Вайнахской демократической партии. Что необходима именно политическая партия с чёткой структурой и дисциплиной, мы поняли на втором заседании «Барт», ибо организационная аморфность в политическом движении не позволяла создать политическое ядро для объединения народа к действиям в условиях явно надвигающихся жестоких баталий.

Основной акцент в деятельности «Барт» предполагалось делать на политическом просвещении народа, для чего была учреждена и одноимённая газета. Изданием газеты занялись все вместе.

Первые три номера были изданы в Риге на типографской базе Народного Фронта Латвии, при активном содействии латышского писателя и общественного деятеля Артура Снипса, с которым мы подружились во время учёбы на ВЛК в Москве в 1987–1989 годах. Газета «Барт» не была первым неформальным печатным органом в ЧИАССР, но была первой политической газетой в республике, целиком и полностью предназначенной на обеспечение пропагандистской деятельности альтернативной КПСС политической партии. Хотя занимались газетой буквально все «бартовцы», основная нагрузка легла на Арсамикова, Абумуслимова, Темишева и Удугова. Финансирование первых номеров взяли на себя московские ребята во главе с Хожей Нухаевым. Завоз тиража в республику осуществлялся при самом актив-ном содействии студентов московских ВУЗов, а так же коммерческой диаспоры, которые активно поддерживали нашу деятельность и, частью, стали членами «Барт». «Бартовское» влияние на московскую чеченскую диаспору оформилось в скором времени созданием в Москве чечено-ингушского культурного центра «Даймохк», ставшего общественно-политическим штабом демократических сил Чечении в Москве. Самое активное содействие нашему делу оказывали тогда К. Акаев, В. Апкаров, М. Исрапилов, Адлан Абумуслимов, А. Абаев, Мужидовы Саламу и Магомед, А. Апаев, С. Сембиев, Бешто, Абухасан, С. — Х. Яндарбиев, Х. Солтаматов, А. Шатаев и другие, не жалевшие ни времени, ни средств для поддержки.

Учреждалось общество «Даймохк» на съезде диаспоры, прошедшем в зале заседаний МГУ. Председательствовать на съезде было поручено мне, как руководителю «Барт». Мы осознавали всю важность наличия для своей деятельности

«московской крыши», ибо судьба Чечении решалась не только в Грозном. Основой деятельности «Даймохк» была заявлена культурно-просветительская программа. О чисто политической стороне деятельности создаваемого центра мы были намеренно сдержанны, чтобы не создавать дополнительных неудобств себе и московским товарищам.

Сохранился полный текст моего выступления при открытии съезда. Привожу его ещё и для того, чтобы продемонстрировать оппонентам ВДП неоспоримый факт изначального понимания нами политического и социально-экономического значения для чеченского народа как своей национальной государственности, так и взаимосвязанности мира и непреходящей ценности человека — главного субъекта всех мировых процессов. А сказано было следующее:

«Накъостий, вежарий, йижарий! Дорогие друзья! Мир движется, мир обновляется, человек всё яснее ощущает, что техническое и вооружённое могущество ведёт его душу к сиротству в огромном пространстве сужающегося во времени и расстоянии мира. И душа выводит человека в путь, уводящий всё дальше и дальше от родного дома. И покидает он добровольно родину не для того, чтобы затеряться в пёстрой пучине безбрежного океана жизни, а причаститься мятежной душой и мыслью к великому понятию «мир», познать его суть, приобщиться к культуре его созидающих народов и обогатить себя, значит, и свой народ, частицей которого он есть и будет.

Именно потому, что человек обладает универсальной возможностью и потребностью приобщаться ко всему благородному, созданному мировым прогрессом, мир движется вперед.

Только в центрах синтеза передовых культур разных народов возможно творческое взаимодействие представителей национальной интеллигенции, какое наблюдаем мы здесь, в Москве. Именно сюда устремляются взоры и надежды более активной нашей молодёжи, грезящей великими открытиями в науке и искусстве. Как и во всякой большой столице, наряду с возвышенными делами, увы, есть и преступления, и низменные поступки, к которым толкают и субъективные, и объективные обстоятельства, среди которых причины государственной неустроенности играют не последнюю роль, а жертвами этих и иных обстоятельств становятся чаще неокрепшие души устремляющихся сюда юнцов. Тому можно было бы привести множество примеров. Но в них нет необходимости. Есть необходимость в другом: отныне все наши усилия и возможности направлять на то, чтобы представители нашего народа, по воле

судьбы оторванные от родных пределов, приобщались здесь только к передовому и благородному во всём его многообразии, но никогда к тому, что недостойно самого понятия «чеченец» или «ингуш». Пусть у наших братьев, сестёр и детей, которых прибивает к московскому берегу судьба, и здесь будет очаг, в котором каждый из них сможет найти и родное слово, и родные стены, и родных людей, способных обогреть и плоть, и душу: где каждый из них, верный великим заветам предков, может стать хозяином и достойно принять гостя, такого же, как и он сам, странника мира и искателя великих дел и идеалов. Да будет очаг, создаваемый нами сегодня, именно тем местом, в котором обретёт душа каждого вайнаха родные приметы, а гость — гостеприимство вайнахской души. Да будет так…».

Если говорить начистоту, настоящее выступление имело двойную цель: действительно объяснить притягательность Москвы для вайнахов в её диалектической сущности и отвести всёфиксирующее око КГБ от политической подоплёки съезда. То, что КГБ сидит у нас «на хвосте», мы знали. Они («комитетчики») и сами этого не скрывали. Более того, один из них даже присутствовал официально, правда, в составе представителей МУРа, то есть в качестве их «сотрудника». Тому и причина была: это был период активизации репрессивных действий правоохранительных органов Москвы против чеченцев под предлогом борьбы с «чеченской мафией». Начиналось официальное противостояние России и Чечении и, кроме как «Барт», некому оказалось защищать интересы последней. И мы чувствовали свою ответственность за судьбу каждого чеченца в Москве. Так же мы знали и то, что московская и подобные ей другие чеченские диаспоры более подготовлены к восприятию идеи национальной независимости, а их активные связи по всей империи окажут неоценимые услуги в политической деятельности. Подтверждалось это не однажды.

Но не все представители нашей диаспоры оказались на уровне наших чаяний. Были и те, кто не досидел до конца съезда. А в последующем, когда политические интересы чеченского народа начали открыто сталкиваться с имперскими, а «бартовцы» организовывали через «Даймохк» открыто политические мероприятия, дифференциация произошла более радикальная. И всё же, отступников было неизмеримо меньше, чем подвижников. Число последних росло за счёт и других городов России. К программным целям «Барт» — ВДП приобщались везде, где появлялась информация об их деятельности. В чеченцах просыпался дух свободы предков. Остается добавить, что после восстановления независимости чеченского народа этот же

«Даймохк» стал оплотом античеченской политики Москвы и сбежавших туда российских прихвостней. Потом к этому добавится и ОПД «Даймохк», организованный в Грозном хаджиевыми и умхаевыми различных мастей. А развал СССР уже маячил на горизонте. Чувствовалось, что должны произойти неординарные события, могущие сыграть существенную роль в судьбе каждого народа империи. И народ, у которого в нужный момент не окажется крепкого политического авангарда, к началу переломных процессов мог растеряться, не зная, куда повернуть, а в итоге оказаться у «разбитого корыта». А это была бы новая катастрофа для нашего народа.

В связи с этим вспоминается случай в поезде «Москва-Киев», происшедший с нами — слушателями ВЛК, едущими на свадьбу в украинскую деревню по приглашению Володи Шовкошитного. Было нас пятеро — украинец Володя, немец Александр, поляк Ежи, грузин Бижан и я, чеченец. В вагоне — шутка за шуткой речь зашла о проблеме языка народа. Коснулись государственности языка. И вдруг выяснилось, что в Конституции Грузии грузинский язык закреплён в качестве государственного языка. Такого нет ни у украинцев, ни у чеченцев — а только у грузин и ещё, кажется, у армян. И стал вопрос: «Почему такая несправедливость оказалась возможной среди равноправно угнетённых советских народов?». На что Бижан, со свойственным грузинам юмором, отпарировал: «А где вы были, когда принимали Конституцию?». Для меня это был большой политический урок. И по возвращении обратно в Москву я записал, что нельзя допустить, чтобы этот вопрос мне задали второй раз. Потом, через два с лишним года, когда Джохар станет председателем Исполкома ОКЧН, я всё чаще и чаще буду слышать нечто другое, но с идентичным смыслом: «Главное — правильная постановка вопроса!». А значит, и своевременная.

Всему — своё время. И ко всякому времени нужно готовиться.

К развалу СССР нужно было готовиться. И тогда народ, у которого будет достаточно сильная политическая организация, способная правильно определить направление общесоюзных политических процессов и использовать их, мог обрести реальную независимость. Об этом, в буквальном смысле, мы с Сайд-Хасаном Абумуслимовым, помню, рассуждали ещё весной 1988 года в той же Москве, в общежитии Литинститута по улице Добролюбова, 9/11, комната 724. Сайд-Хасан заканчивал к тому времени аспирантуру при МГУ, а я был слушателем ВЛК. По приезде в Чечению, через год с лишним после этого, мы взялись за организацию такой политической силы и, вовсе, не с моей подачи — мне ребята предложили принять участие, а затем возглавить. Существующие неформальные организации встретили

нас в штыки, а наше заявление о намерении создать политическую партию вызвало очень неоднозначную реакцию, а кое у кого даже скепсис. Но шаг был сделан. Уже на первый съезд горских народов Кавказа, который проходил в Сухуми 25–26 августа 1989 года, «бартовцы» поехали в качестве членов политической партии. В кулуарах съезда вопрос целесообразности создания политической партии народов Кавказа обсуждался с не меньшим интересом, чем основной. У многих общественных деятелей Кавказа обнаружился непреодолимый комплекс аполитичного подхода к решению чисто политических проблем региона. Или, мягко говоря, полу политическое мышление и подходы. И это будет продолжаться непростительно долго, особенно в республиках Северного Кавказа, даже после жестоких кровопролитных акций вооружённых сил России против гражданского населения в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии. Но преимущество организационной политической силы сказалось незамедлительно: радикальная, вместе с тем и чётко сформулированная, аргументированная позиция «бартовцев» находила горячую поддержку почти всех участников форума, в отличие от неконструктивных и почти провокационных действий ингушской группы в составе Бекова, Котикова и других, действовавшей явно по сценарию некоторых грузинских политических организаций, усматривающих в съезде народов Северного Кавказа и Абхазии антигрузинский замысел. Хотя такого не было и быть не могло по той простой причине, что Грузия шла в авангарде антиимперской борьбы Кавказа. Было другое — резкое осуждение агрессивных действий как со стороны советского руководства Грузии, так и демократических политических организаций, некоторые из которых имели, к сожалению, непосредственное отношение к кровопролитию в июле того года. В данной оценке, конечно, не в достаточной мере делался акцент на провокационные действия спецслужб советской империи, которые, несомненно, организовали упомянутые кровавые события. Но, справедливости ради, необходимо добавить, что абхазские товарищи, как обнаружилось потом, делали неоправданно резкие акценты на проблему грузино-абхазских отношений, а некоторые оказались и прямыми агентами Москвы, заброшенные в общекавказское движение для подрывной работы. В этом плане и грузинские друзья были правы, когда проявляли подозрительность относительно некоторых действий АГНК. Конечно, это понимание к нам пришло позже. К сожалению. Тогда нас больше возмущал факт нарушения принципа кавказского братства и это могло стать существенным

препятствием на пути достижения независимости наших народов, в том числе и Грузии. Опасения, к великому сожалению, подтвердились: до сегодняшнего дня Кавказ ещё не имеет достаточно крепкого единства, хотя закавказские республики и Чечения уже фактически, а первые и юридически, являются независимыми государствами. Но именно конфликты, подобные грузино-абхазским, и являются основной помехой на пути к кавказской независимости. Уже который раз нам, кавказцам, приходится учиться на собственных ошибках — и как медленно приходит к нам прозрение!

Но исторически судьба Кавказа предрешена, кавказские народы сегодня всерьёз взялись за её решение. И мир уже не тот, что был вчера…

Несмотря на то, что на съезде участвовало от Чечении несколько общественно-политических организаций (14 человек), право представлять чеченский народ в Координационном Совете Ассамблеи горских народов Кавказа получили «бартовцы»: Зелимхан Яндарбиев — зам. председателя КС АГНК, Сайд-Хасан Абумуслимов и Иса Арсамиков — члены КС АГНК. Кроме того, в руководящие органы АГНК были избраны: Бек Межидов — руководитель юридического комитета, Махрадзин Коттоев — председатель Совета старейшин. Муса Темишев был избран заместителем редактора газеты АГНК, а Лёма Усманов вошёл в специальную комиссию. Правомочность такого представительства АГНК от «Барт» в последующем будет оспариваться салиговской группой, но жизнь посредством развития событий на Кавказе, в частности, в Чечении и Абхазии, и нашим реальным вкладом в общекавказскую борьбу, доказала, что выбор был не случайным. В Сухуми «бартовцами» впервые была выдвинута идея федеративной государственности народов Кавказа, давшая уже сегодня и свои реальные плоды. Тогда же мы, «бартовцы», выступили против ограничения участников АГНК горскими народами. Вопрос был поставлен на специальное обсуждение и голосование. В итоге было решено, что в перспективе термин «горские народы» необходимо будет заменить на термин «кавказские народы», но на данный момент, опять же из-за кровавого столкновения между грузинами и абхазами, эту организацию целесообразнее называть именно «ассамблеей горских народов Кавказа», тем самым ограничив и круг её участников. Не удалось «бартовцам» на первом съезде и склонить участников к полному отмежеванию от атрибутики и стереотипов коммунистической имперской политики. Хотя радикальная оценка так называемой «ленинской национальной политике» была дана каждым из представителей «Барт». Существенно

разнились наши взгляды со взглядами других делегаций и в отношении мученически демократизирующейся России, которую мы рассматривали как основную силу, с которой придётся столкнуться в борьбе за независимость. Это немного шокировало присутствующих, особенно лидеров Абхазии, рассчитывавших в своей борьбе с Грузией на реальную поддержку «демократических» сил России.

По существу, участие в первом съезде горских народов Кавказа стало для «Барт» экзаменом на политическую зрелость. Выдержан он был достойно…

Официально о создании Вайнахской демократической партии было объявлено 18 февраля 1990 года на митингах в Шали и Урус-Мартане, проходивших в преддверии траурного митинга-тезета по случаю сорок шестой годовщины выселения чеченцев и ингушей с родной земли. Заявление о провозглашении организации «Барт» Вайнахской демократической партией завершалось словами: «Только в Вайнахской демократической республике сможет наш народ достичь высоких целей, предопределённых ей историей, и всестороннего удовлетворения нужд и чаяний народа. И это — главная цель джамаата «Барт» (Вайнахской демократической партии)». Была названа и дата учредительного съезда, который прошёл 5 мая 1990 года в здании клуба РСУ — 1, на Бароновском мосту, предоставленного нам Хусейном Исаевым, хотя это было в то время небезопасно. Должен заметить, что в последствии он будет занимать совершенно потребительскую позицию в политических процессах Чечении. Здесь, я думаю, будет уместно кратко остановиться на характеристике основного костяка ВДП, главным образом тех, кто в скором времени обозначился в лидерах нашей партии. Хотя и не все они выдержали бремя «большого имени» в политике. К сегодняшнему дню история уже определила истинное отношение каждого из нас к проблеме независимости — в теоретическом и практическом плане, выявила, кто и насколько был последователен в борьбе за независимость народа. Сказать об этом важно, ибо читающие эти заметки уже успели начитаться небылиц и искажений, как о самих лидерах ВДП и ОКЧН, так и о событиях, связанных с их деятельностью. Более того, некоторые из тех лидеров (на сегодня, по разным причинам, уже бывшие), в основном, в целях саморекламы и реабилитации себя в глазах общественности за промахи и отступничество в критические моменты нашей борьбы, ведут активную кампанию дезинформации о своей роли и роли тех или иных лиц, в свете деятельности которых их собственная доля оказывается слишком незначительной в том недалёком прошлом.

Соблазн выдать себя за правдоборца с пелёнок и непримиримого борца за независимость или ещё за кого-то в этом роде, оказался слишком непреодолимым искушением для многих из нас. Вернее будет сказать, что через этот соблазн выражалось болезненное самомнение несостоявшихся лидеров и всех тех, кто не устоял на ногах в этой большой качке «корабля истории». У некоторых не хватило характера. Это больше беда, чем вина. Что очень наглядно выразилось в судьбе ЮСУПА СОСЛАМБЕКОВА, который так и не сумел подняться до понимания истинной сути того большого дела, в пучину которого его бросила фортуна. Мания величия, проявившаяся в его действиях с первых же дней пребывания в ВДП («Барт»), к сожалению, прогрессировала слишком быстро. А пришёл он в нашу организацию почти случайно. Присланный из московского «Даймохка» для агитационной работы за кандидата в народные депутаты РСФСР К. Акаева, избранного тогда председателем «Даймохк», он показал себя очень способным оратором, чему вскоре удивлялись и Темишев с Абумуслимовым, приславшие его, и многие другие из чеченской диаспоры столицы. Да и предостережения были, к тому же, недвусмысленные. Но, как выразился С. — Х. Абумуслимов в ответ на мои опасения на этот счёт, тот был «пригож» для митинговых баталий с Х. — А. Бисултановым. Здесь он бывал в своей стихии. Из этой стихии он и не вырос.

В противоположность ему Сайд-Хасан Абумуслимов с самого начала нашей совместной деятельности «убивал» нас подчёркнутой самокритичностью, доходящей порой до самоуничижения. Он не любит быть на виду, болезненно воспринимает любую несправедливость, боится показаться необъективным или неистинным. До мнительности чуток к оппоненту и восприимчив, всегда рассеян, но всегда и вооружён фактом истории, поборник действий на правовой основе даже там, где никогда не было и тени права. Он больше всех нас вооружён знаниями по международному и государственному праву, прекрасный полемист. Он не допустит в документе двусмысленности и, тем более, ущемления сути независимости Чеченского государства. И с ним очень трудно объясняться на тему о причинах социально-экономического характера нашей действительности, ибо он считает, что, если он откажется от своей зарплаты, у бедного прибавится в достатке — и в этом он неисправим.

Иначе говоря, Абумуслимов — фанатичный сторонник независимости, но любит создавать себе и товарищам проблемы даже из ничего.

Об ИСЕ АРСАМИКОВЕ, к великой скорби, приходится

говорить в прошедшем времени. Если выразиться его же словами, сказанными в ответ на подковыристый вопрос телезрителя: «На каком повороте обогнал вас Яндарбиев?», то он, Иса Арсамиков, обгонял нас именно на самых опасных и трудоёмких местах и он, действительно, пожертвовал собой. И смертью своей предотвратил национальную трагедию, начало которой разыгралось ранним утром 4 июня 1993 года у здания бывшего городского собрания и бывшего УВД города. Он, действительно, не знал физического страха и был прекрасно богобоязнен. Его сущность выражалась в ритуале намаза, который он совершал с таким самозабвением, что невольно приобщал к нему маломальски верующего человека, оказавшегося в тот момент рядом с ним. Ради дела нашей борьбы он готов был ехать на любой конец света, в сию минуту, не задумываясь, на самых аскетических условиях. Об Исе Арсамикове ещё будут писать потомки, но знать его посчастливилось лишь нам, его друзьям и соратникам, и имели несчастье наши враги.

Об остальных, пожалуй, лучше будет говорить в процессе повествования, по мере необходимости — и не потому, что они играли менее важную роль в нашей борьбе, ибо в борьбе хорош каждый боец, а для соблюдения стиля изложения… Итак, учредительный съезд ВДП состоялся и на нём присутствовало 97 делегатов и около 50 гостей. Работал съезд более 9 часов с одним часовым перерывом на обед. Были приняты Устав и Программа партии, а также резолюция и декларация. Это была первая в Чечении политическая партия, альтернативная КПСС, открыто поставившая своей целью создание независимого национального государства, что было началом конца советской власти и в Чечении, и на Кавказе, и в СССР.

Учредительный съезд ВДП сразу же поднял престиж новой партии. Её воздействие на политическую жизнь республики имело, прежде всего, значение психологическое. Был преодолён барьер политической неполноценности в национальном самосознании и проведён водораздел между неформальным и политическим уровнем общественно-политических организаций. Но удивительнее всего было то, что не коммунисты пошли первыми на конфронтацию с новой политической партией, а лидеры «неформалов». Если коммунисты отнеслись к соперникам с некоторой снисходительностью, так как чувствовали свою реальную силу, то неформальные лидеры проявили воинствующую ревность не только к нашим организационно-структурным решениям, но и к программным целям, называя их чуть ли не авантюрными и утопическими. Сдержанная реакция коммунистов объяснялась ещё и тем, что они хотели

проигнорировать появление новой политической организации, представить ВДП незначительным фактом политической жизни республики. «Не обращать внимания» на новоиспечённую партию было выгодно для «чести и совести эпохи» во всех отношениях: поднимался рейтинг «демократичности» КПСС, сглаживалось внимание общественности к её мрачному прошлому, создавалась иллюзия политического плюрализма, реальных дивидендов «перестройки». Это можно было назвать «тактикой выпускания пара» или безболезненной адаптацией КПСС к новым условиям. Вернее, опусканием на тормозах. Но нервы у «авангарда и рулевого советского общества» явно сдавали. Активизация деятельности ВДП провоцировала КПСС на непопулярные меры, мягко говоря. Вовсе не выдерживали нервы обкома, когда по городу мы расклеивали объявления о политическом митинге Вайнахской демократической партии, намечаемом на 1 июля 1990 года. Реакция была более чем неадекватной тактике «игнорирования». На проходившем в те дни подкапээсэсовском форуме — сессии ВС ЧИАССР, лидер ОК КПСС Завгаев Д. Г. с нескрываемым возмущением заявил, что он не знает такой партии, при этом размахивая, как преступным фактом, объявлением, как он выразился, тайно расклеенным ВДП. Он даже публично зачитал её участникам сессии в полном объёме. Но и это было не всё. Главная услуга была нам оказана тем, что всё изложенное выше было показано по телевидению, а на второй день повторено и передано по радио — конечно, с целью запугать нас. Но то была «палка о двух концах».

О степени серьёзности положения коммунистов свидетельствовали свирепые команды рассерженного лидера руководству МВД, КГБ ЧИАССР и города Грозного: немедленно снять отпечатки пальцев с объявлений, расследовать, кто их расклеил (хотя сам только что зачитывал подпись под объявлением) и привлечь виновных к ответственности. Большей рекламы для своей деятельности мы и желать не могли. Теперь даже те, кто совершенно прохладно отнеслись к появлению ВДП, увидели, что новая партия есть реальность. Митинг состоялся. Состоялся вопреки и благодаря противодействию властей, выставивших милицейские кордоны на площади. К тому времени, из-за частых столкновений с «неформалами», милиция уже привыкла проигрывать в подобных противоборствах, порой и из-за явного сочувствия демократам, так как проблемы, поднимаемые на митингах, были им до боли близки, хотя в абсолютном большинстве случаев у них не хватало духу признать это даже перед самими собой. Почувствовав достаточно настойчивое желание собравшихся провести свой очередной

митинг и на сей раз, милиция, в конце концов, заняла позицию свидетеля «нарушения общественного порядка». Были среди них и открыто помогавшие нам, что было вовсе небезопасно. Удивила тогдашняя реакция НФЧИ, попытавшегося представить деятельность ВДП авантюрой и открыто заявившего о своём «монопольном праве» на проведениеамитингов и иную общественно-политическую деятель-ность в республике. Хотя ничего нового и неожиданного в подобной позиции уже исчерпывающего свой потенциал НФ не было.

После объявления же нового политического митинга ВДП, политическое руководство ОК КПСС во главе с идеологом Яндаровым А. и посредством своих тайных апостолов, предприняло активную попытку отговорить нас от его проведения. Правда, параллельно предпринимались и другие меры, как официальное предупреждение через органы милиции об ответственности за возможные последствия несанкционированного массового мероприятия. Упор делался на поиск возможного компромисса между правящей (КПСС) и оппозиционной (ВДП) партиями.

Но единственным компромиссным условием было принятие ВС ЧИАССР Декларации о государственном суверенитете республики. И не формально, а действительно — с последующим переходом к полной государственной независимости. По данному вопросу состоялись даже консультации между представителями правящей партии и неформальных движений. Представители власти особо подчеркнули тот факт, что они встречаются не с одной ВДП, а ещё с «неформалами».

Таким образом, они пытались перенести акцент с конкретной политической силы, каковой уже являлась ВДП, на аморфное неформальное движение. Это была вынужденная тактика «авангарда». В борьбе за декларацию ОК КПСС пытался даже занять позицию «доброго дяди», вроде примиряющего амбициозную ВДП и консервативную власть. «Добрым дядей» выступал третий секретарь обкома, а иногда эту роль исполняли и мои бывшие товарищи, формально оставшиеся таковыми, но уже определившие свой старт к большой карьере. В частности, пытался примирить нас и Л. Абдулаев. С ним этот вопрос обсуждался несколько раз. Мы даже обещали быть активными сторонниками Завгаева и Верховного Совета, если они провозгласят суверенитет и будут отстаивать его. Готовы были даже прекратить свою политическую деятельность. Но у оппонентов не хватало ни духу, ни мудрости. А борьба продолжалась.

Хотя в последующем, когда будет провозглашена

независимость Чеченской Республики, пройдут выборы Президента и Парламента ЧР, и часы истории начнут отсчитывать новое время — время чеченской эпохи, так называемая «оппозиция» будет пытаться приписать завгаевскому ВС ЧИАССР заслуги в провозглашении суверенитета, что соответствует действительности лишь формально. ВС ЧИАССР сделал это только после сильного политического давления общественного мнения, но к середине 1990 года Декларация о государственном суверенитете стала для тогдашнего ВС ЧИАССР непреодолимым барьером, о который он споткнулся спустя всего десять месяцев после его провозглашения. Именно неспособность ВС ЧИАССР защитить провозглашённый им же суверенитет и послужила основанием для непримиримой позиции сил национального освобождения и их противостояния ВС после августа 1991 года.

Вся демократическая сущность ВС ЧИАССР сводилась к деятельности так называемой фракции (депутатской группы) «Демократическая инициатива», которая стремилась соответствовать российскому стандарту и модели «социалистического плюрализма». И не больше. Депутаты этой фракции, по сути, копировали и дублировали действия российского ВС, дилетантски ориентируясь на политику Ельцина-Хасбулатова, не помышляя даже выглянуть за рамки российской государственности, — но делали это «смело» (потому что так делали и на Краснопресненской, отвергая Союз ССР), создавая себе имидж демократов и выразителей воли народа, который они называли «советским» или «чечено-ингушским», а то и просто «населением республики». В группу «Демократическая инициатива» входили почти все те, кто после 19 августа прочно станут в оппозицию к ОКЧН и ВДП. Тогда они открыто отвергали выход из России, абсолютно все выступая за децентрализацию союзной власти и укрепление роли России, как независимого государства, наивно полагая, что от их мышиной возни что-либо зависит в судьбе империи. Были и те, кто руководствовался просто глупыми «аргументами»: мол, в руководстве России находится чеченец Хасбулатов и потому необходимо поддерживать российский курс, чтобы не опозорить его. Такова была платформа этой группы и во время выборов президента России: отвергая союзный центр, поддерживали российскую Москву. А ВДП и ИК ОКЧН, отрицавшие и тех, и других, подвергались ожесточённым нападкам со стороны всех газет, радио и телевидения. Как известно, в ЧИАССР, где провалились союзный и российский референдумы, с триумфом прошли выборы президента Ельцина.

Оппоненты ВДП торжествовали победу. Они думали, что

народ пошёл за ними. Народ же просто соблазнился демагогией Ельцина, который яростно атаковал ненавистную чеченскому народу компартию. Народ чеченский просто надеялся, что Ельцин разберётся и с мафией Завгаева. Но иллюзии развеялись через месяц-другой: российского лидера заботила лишь Россия. А позиция ВС ЧИАССР относительно Союза или России менялась каждый раз — в зависимости от того, с кем Доку Гапуровичу из двух хозяев приходилось говорить. Ещё одно событие должно быть отмечено, как важное в процессе становления ВДП и динамики роста её влияния на самосознание народа. После учредительного съезда ВДП мы подали в Министерство юстиции ЧИАССР документы на регистрацию своей партии. Но получили отказ. Нас не хотели признавать за политическую партию, отказали в изготовлении печати и штампов. Выход предложил Ваха Ибрагимов, ехавший в Иорданию к родственникам и предложивший изготовить их там. Что и было сделано. Через него же я отправил и письмо к чеченской диаспоре, в котором изложил цели и задачи ВДП и просил оказать посильную помощь. Но и там нам не поверили, то есть не посмели поверить. Их содействие не пошло дальше изготовления штампов и печати. Но и за это спасибо. Иорданские чеченцы предостерегали нас от осложнения отношений с Россией. Просили беречь себя и несли прочую ерунду. Такая их позиция нас лишь разочаровала, но не становила…

С каждым днём становилось ясно, что за свободу чеченского народа нужно бороться именно чеченскому народу и именно на своей земле: нужно было брать на себя ответственность за эту борьбу. И мы брали её на себя, понемногу, но упорно и последовательно. Видно было, что отсчёт политического времени в ЧИАССР пошёл явно не по российским и капээсэссовским часам. Если неформальное движение ещё могло действовать в рамках социалистического плюрализма — новой идеологической тактики КПСС, то политическая партия, альтернативная КПСС, вынуждена была категорически отрицать подобный компромисс, что не могло серьёзно не обеспокоить партийное и советское руководство республики, тем более, когда митинги были продолжены 4 и 17 августа.

А 6 ноября 1990 года, накануне празднования Октября, Вайнахская демократическая партия провела самую дерзкую за всё время перестройки акцию — митинг-марш открыто антикоммунистического характера, во время которого пришлось прорывать два мощных милицейских заслона на пути к площади Ленина и выбивать силой трибуну. Помню, накануне подготовки этой акции мы обратились ко всем неформальным движениям с

призывом к совместному её проведению. Однако, поддержку получили лишь от партии «Исламский путь», хотя и не столь значительную, как договаривались. Марш начался на площади Октябрьская и завершился митингом на площади Ленина, который не забыл покритиковать прибывший в этот день в Грозный Р. Хасбулатов, выступая на местном ТВ. Акция продолжалась и 7 ноября, но уже силами одной ВДП.

Вчерашние соратники из «ИП» явно не захотели испытывать судьбу. Иначе говоря, их не хватило на второй день. ВДП с утра блокировала демонстрацию пикетами на пути продвижения колонн и сумела заставить некоторых участников чествования Великого Октября покинуть колонны «трудящихся, верных ленинским заветам». Такое развитие событий подтолкнуло руководство республики к возобновлению судебного преследования лидеров ВДП. По личному указанию Завгаева, было возобновлено уголовное дело против председателя и активистов партии, которое вскоре заглохнет, чтобы вновь возникнуть в декабре, после блестящей победы линии ВДП на общенациональном съезде чеченского народа и завоевания нами большинства мест в сформированном съездом Исполкоме, председателем которого, опять же по выдвижению ВДП, был избран генерал Д. Дудаев, вопреки колоссальным усилиям ВС ЧИАССР, ОК КПСС и КГБ ЧИАССР, а также прозавгаевским силам съезда, называющих себя «центристами», имеющими цель сделать Исполком прикрытием антинародной политики руководства республики. Марионеточная сущность лидеров «центристского» крыла проявилась буквально на второй день после общенационального съезда — на сессии ВС ЧИАССР, где А. Бугаев и А. Умхаев, к изумлению всех и вся, попытались исказить суть принятого на съезде народа решения, заявив, что съезд не принимал Декларации о государственном суверенитете республики «Нохчийчоь». Это было открытое предательство, а как показало дальнейшее развитие событий — и предпосылкой к ещё большему, вернее, началом перманентного политического прелюбодеяния, которое приведёт к кровопролитию 4 июня 1993 года.

Об общенациональном съезде необходимо сказать особо. Практически каждое неформальное движение и политическая организация Чечении считали своим долгом проведение съезда народа, но ни одна из них не осмеливалась приступить к осуществлению этого грандиозного замысла. И это не случайно. Общественные и политические движения того периода переживали процесс осмысления высвеченных жизнью проблем, проходили, как бы, предсъездовский этап, готовились к переходу

к консолидации сил. И организация «Барт», и Вайнахская демократическая партия вопрос организации съезда рассматривали как один из опорных в своей борьбе. Но общенациональный съезд не являлся делом одной общественно-политической организации или партии, какой бы многочисленной она ни была. Следовательно, была необходимость выждать время, чтобы идея вызрела в общественном сознании. Уместно будет сказать, что после первых побед национально-освободительного движения в Чечении появилось множество «отцов» и «идеологов» суверенитета и национального съезда. Хотя никто ими являться не может, ибо единственным инициатором национального съезда на всём Кавказе является народ, и этот форум является формой осуществления принципа демократии, которую использует, в частности, чеченский народ в переломные моменты истории. Это знает мало-мальски знакомый с нашей историей человек. Другое дело, кто и когда прибегает к ней (демократии) и наскольконтически осмысливает её значение. К примеру, в моих московских дневниках, записях по политическим проблемам, сделанных в конце 1988 года, есть достаточно чёткое обоснование необходимости проведения именно национального съезда. Там сказано буквально следующее: «Необходимо во что бы то ни стало попытаться собрать съезд чеченского народа. Кроме съезда, нет другой формы оказать воздействие на народ…

Вместе с тем, и близко нельзя подпускать идею о созыве совместного съезда народов, проживающих в Чечено-Ингушетии. А сделать это будут пытаться, под любым предлогом и поводом, мотивируя тем, что в многонациональной республике собирать съезд одного народа — это противоречит «социалистическому интернационализму», «дружбе народов», «ленинской национальной политике», хотя это всё никакого отношения к съезду не имеет. Общий республиканский съезд, если будет необходимость, следует проводить только после того, как пройдут отдельные съезды чеченского и ингушского народов. По-другому — нет смысла… Чеченцам необходимо прежде самим обсудить свои проблемы…».

К идее созыва национального съезда лично я пришёл в результате осмысления наших с Абумуслимовым дебатов по поводу общественно-политических процессов и изучения периода 1917–1921 годов в Чечено-Ингушетии. И это не было «открытием Америки», а сказывался исторический аспект национального самосознания, пробуждённого к возрождению, которое становилось возможным, даже теоретически, лишь при условии достижения национального единства в главном вопросе. И тем не

менее, мы были приятно удивлены, когда ингуши возродили национальную форму демократии, проведя в конце 1989 года народный съезд, на котором провозгласили образование Ингушской Республики, которая только два года спустя после обретения независимости Чеченией начала обретать реальные черты, — посредством избрания своего первого президента и созданием структур государственного управления. В целях исключения неправильного толкования изложенного выше, необходимо уточнить, что и ВДП не претендовала и не претендует на монополию ни на идею, ни на осуществление идеи национального съезда. Но очевидный для всей республики огромный, даже основополагающий вклад партии и в возрождение идеи, и в осуществление её необходимо подчеркнуть, хотя бы ради справедливости. Вместе с тем, повторюсь: уверен, что с началом активных общественно-политических процессов в ЧИАССР многие общественные деятели приходили к подобным мыслям. И это абсолютно закономерно, так как идея общенационального съезда к нам пришла из осмысления исторического опыта развития чеченского общества и борьбы за независимость, который анализировали не только политики. Естественно, эта идея могла быть и осуществлена только общенациональными усилиями, что и было продемонстрировано развитием событий с середины 1990 года, когда инициативная группа (кстати, автор этих строк физически не был среди них, хотя и значился в списке), наконец-то, начала организацию подготовки съезда. В составе оргкомитета, безусловно, большую роль играли члены политического руководства ВДП. Это проявилось в работе с населением, при избрании делегатов на съезд, затем и на самом съезде, где усилиями ВДП и поддержавших её радикальную позицию делегатов была принята Декларация об образовании и государственном суверенитете Чеченской Республики «Нохчийчоь», подготовленная также юридической комиссией ВДП.

Весь драматизм развития событий в три съездовских дня вряд ли кому-нибудь удастся выразить в полной мере, но, тем не менее, необходимо отметить, что противостояние «радикалов» и «умеренных» было предельно жёстким и обозначило предстоящее размежевание, которое завершилось на втором этапе съезда 8 июня 1991 года, когда группа «умеренных», называющих себя «центристами» (а на самом деле — «завгаевцы»), в паническом протесте покинули зал заседания съезда и сразу же на телевидении (а через несколько дней и во всех средствах массовой информации) начали предательски обливать грязью и

обвинять «дудаевцев» и, главным образом, ВДП в узурпации идеи национального освобождения, а также в других смертных грехах. Но до второго этапа съезда была долгая и вязкая борьба за обладание Исполкомом ОКЧН. Кстати, необходимо несколько подробнее остановиться на предыстории Исполкома. Когда подготовка съезда завершалась и его реальность не вызывала сомнений, развернулась борьба за причастность к нему. Даже те силы, которые открыто отрицали позитивный характер такого форума, активизировали свою деятельность.

Но основная борьба, всё же, шла внутри оргкомитета. Группа народных депутатов ЧИАССР, явно выполняя установку ОК КПСС и руководства республики, всё жёстче и жёстче начала оттеснять активистов Вайнахской демократической партии от руководства предстоящим съездом. Как выяснилось позже, была дана установка сделать съезд рупором ВС ЧИАССР, чем, единственно, объясняется и цензура докладов, подготавливаемых к съезду, как и «добро» на его проведение со стороны руководства республики, а также широкое представительство от руководства республики на самом съезде, с задействованием для его освещения всех средств массовой информации, в результате чего два первых дня съезда были показаны по телевидению полностью, что явилось роковым проколом в идеологической деятельности КПСС и так называемого «центристского крыла» съезда.

Всё дело в том, что завершающая часть подготовки и меры по нейтрализации влияния ВДП на съезд были настолько обнадёживающими для руководства ЧИАССР и его подручных, что они уверились в полной своей победе. Но часы истории, как отмечалось выше, уже отсчитывали новое время. И это было время тех, кто открыто провозглашал принцип борьбы за полную национальную независимость, в свете которой всякого рода пророссийским силам становилось всё труднее и труднее прикрывать несостоятельность своей политической позиции. Впервые явное неприятие нашей позиции группой так называемых «центристов» в оргкомитете съезда я почувствовал в разговоре с его председателем Л. Умхаевым, очередной раз зашедшим в Союз писателей на Пушкина, 6, где в моём рабочем кабинете размещался и штаб ВДП. Надо признаться, большая часть моего рабочего времени уходила на политическую деятельность, которая не всем из моих коллег-писателей нравилась, хотя относились к ней терпеливо. По крайней мере, агрессивных поползновений на меня не было зафиксировано, а на намёки я реагировал должным образом. Но это не означает, что тогдашние власти «безболезненно» воспринимали нашу деятельность. Наоборот, очень даже нервничали и в Верховном Совете, и в

Совете Министров, и в ОК КПСС, что в полной мере испытал, оказывается, на себе председатель Союза писателей ЧИАССР Шайхи Арсанукаев, которому с его чрезмерно мягким характером приходилось замыкать гнев всех этих инстанций на себе, делая мне лишь очень деликатные замечания по поводу основного рода деятельности, которой я должен заниматься, как литературный консультант. Нужно подчеркнуть, что мой кабинет в Союзе писателей был как бы генеральным штабом движения за национальную независимость с августа 1989 года по август 1991 года.

До упомянутого случая Умхаев заходил к нам раза два по вопросам «отпечатать, перепечатать» бумаги оргкомитета. На сей раз разговор шёл о написании письма-приглашения Абдурахману Авторханову в Мюнхен. Мне он и предложил его напечатать, что я и сделал, притом на чеченском языке. Хотя Умхаева не совсем устроил мой радикальный тон в отношении российско-коммунистической империи, письмо было отправлено адресату за подписью председателя оргкомитета. До съезда оставалось около месяца. Я напомнил ему, что готовлю политический доклад, абсолютно уверенный в том, что этот вопрос не вызовет никаких разногласий, ибо в республике не было другой политической партии, способной на должном политическом уровне проанализировать сложившуюся ситуацию и предложить программу борьбы за независимость. Но разногласия выявились сразу же. Не словами даже, а реакцией. Не решившись открыто отказать мне в праве на такой доклад, Умхаев для манёвра (по согласованию с кем нужно) заявил, что мой доклад тоже необходимо будет представить на заслушивание оргкомитету, без которого ни одно выступление на съезде допущено не должно быть. Попытка мягко возразить неприкрытому игнорированию элементарных принципов и норм демократии в организации работы столь масштабного форума не имела воздействия, хотя я и заявлял, что такой подход недопустим и будет иметь самую отрицательную реакцию со стороны общественности. Но председатель был непреклонен и категоричен: «Мы не можем рисковать, и всякая непроверенная мысль на съезде должна быть исключена, ибо может иметь самые негативные последствия».

Здесь я впервые мысленно признал закономерность подозрений своих товарищей, принимающих непосредственное участие в работе оргкомитета, и, прежде всего, Мусы Темишева, что готовится прозавгаевский съезд. Мой последний аргумент звучал примерно так: если мы, организаторы съезда, не способны в живой дискуссии, в борьбе доказать правоту своих взглядов и программ по любому вопросу на любом форуме, то нам нечего

заниматься политикой вообще. Должно быть разрешено высказывать любое, противное нашему видению, мнение для доказательного опровержения. Только таким подходом возможно убедить людей в нашей правоте. Но и после, когда я сказал, что, устраивая цензуру, мы переплёвываем даже коммунистов, каждый из нас остался при своём мнении.

Более того, как показали последующие события, данный спор только ещё больше насторожил лагерь так называемых «умеренных» против ВДП: я, оказалось, агитировал коммунистов за антикоммунизм, что, как убедительно доказывает история, не может дать каких-либо результатов. Но такой исход спора был не в мою пользу, ибо его мнение, как председателя оргкомитета и ставленника официальных властей, было определяющим. Через цензуру оргкомитета мой доклад, я знал, не пролез бы, так как там доминировали они. Пришлось пойти на хитрость.

Впоследствии, когда мне предложили представить на прослушивание своё выступление (так они определили для меня: не доклад, а выступление, при этом не на внутриполитическую тему, а на общекавказскую проблему), я сообщил им, что оно будет базироваться на моей статье, напечатанной в альманахе «Орга». Это их успокоило, хотя и не до конца. А остальное зависело от меня, как я сумею выложиться. По времени активистам ВДП в оргкомитете съезда еле удалось выбить для меня 20 минут. Всё это удалось лишь на том основании, что я являлся тогда заместителем председателя Координационного совета Ассамблеи горских народов Кавказа от Чечении.

Положение представителей ВДП в оргкомитете осложнилось ещё и тем, что несколько наших однопартийцев, по сути, оказались перевербованными «умхаевцами» за разного рода посулы, исходящие от ВС ЧИАССР, или смалодушничали, видя мощную поддержку «центристов» со стороны власти. В той или иной мере на наших позициях не удержались Салеховы и Сосламбеков, а также Зубайраев, не являвшийся официальным членом ВДП, но проведённый в оргкомитет негласно от нас. Обнаружилось это лишь в завершающий день съезда. Политический доклад съезду Умхаев оставил за собой. Ничего политического от его стряпни мы не ожидали. Было ясно: политического доклада не будет, если, конечно, «центристы» сумеют удержать свою линию. Но мы, ВДП, решили сделать именно политические доклады и были уверены в поддержке нашей линии делегатами. Моё выступление было оттеснено на конец второго дня съезда. Но я один знал, каким оно будет как по содержанию, так и по времени. Была уверенность, что удастся «прорваться» сквозь «умхаевские заслоны». Окончательно в этом

убедил меня Салавди Яхъяев, прочитавший отпечатанный текст. Это было за день до съезда: две попытки активистов ВДП в оргкомитете включить Яндарбиева в данный состав провалились с треском. Правда, была и третья, неофициальная попытка делегатов съезда, уже не просто включить председателя ВДП в состав рабочего президиума, а сделать его единственным ведущим съезда. Об этом меня поставил в известность председатель комиссии ВДП по делам религии Хусаинов Абдулманан (Манзар) так же за день до начала форума. Планировалось это делать, по его словам, буквально перед началом работы ультиматумом от группы делегатов-старейшин. И лишь клятвенными просьбами удалось их отговорить от этой затеи, как бесперспективной, так и авантюрной. Абдуманану я так и сказал, что это может поставить под угрозу срыва сам форум, что недопустимо, а своё право на лидерство мы докажем на съезде. Проигрывая в руководстве съездом, мы основной акцент перенесли в делегатскую среду. Кстати, председатель ВДП был избран на общенациональный форум от трёх избирательских округов: Гудермеса, Аргуна и Старых Атагов. Это говорит об авторитете Вайнахской демократической партии и её потенциальных возможностях в тот сложный политический момент.

Начало работы съезда продемонстрировало, что чеченский народ возлагает на него большие надежды. Пространство вокруг здания цирка, где проходил форум, было переполнено желающими быть причастными к столь знаменательному событию. Еле удалось сдержать напор желающих пробиться в здание. Делегаты собрались организованно. Зал был переполнен. Началась работа, которая проходила не только в зале, но и на улице, вокруг здания, куда велась теле- и радиотрансляция. Дискуссия там шла не менее жаркая, чем в зале. В этом мы убедились, как только вышли на перерыв. Начало прошло в запланированном русле: властное око ЧИ ОК КПСС и ВС ЧИАССР убедилось, что «неформалами» вполне можно управлять, если умело выводить своих марионеток в «лидеры». Первый день так и прошёл, без неожиданностей. Однако второй день начал портить нервы ключевым игрокам умхаевской команды. Атака ВДП началась выступлениями С. — Х. Абумуслимова, И. Арсамикова и других наших товарищей. Моё выступление оттягивали, как могли. Видимо, надеялись, что скажется усталость. Слово предоставили после восемнадцати часов.

Заседание вёл Апти Бисултанов, с которым мы договорились, что моё выступление не будет прерываться, как бы долго оно не продолжалось. Длилось оно около часа. Дело было сделано. В

процессе выступления и после начали поступать записки с вопросами. Несмотря на попытку «руководителей» съезда не позволить отвечать на них, зал потребовал, и я отвечал на поставленные вопросы. Среди «отцов» съезда началась паника. Выступление было воспринято как политический доклад съезду. Некоторым подумалось (то есть они еще больше уверовали), что такое развитие событий было заранее запланировано ВДП, что мы тайно управляем абсолютно всем съездом. От некоторых политических оппонентов начали поступать записки, в которых от меня лично требовали предоставить слово тому или иному лицу, которые не являлись делегатами. В частности, Х. — А. Бисултанову. Не хотели верить в то, что я совершенно отстранён от руководства съездом, более того, с трудом добился слова. Сказывалось, что объективно мнение съезда выражает в основном ВДП.

Стало ясно — линия ВДП побеждает. Оппоненты растерялись.

Рассказывали, как один из руководителей съезда в кульминационный момент выступления выскочил из-за стола президиума, в сердцах выдохнув: «Всё, конец!», и ушёл в «народ». Такое внимание своему выступлению мною уделено не в порядке самолюбования, а для заочного ответа некоторым несостоявшимся политикам — «после войны партизанам», как любит выражаться по поводу «горе-героев» мать Хусейна Сатуева. Пусть этот краткий экскурс в те дни подтолкнёт непосвященных в тайны событий к более объективному восприятию «откровений» оппонентов. В ночь перед третьим днём работы съезда в штабе ВДП были внесены последние коррективы в наши действия. Намерение «умхаевцев» протащить своё крыло оргкомитета в орган по руководству выполнением решений съезда было очевидно. Нужен был другой механизм. Так возникла идея избрания Исполкома общенационального съезда прямо на форуме. Обговорили принцип формирования Исполкома: по одному члену ИК от каждых десяти делегатов — порайонно. С этим предложением и пришли утром третьего дня. Но и «умхаевцы» не дремали. До возобновления работы оставалось буквально минут двадцать, когда мы подошли к кучке толпившихся в нише за столом президиума. В сборе были все «активисты-центристы». Назывались фамилии и они заносились в какой-то список, который уже перевалил за тридцать. На вопрос, что за список формируется, ответили: «Формируем группу из оргкомитета съезда, на который будет возложено руководить исполнением решений форума». Я однозначно отрезал, что никакой оргкомитет не будет и не может руководить

исполнением решений съезда, ибо функции оргкомитета исчерпаны с началом работы форума. Осталось только поблагодарить и распустить его, что и будет сделано.

Умхаев решил возмутиться: «Ты хочешь сорвать работу съезда. Твоё вчерашнее выступление уже внесло смуту в народ. На улице началось брожение, люди возмущены!» — бросил он. Но на сей раз я готов был пойти на любой крайний шаг, чтобы не допустить такого явного подлога, который полностью сводил на нет все достижения общенационального форума, поставив его на службу ЧИ ОК КПСС, сделав вроде бы народным органом для окраски в национальный цвет вовсе не национальных и не легитимных решений завгаевского Верховного Совета ЧИАССР. Если два дня назад я сам остановил Абдулманана именно аргументом, что это может сорвать съезд, то теперь и это не остановило бы меня: нельзя было допустить, чтобы народ предавали таким бессовестным образом. Об этом мы и заявили.

После поспешного обмена мнениями между собой, в некотором замешательстве они спросили: «Что мы можем предложить вместо оргкомитета?». Мы предложили Исполнительный Комитет, избираемый из числа делегатов съезда. И тут выяснилось, что «отцов» съезда беспокоит именно то, что Исполком избирается из числа делегатов, так как многие из них не имели мандатов от народа. «Тогда дайте нам квоту на представительство от оргкомитета!» — набросились они. Мы готовы были на это и поддержали предложение перед съездом. Так пролезли в Исполком ОСЧН (ОКЧН) цобаевы, эльмурзаевы и другие, впоследствии, 8 июня 1991 года, поспешно ретировавшиеся перед надвигающимися решающими событиями. Съезд принял идею создания Исполнительного Комитета.

Были сформированы списки членов ИК по районам и назначен день первого заседания, на котором должны быть избраны руководящие органы Исполкома. С боем пробивали и Декларацию о провозглашении независимости Чеченской Республики «Нохчийчоь». Но принятие её вылилось во всеобщее ликование под гимн, аплодисменты, размахивание национальными флагами и возгласы «АллахIу Акбар!». Даже противники Декларации не посмели воздержаться от имитации восторга. Завершающим аккордом прозвучало выступление первого из чеченцев советского генерала Джохара Дудаева, которого мало кто знал на съезде, но после съезда уже знали во всей Чечении. Краткая, но блестящая речь генерала потом, через несколько дней, когда нам, ВДП, нужно будет вырабатывать вариант действий на первом заседании Исполкома, где должен

был избираться председатель ИК ОСЧН, и подскажет нам мысль о необходимости встретиться с ним и обговорить ситуацию. Мысль пришла Салавди Яхъяеву, и я поддержал его. Если не говорить о деталях встречи, то мы расстались убеждёнными в том, что Дудаев является человеком, способным придать национально-освободительному движению новый импульс. Это было буквально перед заседанием Исполкома.

Предложение дать согласие выдвинуть его кандидатуру на председателя он принял не сразу, хотя в принципе согласился с такой возможностью. Договорились, что за ночь он подумает, а утром перед заседанием даст ответ. Не хочется в настоящий момент подробно останавливаться на первом заседании ИК, хотя это было действительно боевое зрелище и продемонстрировало линию будущего размежевания политических сил. Это будет сделано в другой раз. Отметим лишь то, что ВДП выдвинула кандидатуру Дудаева и выиграла трудный первый раунд первого этапа борьбы за независимость. И встретила при этом очень грязную игру тех марионеточных кучек, не брезговавших ничем, чтобы выполнить задание своих хозяев из ЧИ ОК КПСС и ВС ЧИАССР. Завгаевские «орлята» выдвинули Умхаева, который выложился до конца, но, увы, «лошадь была мечена». Как потом признавался один из бывших нардепов ЧИАССР, было дано чёткое задание: ни в коем случае не пропустить в руководство Исполкомом Яндарбиева. И это не удалось. Я был избран заместителем председателя. И на первом, и на последующих двух заседаниях. Заместителями были избраны также Умхаев и Сосламбеков. Кстати, первый из них самозванно определил себя первым заместителем на том лишь основании, что его кандидатура рассматривалась первой и поспешил «узаконить» это через газету, где подписался под небольшой информацией с акцентом на «первый». Это болезненное желание обозначить себя в политических делах непременно «первым» привело этого человека к известной трагедии. Да и Сосламбекова тоже. В нём, правда, оно дополнялось ещё и интеллектуальной ограниченностью, что придаёт маньяку агрессивный характер. Надо отдать должное «центристам» за настойчивое стремление выполнить задание ОК и ВС ЧИАССР. Особенно Умхаеву, который и на последующих заседаниях Исполкома ОСЧН (второе и третье заседания) сумел протащить вопрос о переизбрании Яндарбиева. И нужно понять его чувства после повторных проигрышей, которые обнажили его подноготную. Тем более, что на третьем заседании вопрос о моём переизбрании ставился в моё отсутствие, когда я находился в Москве. Он пошёл на явно

запрещённый приём, лишь бы избавиться от моей компании в Исполкоме, как и на первом заседании, когда, в тех же целях, он привёл «убийственный» аргумент: мол, Зелимхан парень честный, принципиальный и стоит за идею как стена, но он яро ненавидит коммунистов! Хотя ярой ненависти к коммунистам у меня не было никогда, характеристика такая мне лично понравилась. Видимо, понравилась и членам Исполкома, которые и с таким ярлыком, вопреки бешеному противодействию «центристов», избрали меня заместителем председателя.

Такое ожесточённое противодействие со стороны прономенклатурного крыла только укрепило позицию Вайнахской демократической партии, которая получила большинство в руководстве Исполкома ОСЧН. Плюс ещё и позиция генерала. Победа «радикалов» была полная, но ещё не окончательная. Сосламбеков тогда ещё не проявил свою истинную сущность. Он значился в авангарде ВДП. Он и хотел, чтобы его видели в таком качестве, более того, рвался туда. Но промежуток событий с третьего дня работы общенационального съезда до избрания руководства ИК ОСЧН высветил для некоторых его сотоварищей некоторую гниль. Мало кто понял тогда, какую игру на полупредательстве он вёл в борьбе «центристов» и «радикалов». Он уже тогда сделал тихую попытку захвата «власти». Но в тот момент мы решили закрыть на это глаза. Иного выхода не было.

Победа линии ВДП только обострила борьбу внутри руководства и в самом Исполкоме ОСЧН. На тайных сборищах так называемое «оргядро» из «центристов» вырабатывало механизмы нейтрализации деятельности Исполкома. Первым делом они, под видом создания Фонда культуры, отрезали Исполком от материальных средств, собранных у народа для проведения съезда и обеспечения исполнения его решений. В руководство не утверждённого Исполкомом, но действующего от его имени Фонда вошли чисто «свои» люди. Затем началась работа по блокировке заседаний ИК. Была сделана и попытка заменить председателя ИК человеком более степенным и «авторитетным», чем генерал. Нагло эксплуатировался тезис: председателем Исполкома можно поставить и другого человека, а генерал нам более нужен в армии — там он умножит славу чеченского народа. Но выбор народом и генералом был сделан.

Если быть до конца объективным, сговор «центристов» в оргкомитете по проведению общенационального съезда с Завгаевым сыграл и положительную роль в деле реализации идеи созыва форума и обеспечения его широкой гласности. Тем самым, были нейтрализованы и многие противодействующие его поведению силы из партийного и советского руководства. Свою

роль сыграла и тактика ВДП: я, как председатель альтернативной КПСС партии, официально не участвовал в работе оргкомитета, хотя линия поведения представителей ВДП в нём вырабатывалась совместно. Иначе противодействие ЧИ ОК КПСС и руководства ЧИАССР его проведению было бы неизмеримо большим и не было бы такого организационного блеска, с привлечением всех средств массовой информации.

Чувство прочности, незыблемости своих позиций и монополии на политическое влияние на народ притупило бдительность власти. Кроме того, была попытка оседлать новое политическое движение, не слезая со старого седла, что для политического багажа, нажитого неполитической жизнью в политических структурах имитации государственной власти, было непосильной задачей.

Но этого им не дано было понять, а предначертано было осознать в бурном потоке последующего развития событий. Именно факт победы линии ВДП и послужил причиной запрета демонстрации по телевидению и радио третьего дня работы съезда. Население республики так и не увидело кульминационный момент форума, наполненный ярчайшим проявлением свободолюбивого духа народа и драматизма: воля народа пробила гигантскую брешь в крепостной стене тоталитаризма. Это был момент осознания чеченским народом самого себя. Был сделан шаг, после которого народ под ярмо уже невозможно загнать, но возможно вывести на баррикады, на битву за независимость, что и случилось буквально через десять месяцев — 19 августа 1991 года, когда КПСС попыталась повернуть историю вспять.

Вторым по значимости моментом после съезда было провозглашение Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики, который стал завершающим аккордом в полугодовой борьбе демократических сил республики. Главным образом, борьбы ВДП за эту неё. Как известно, в течение второй половины 1990 года, вслед за официальным проектом о государственном суверенитете ЧИАССР, подготовленном Верховным Советом ЧИАССР, в республиканской печати появились ещё два проекта, подготовленные ВДП и группой депутатов во главе с Нунуевым С. — Х. Проект ВДП назывался «О государственном суверенитете ЧИР», а Нунуевский — «О государственном суверенитете ЧИАССР». Хотя в основополагающих моментах оба проекта выражали единые подходы к проблеме суверенизации, с той лишь разницей, что наш проект строился на принципах полной независимости, а нунуевский — на сохранении советской социалистической

системы и добровольной уступке некоторых наших прав имперскому центру.

После указанных проектов появилось еще восемь проектов, которые больше выражали желания их авторов показать себя. Но вариант, принятый 27 ноября 1990 года, был почти полностью переписан с проекта Вайнахской демократической партии. Нужно отдать должное работе той памятной сессии ВС ЧИАССР, которая завершилась в 1 час ночи принятием именно такого проекта, которого ожидал народ. Завгаев стал «героем дня» — и вполне заслуженно. Праздник независимости, начавшийся с принятия общенациональным съездом Декларации о независимости Чеченской республики «Нохчийчоь», кстати, подготовленной также ВДП, продолжается. Так, в течение трёх дней в Чечено-Ингушетии были провозглашены две Декларации о государственном суверенитете Чечении: волеизъявление народа и конституционный акт высшего органа власти автономной республики воплотились в правовую основу возрождающегося Чеченского государства. Однако было бы большим заблуждением считать, что все, кто участвовал в принятии столь важного документа в судьбе нашего народа, выразили именно свою политическую позицию и готовы были отстаивать её в любых ситуациях, тем более ценой личной свободы и жизни. Чтобы убедиться в этом, нужно вспомнить, кто из тогдашних депутатов и какую позицию занял в последующих событиях. Но тогда лишь очень немногие могли догадаться о сути «чеченской демократии», выращиваемой Доку Завгаевым в тепличных условиях ВС ЧИАССР, методами полного подражания российской псевдо демократии. То, что многие из народных избранников, представленные не только в ВС ЧИАССР, но и в ВС РСФСР, ВС СССР, панически боятся радикальной позиции ВДП в этом вопросе, мы ещё раз убедились на общенациональном съезде. Каково было изумление людей, когда на сессии ВС ЧИАССР, утром 26 ноября 1990 года, Умхаев и Бугаев самым бессовестным образом «отменили» принятый национальным форумом акт, заявив, что общенациональный съезд чеченского народа не принимал декларацию о Чеченской Республике «Нохчийчоь», а только рекомендовал Верховному Совету её рассмотреть. Не будем останавливаться на подробностях «скандала» в тогдашнем депутатском семействе, но паника была для кое-кого достаточно драматичной, особенно для журналистов, поспешивших передать информацию в Москву.

Второй силой, противодействующей принятию Декларации на сессии ВС, была группа ингушских депутатов, таранившая данный вопрос проблемой Пригородного района Северной

Осетии. Они даже несколько раз порывались уходить, но удалось уговорить, возвратить в зал. И Декларацию буквально протащили. И это была победа. Её не омрачило даже поспешное заявление Завгаева, что принятый документ вовсе не говорит о выходе из состава России. Но «герои» ретировались слишком поспешно и было очевидно, что данный ВС на большее не способен и отстаивать Декларацию придётся совсем другими силами. И лишь ВДП была к этому готова, как показало дальнейшее развитие событий, уже через день. В Доме Политпроса ОК КПСС, где ныне размещается Исламский университет, проходила встреча Завгаева с представителями общественно-политических движений республики. В силу определённых обстоятельств члены ВДП оказались в зале в большинстве. Выступили Завгаев, Яндаров: это можно было назвать «презентацией» новой политики Доку, от которого так и веяло великодушием «хозяина положения». И он имел на это формальное право. И мы готовы были не замечать и большего, ибо они сделали то, чего никто от них не ожидал. Теперь необходимо было подтолкнуть их к дальнейшим действиям именно в этом русле.

Такую цель ставили представители ВДП на данной встрече. Началось выступление «неформалов». Знаменательно, что однозначную и полную поддержку принятой ВС ЧИАССР Декларации о государственном суверенитете ЧИР выразила только ВДП. Остальные были значительно иного мнения, выражая недоверие этому документу и ставя под сомнение правильность курса политики руководства республики. Ингушские «неформалы» были явно недовольны. Лидеры ЧПС и НФЧИ даже здесь не сумели перешагнуть свои политиканские амбиции и популизм. Салигов, видимо, решил в очередной раз ошарашить зал: «Я, Доку Гапурович, плевал на ваш бумажный суверенитет…», — начал он и в том же духе закончил. Момент был более чем смешным, и мало кто счёл такое поведение серьёзным.

Политической детскостью несло и от Бисултанова — лидера НФЧИ, которому почему-то не понравилось, что в зале большинство составляли члены ВДП: «Если бы нам сказали, что можно присутствовать всем, кто желает, то мы битком набили бы этот зал членами Народного фронта. Но нам было сказано: приглашаются только руководители общественно-политических организаций…», — заявил он уверенным тоном общенационального лидера. Видно было, не прошла ещё обида за не представленное ему на съезде слово, как и Салигову (оба они не были делегатами). Конечно, за «дискриминацию» на съезде обиду они затаили на ВДП и Яндарбиева, наивно полагая, что мы

были неофициальными дирижёрами съезда, как выразился Бисултанов в своей сердитой записке во время работы форума. Сама судьба иронизировала над ними. В своём выступлении мы от имени ВДП поблагодарили Завгаева и ВС ЧИАССР за столь решительный шаг, сделанный ими в политической борьбе за независимость чеченского народа и ещё раз заверили, что ВДП не ставила и не ставит своей целью борьбу за власть в республике, а борется за полную национальную независимость. И для достижения её необходима консолидация всех политических сил народа: «Мы не ожидали от вас такого мужества и решительности. Вы, депутаты, оказались намного лучше, чем мы предполагали. Если Верховный Совет и в дальнейшем покажет себя сторонником государственного суверенитета, будет действовать в сторону наполнения Декларации действительным содержанием, то мы готовы быть самыми верными и бескорыстными помощниками руководства республики. Но если вы тайно или явно отступите от принципов принятой Декларации и тем самым предадите интересы доверившегося вам чеченского народа, ВДП вступит в самую беспощадную борьбу с вами, ВС ЧИАССР».

Выступившие за мной следом Абумуслимов С. — Х., Яхъяев С., Арсамиков Иса высказывались именно в таком духе. И это была наша незыблемая позиция: поддержать ВС ЧИАССР, если он будет работать на действительный суверенитет, или, если они не окажутся способными на это, взять власть в свои руки. На этом мы стояли и стоим. Да, на описанной встрече Завгаев чувствовал себя «отцом нации» и, возможно, готов был начать, действительно, новую политику. Под воздействием мощного освободительного порыва народа, продемонстрированного им на съезде, он чувствовал себя и обязанным, и способным к решительным действиям. На это мы и надеялись. Но груз оказался явно не по плечу — ни ему, ни депутатскому корпусу. Они попросту не верили в возможность достижения независимости и неспособны были поверить в это, сколько мы не бились. Я склонен думать, что и желание оградить Исполком ОСЧН от нашего влияния тоже было отчасти продиктовано желанием двигаться к цели «умеренными» шагами. Но только отчасти, а в основном сработал инстинкт «своей власти». Подсознательно почувствовали и свою беспомощность перед задачей, и нашу решимость, которая сулила им большие хлопоты. С образованием Исполкома ОСЧН Вайнахская демократическая партия вступила в новую фазу деятельности. Отныне все её действия будут подчинены и соизмеряться целями и задачами общенационального съезда и направлены на идейно-

политическое обеспечение Исполкома. Изменилось и восприятие роли ВДП как государственными органами, так и населением. Если до общенационального съезда ещё удавалось замалчивать деятельность ВДП, то после него лидирующая роль её признавалась однозначно. «У неформального движения в республике, пережившего крушение так называемого «Народного фронта», открылось в настоящее время второе дыхание в лице Вайнахской демократической партии, — писала, в частности, «Новая газета». — На съезде чеченского народа ВДП сумела значительно укрепить свои позиции. Противостояние между официальными властями и демократическим движением, представленным, в основном, ВДП и Исполкомом чеченского общенационального съезда, может в конце концов вылиться в открытое столкновение». Правда, такие признания делались не так часто, нас больше ругали или замалчивали. Но считались.

Деятельность же Исполкома ОСЧН после отъезда Дудаева к месту службы попытались вовсе заморозить. «Центристы» на заседания являлись редко, чтобы сорвать кворум, а Умхаев просто провоцировал склоки, и ни одна повестка дня не довелась до конца. Необходимо было добиться приезда Дудаева, для чего нужно было выхлопотать его увольнение в запас. С трудом отправили ходатайство в Верховный Совет СССР. Но не дремали и «завгаевцы». В верховные органы власти полетели секретные донесения о том, как генерал Дудаев в сговоре с ВДП организовывает свержение советской власти. Более того, предпринимались меры и по оказанию давления на активистов через родственников и по линии работы. Состояние дел в Исполкоме требовало принятия срочных мер. И мы с Умхаевым полетели в Тарту к Джохару. Летели вместе, но с различными намерениями: Умхаев — с тайной целью уговорить Джохара сложить с себя полномочия председателя Исполкома, а мне было поручено (сторонниками линии ВДП) не только не допустить этого, но и уговорить генерала оставить службу ради деятельности в Исполкоме. Джохар не оставил надежды нашим оппонентам. Вскоре он прилетел на несколько дней, а ещё через месяц вырвался в запас и приступил к исполнению обязанностей, возложенных на него ОСЧН. Сразу же по приезде Дудаев вносит некоторые коррективы в деятельность Исполкома. В первую очередь, переводит работу Исполкома на международно-правовую основу. В общекавказской политике идёт на активный контакт с лидерами Грузии, Армении и Азербайджана. Грузия в его политике становится приоритетной зоной решения общекавказских задач. Начинается работа по подготовке вступления Чеченской Республики в Организацию

Непредставленных Народов. В орбиту активной деятельности Исполкома втягиваются и другие общественно-политические движения — «Движение зеленых», в особенности.

Последнее послужило ещё и тому, что были сведены на нет попытки властей стимулировать некоторые неформальные движения к противодействию ВДП, перенести акцент в политической жизни на другие, чаще имитирующие деятельность, политгруппы. фронт борьбы против ВДП и Исполкома ОСЧН усиливался и по линии общекавказской деятельности. Москва делала всё, чтобы уменьшить влияние ВДП и представленной им чеченской делегации на АГНК. Это сказывалось и на результатах политической деятельности сил национально-освободительной ориентации у себя в республиках. Они были весьма скромными. Ни одна из автономных республик СССР так и не приняла декларацию о государственном суверенитете, подобную чеченскому варианту. Лидерство Чечении было налицо. Это выразил в своём письме один из руководителей национально-освободительного движения Дагестана Д. Халидов: «Поздравляю вас всех с принятием Декларации о суверенитете республики. Считаю, что Вы показываете всем остальным кавказцам пример того, как должно быть». Но всё же к весне 1991 года, к приезду Джохара на родину, ощущалась явная разлаженность механизма общекавказской борьбы за независимость, что вызывало очень серьёзную тревогу у наших соратников, особенно абхазцев. Тем временем, внутренние разногласия в Исполкоме ОСЧН углублялись. Становилось ясно, что необходимо созвать очередной этап съезда, чтобы выяснить, какая из позиций получит поддержку народа. Характерную для того момента особенность в деятельности Исполкома подметил присутствовавший на одном из майских заседаний ИК писатель и политик из Абхазии Даур Зантария. Вместе с тем, он подчеркнул и роль чеченцев в общекавказской борьбе. Чрезмерно жёсткая схватка между сторонниками ВДП и «умхаевцами» была им воспринята с большой тревогой. Вот что он написал:

«*Дорогой Зелимхан!*

Посчитав своё присутствие лишним на собрании, где обсуждаются слишком личные чеченские вопросы, я удалился. Однако же, если бы я остался, у меня возникло бы желание сказать примерно следующее. С тех пор, как на горизонте Кавказа появились русские штыки, Кавказ дважды предпринимал попытку объединиться в один кулак. В первый раз это был Имамат, во второй раз — Горская республика. Оба раза, что весьма характерно, возглавили движения чеченцы. В первый раз — Шейх Мансур, во второй раз — Тапа Чермоев. Оба раза, естественно,

чеченский народ взял на себя лидерство и основной удар. Это вовсе не означает, что чеченцы более остальных своих горцев-братьев привержены к независимости. Я с удовольствием могу настаивать и на этом, но знаю, что сами чеченцы станут мне возражать. Скорее всего, тут действовали другие обстоятельства. Во-первых, Чечения занимает центральное место на Кавказе, и связь между единокровными адыгскими и дагестанскими народами осуществлялась именно через неё. Во-вторых, чеченцы приняли Ислам добровольно и религиозное чувство, как стимул самосознания, выражено у них наиболее сильно. В первом и во втором случаях было известное героическое сопротивление, были страшные жертвы, но дело было проиграно. Тому есть разные причины в первом (Имамат) и во втором (Горская республика) случаях, и тому есть общая причина. Начну с первого. Имамы сумели организовать сопротивление, но не сумели оформить межгосударственные дипломатические отношения ни с одной из влиятельных держав. Я не говорю уже о союзе. Таким образом, сочувствие к борьбе Кавказа не выходило за пределы гуманитарных сфер, не стало ни разу камнем преткновения в спорах этих держав, и мирные договоры, где решалась судьба Кавказа, проходили без участия и ведома Кавказа. Чермоев действовал в другое время. Он, как раз — таки, начал с союза и международных договоров, но он при этом не смог (точнее не успел) обеспечить межнациональное согласие, которого к этому времени не было, как следствие полувековой уже несвободы. И потому его государство оказалось открытым для племенного сепаратизма и не защитило себя от интервенции.

Это различные в обоих случаях причины, а общая причина довольно деликатна. Если бы и в истории Имамата, и в истории Горской республики миссия объединения разобщённой на племена кавказской нации велась бы чеченцами с таким же энтузиазмом, как война на собственной территории, если бы оба эти фактора воспринимались одинаково важными, результаты могли быть иными. Хочется верить, что чеченский народ будет на данном этапе действовать сразу в двух направлениях. У кавказских народов не только общие достоинства, но и общие недостатки, один из которых: мы плохо учимся у истории.

С уваж. Даур. 26. 5.1991».

Хотя я потом объяснил Дауру суть наших разногласий в Исполкоме ОСЧН, он был прав в одном: единства настоящего ещё не было. Оно только подразумевалось. И потому становилось тревожно за любые разногласия в родной среде. Было бы неправильно считать, что общественно-политическое движение

Чечении имели разногласия только в вопросах внутренней жизни. Они распространялись и на общекавказскую политику. НФЧИ начисто отрицал приоритетность кавказских проблем в вопросе достижения действительного суверенитета. Правда, связано это было с тем, что не НФЧИ представлял Чечению в общекавказских делах. Именно это обстоятельство лежало в основе амбиций так называемой «ЧПС», являвшейся группой политиканов, находящихся на услужении завгаевской политкоманды, имитируя противостояние официальной власти (а на самом деле они выполняли роль «пятой колонны» в рядах национально-освободительного движения).

Вторым планом в деяниях ЧПС шли попытки перенести акцент чеченской политики в общекавказских вопросах на себя. На публичных выступлениях, форумах и даже в печати делались провокационные заявления по поводу того, кто является истинным организатором АГНК, и в вопросе правомерности членов ВДП-ОКЧН представлять чеченский народ в кавказской политике. Подобные спекуляции продолжались вплоть до последних кровавых событий в Абхазии (август 1992 года) и пересеклись с первыми залпами в Сухуми. Здесь уже они не стали «пачкать» себя ответственностью за дальнейшее развитие событий: тихо ушли под крыло оппозиции.

Но чеченский народ уже успел принять идею кавказского единства к действию. И добровольцами в Абхазию чеченцы шли не по политическим мотивам, а по принципу кавказского братства — кавказскости. Пошли лучшие. Даже те, кто вообще не признавал никаких партий. Облегчить беду маленького народа, во имя справедливости в родном кавказском доме… Пошли не против грузинского народа, а против тех, кто нарушил этот принцип. Но это было всё же позже, когда мы прошли горнило осени 1991 года, осознали и реально ощутили силу солидарности наших народов. А тогда всё было иначе и главной силой были ВДП, ОКЧН… Кавказ принял Дудаева сразу и безоговорочно, как одного из своих лидеров. Помню нашу совместную поездку на заключительный этап Всемирного черкесского Конгресса, который проходил в Сочи и Абхазии. Речь Джохара на Красной Поляне, где руководители городской администрации Сочи устроили банкет в честь зарубежных черкесов — с целью подчеркнуть, что они хозяева на этом клочке Кавказа, показала далеко идущие цели чеченского генерала и, самое главное, что он твёрдо стоит на платформе единства Кавказа и не собирается уступать ни пяди кавказской земли России. Об этом было заявлено абсолютно чётко и твёрдо, как и недопустимость того, чтобы кто-то, кроме кавказцев, пытался называть себя хозяевами

этой земли. И предполагавшийся камень на месте будущего памятника героям Кавказской войны на этой самой Красной Поляне остался не установленным лишь по причине того, что мы с Джохаром не знали о запрете на его установку со стороны городских властей. Черкесы от нас это скрыли. Выступление Джохара полностью перевернуло представление зарубежных черкесов о сегодняшнем Кавказе. Если в начале деятельности в руководстве ОКЧН в нём узрели «тень» великого Шамиля, то теперь его образ стал обретать реальные черты современного политического лидера, хорошо знающего своего вероятного противника в борьбе. За выступлением в Сочи последовали столь же накалённые идеей кавказского единства и национального освобождения выступления на митинге в Сухуми, на берегу моря, откуда абхазы-мухаджиры — те кто проиграли битву за независимость, но не покорились русской армии в Русско-Кавказской войне — покидали родину; и на торжественном банкете, венчавшем Всемирный форум черкесов; и на встречах с лидерами Абхазии и АГНК. С каждым разом становилось ясно, что чеченский лидер не только в авиации генерал, но и в политике. Не зря, видно было, до 1989 года действовал тайный указ советского правительства, запрещающий присваивать чеченцам воинское звание выше полковника. Но стало очевидным и другое: некоторые из наших кавказских соратников ещё цеплялись за иллюзорные надежды на Россию. Что, к величайшему сожалению, не изжито даже сегодня и всемерно стимулируется «великим» северным соседом, не брезгующим ничем, даже такими открытими формами преступлений международного характера, как разжигание военных конфликтов между народами, за которые мы платим абхазской, ингушской, осетинской, кабардинской, черкесской, грузинской, чеченской кровью. Кровью и жизнями лучших сынов Кавказа…

1991 год выдался в Чечении политически жарким, насыщенным: митинги ВДП и других политических сил не давали ослабевать пульсу борьбы. Задача была ясна — держать ситуацию под контролем, ибо в любой момент могли возникнуть условия, при которых достижение независимости станет делом решительности группы людей, сплочённых идеей. И ВДП выходила на площади, улицы, организовывала пикеты, сборы подписей. Очень много сил и энергии отдавалось в целом всей кавказской политике. Но главным фронтом, всё же, оставался внутренний, чеченский. И дела здесь шли не очень гладко. Власть пыталась перейти в контрнаступление на всём фронте политической борьбы. Более того, она начинала извлекать уроки из опыта. Казалось, что это ей в какой-то мере удаётся. Развитие

политической ситуации в Чечении в первой половине 1991 года показало, что внутри ОКЧН появилась оппозиция, которая старается удержать деятельность общенационального конгресса в русле социалистической перестройки, во что бы то ни стало подчинить политике Верховного Совета ЧИАССР, каковой продолжала оставаться республика, вопреки принятой Декларации о суверенитете. Первым действием основного руководства Исполкома было сплочение вокруг ОКЧН всех значимых демократических сил, которые вскоре признали единственной законной властью Исполком ОКЧН. Нужно было собрать съезд, работа которого была только прервана. Что и было спешно сделано. Подготовка шла в течении двух недель. Место проведения было засекречено вплоть до последнего дня. Делегаты съезжались к центру Грозного, а затем на автобусах подвозились к ДК имени Кирова (бывшая резиденция Чермоева). Подготовительные работы там проводились всю ночь и до самого начала съезда. Знаменательным было то, что именно дом Чермоева, одного из руководителей последнего общекавказского государства (Союз горцев Кавказа), аннексированного Россией, и стал рабочим местом второго этапа исторического форума чеченского народа, проводимого, как оказалось, буквально накануне развала советской империи.

Съезд прошёл 8 июня 1991 года, закончил работу за один день, против запланированных двух. Это была тактическая хитрость. Мы знали, что власть и прозавгаевское крыло ОКЧН попытаются сорвать съезд, по крайней мере, не допустить принятия решения. Значит, главные действия по срыву будут запланированы на второй день. В крайнем случае, милиция могла ночью занять здание, чтобы на второе утро не допустить делегатов в зал заседания. Именно милицией были заблокированы все нами рассекреченные здания, предполагавшиеся места проведения съезда. Заблокированы в ночь с 7 на 8 июня. И после обеденного перерыва было принято решение прекратить прения, приступить к принятию документов съезда. Прозавгаевское крыло вряд ли этого ожидало. Но, тем не менее, они пошли в решительную атаку. Дудаев и лидеры ВДП обвинялись в государственном преступлении — в посягательстве на власть. В бой были брошены лучшие силы окачеэновского «центризма» — от народного писателя до народных депутатов ЧИАССР, РСФСР и СССР, хотя многие из них пошли в штыки от страха, что выйдя из зала заседания съезда с них спросят за то, что допустили такую крамолу, как объявление съезда учредительным, Верховный Совет ЧИАССР незаконным, а законным органом власти Исполком ОКЧН — высший орган

народной власти. Но воля съезда пересилила. И побеждённые «центристы» в панике покинули съезд. В ту же ночь на телевидении они решительно отмежевались не только от съезда, но и от Исполкома ОКЧН.

Я помню оценку этого съезда, данную одним из гостей (а они были со всего Северного Кавказа и Абхазии), который сопоставил данный этап с первым. «Вот это была действительная борьба и настоящая победа, — сказал он, — а на первом съезде больше было театральности, чем работы. Сегодня вы показали свою мощь…». Но это был очень тяжёлый этап. Провокационные выступления, заявления «центристов» поставили делегатов перед трудной дилеммой: за кем пойти — за генералом Дудаевым и ВДП или за Верховным Советом ЧИАССР, явно неспособным реализовать провозглашённый народным съездом и им самим же суверенитет? Меняясь, выходили ораторы на трибуну, и с той, и с этой стороны. Недомолвки были отброшены, эмоции перехлёстывали через край. Но доводы дудаевцев оказались убедительнее. А суть их была в том, что народ, желающий быть свободным и строить независимое государство, должен уметь действовать решительно и быть готовым к жертвам. Каждый отец, каждая мать должны быть готовы, как говорится в наших эпических песнях, отдать своего сына для дела народа, как это сделала мать Ады Сурхо. Нельзя добиться свободы, сидя у печки в ожидании, что сосед пойдёт и принесёт её, ибо это пораженческая философия… Убедившись, что делегаты готовы драться за независимость, первый заместитель председателя Исполкома ОКЧН Лечи Умхаев публично сложил с себя обязанности. Этот шаг был запланирован, как ультиматум, но принят как логический выход из ситуации. Съезд не желал видеть в руководстве людей, ещё не разобравшихся в собственной политической позиции. А таких было немало. Помню, как А. Айдамиров обескураженно пересел из-за стола президиума в тыл, как Г.Эльмурзаева в истерике кричала, покидая трибуну: «Вы не мужчины, если не возьмете власть». В таком же духе были и другие выступления. Основным моментом в тревоге отмежевывающихся была боязнь России, именно карательных мер с её стороны. А некоторым из них завтра нужно было держать ответ перед председателем ВС ЧИАССР. А это было очень непросто. Ещё больше паники было в глазах депутатов РСФСР и СССР. Все их действия говорили только об одном, что они не могут допустить решительных действий съезда, ставящих проблему суверенизации ЧИР на реальный путь, так как тогда им приходится «добровольно» отказаться от привилегированного положения депутатов двух имперских центров в пользу полной

неизвестности и реальной опасности на пути борьбы. В этом плане показательным было выступление С.-Х. Нунуева, которое можно было бы назвать фланговым манёвром ударных сил «завгаевщины». Но возможности манёвра были и у нас. В самый критический момент слово взял Кати Чокаев. Он говорил долго, убедительно и веско доказал залу, что нам отступать больше некуда, что вечно бояться России — значит, оставаться в вечном рабстве. Зал выслушал внимательно и проголосовал за резолюцию, предложенную Джохаром.

Отныне политико-государственное состояние ЧИАССР переходило в новое качество. Как всегда, блестяще выступил председатель Координационного Совета АГНК Муса Шанибов. Выступили Гурам Гумба и другие представители кавказских народов. Представитель ингушской делегации Башир Чахкиев, как обычно, говорил в пророссийском духе. Так закончился рабочий день съезда, но его работа продолжалась и после — по районам и сёлам, среди населения. Работа продолжалась и против съезда, и самая ярая — со стороны тех, кто этим съездом был выброшен на обочину больших событий. Их заявление перепечатывалось газетами, зачитывалось на радио, комментировалось на ТВ.

Вторым фронтом против Исполкома ОКЧН шёл процесс подготовки к так называемому «съезду народов Чечено-Ингушетии». Фактически намечалось проведение партийно-хозяйственного актива республики с приглашением партноменклатуры со всего Союза. Своё отношение к нему мы с Удуговым выразили, в частности, на «круглом столе», организованном газетой «Голос Чечено-Ингушетии» 19 июня 1991 года, где было сказано: «Это будет съезд партократии. И это не выпад против КПСС — это реальность. Предстоящий съезд будет моментом конфронтации в республике, и тот, кто хочет принять на себя такую ответственность, пусть проводит такой съезд. Мы в нём участвовать не будем, потому что таким образом выбранные делегаты не будут честно говорить о наших болевых проблемах». До известных августовских событий оставалось ровно два месяца. Завгаевский партийный съезд прошёл 21–22 июня в ДК имени Ленина. Все силы милиции и КГБ ЧИР были задействованы. Мероприятие было обставлено по застойному шикарно. Как выразился один из гостей, член ВС Армении, который был удивлён холодильником в своём гостиничном номере, где было всё, чего душа пожелает, но в зале заседания выдержал всего лишь до первого перерыва, — так нагло себя коммунисты не вели

даже в самый пик застоя. Были задействованы все формы и методы подкупа обывательских душ: каждому делегату вручался конверт с денежной суммой, в фойе была организована продажа дефицитнейших товаров и тому подобное. Президенты СССР и РСФСР тоже не остались в долгу: их поздравительные телеграммы были восприняты как «манна небесная», по крайней мере, так их хотели представить средства пропаганды ЧИ ОК КПСС. И всё это было закономерно, ибо сама идея съезда была найдена в поисках противодействия динамично растущему авторитету ИК ОКЧН и ВДП. Задача ставилась довольно простая: съездом народов ЧИР (статус которого они считали выше, чем статус съезда одного чеченского народа) поглотить решения Чеченского съезда. Тем самым, планировалось взять реванш за проигрыш на общенациональном съезде чеченского народа. Но вышло по пословице: «Человек предполагает, а Бог располагает». Ещё 8 июня, на втором этапе общенационального съезда чеченского народа, было принято, что предстоящий так называемый «съезд народов ЧИР» не имеет законной основы и его решения не будут иметь юридических последствий для чеченского народа. Это, видимо, чувствовали и сами организаторы, и участники, и гости. Именно поэтому почти все журналисты, прибывшие из-за пределов ЧИР, считали необходимым встретиться с председателем ИК ОКЧН Д. Дудаевым. И не только журналисты.

Я лично убедился в этом после разговора со Станкевичем, первым заместителем председателя Моссовета, представляющим и политическое ядро нового руководства РСФСР. 22 июня, запиской через одного из наших журналистов С. Бердукаева, он изъявил желание лично встретиться со мной. Говорили мы с ним более получаса. Ревностно охраняемый рослыми телохранителями, он чувствовал себя российским барином, приехавшим на вотчину. Говорили на людях, хотя и в некотором отдалении от любопытных. Его интересовала программа ВДП, как политической основы ОКЧН, и моё личное мнение о чеченско-российских проблемах. Спор был, как говорят спортсмены, «на грани фола». Ему, конечно, не понравилось, что чеченцы хотят строить своё независимое государство.

После теоретических выкладок с обеих сторон стало ясно — взаимопонимания не будет. Слишком по-разному мы смотрели на реалии. Станкевич, по существу, отрицал реальное право чеченского народа на самоопределение. Он даже обвинил чеченский народ в желании решать проблему своего возрождения за счёт России, открыто пригрозил применением любых сил и мер для пресечения попытки Чечении отделиться от России, вплоть до «возврата к ситуации середины прошлого века», как он выразился.

На что я отпарировал: «Мы готовы и к этому, во имя свободы». Следующим его «аргументом» было: «Но учтите, условия уже будут другие». «Условия будут другие для обеих сторон», — ответил я. Имелась в виду Русско-Кавказская война. Выражаясь буквально его словами, Россия готова была предоставить чеченскому народу полную политическую, экономическую и культурную независимость, лишь бы не говорили о выходе из РСФСР, ибо это повлечёт развал российского государства. Хотя и не видно было логики в «предоставляемых» Россией свободах и вхождением Чечении в её состав, московский гость считал это реальной перспективой. Я с этим согласиться не мог. Поэтому в качестве некоторого резюме заметил Станкевичу, что мы вряд ли поймём друг друга, ибо нас, чеченцев, заставляли изучать историю России и этим самым, желая поработить, вынуждали постигать её имперскую сущность, а вы историю Чечении не изучали, так как не считали это необходимым… На что он, правда, отпарировал: «Боюсь, что история России только начинается». Так и расстались, каждый при своём мнении. Как и предполагалось, народ не принял завгаевский съезд — и это при самой широкой пропаганде его решений вплоть до событий 19 августа. Несмотря на информационную блокаду вокруг своей деятельности, Исполком ОКЧН, наоборот, завоёвывал всё больше и больше сторонников. В ряде сёл были вывешены флаги Чеченской Республики, которые мобилизовали сознание народа, почувствовавшего реальную близость свободы.

Видя, что симпатии на стороне лидеров ИК ОКЧН и ВДП, официальные власти с новой силой развернули кампанию преследования как через правоохранительные органы, так и через средства массовой информации. Была организована широкая кампания слухов и клеветы вокруг Дудаева. Многие лидеры ВДП привлекались к уголовной и административной ответственности, увольнялись с работы. Но все эти действия имели обратные результаты. Так, с июля 1990 года по июль 1991 года против председателя ВДП были возбуждены два административных дела и одно уголовное дело.

Причём, последнее — по указанию Завгаева, как пояснили следственные органы, после антикоммунистического митинга ВДП 6 ноября 1990 года. Хотя его производство было вскоре прекращено, но в связи с избранием лидера ВДП заместителем председателя ИК ОКЧН и активизацией деятельности опять было дано указание возобновить уголовное преследование.

Советский режим пытался противодействовать нарастающей

волне борьбы за демократические преобразования, всё больше переходящие в русло национально-освободительной борьбы, но почва уходила из-под его ног. Каждая попытка придавить оппозицию оборачивалась потерей позиций ОК КПСС и её власти. Всесоюзная пресса уже крепко обосновалась в республике, держа под своим неослабным вниманием действия демократических сил. Так, «Экспресс-хроника» от 16 апреля 1991 года дала очередную информацию о преследовании ВДП: «10 апреля в Грозном, в суде Ленинского района, состоялось слушание дела председателя Вайнахской демократической партии Зелимхана Яндарбиева, обвиняемого в организации несанкционированных митингов 6 ноября, 17–18 ноября 1990 г. По поводу отказа ВДП в регистрации и санкции на проведение митингов и демонстраций З. Яндарбиев заявил, что административно-правительственные структуры республиканской номенклатурной бюрократии на всех уровнях «как псы КПСС» охраняют принципы имперской политики Кремля. З. Яндарбиев заявил ходатайство об отводе состава суда, мотивируя это тем, что все судящие — члены КПСС и являются идеологическими противниками ВДП, а поэтому не могут судить объективно. После отказа в удовлетворении ходатайства об отводе З. Яндарбиев и присутствовавший на суде Совет ВДП покинули зал суда. 12 апреля, в 6 часов утра, на квартиру З. Яндарбиева явился наряд милиции, состоящий из офицеров, который доставил его в суд Ленинского района. Слушание дела было продолжено. Суд признал нарушение процессуальных положений ст. 17 и 19 УПК и вынес решение отправить дело председателя ВДП З. Яндарбиева на доследование».

Эта информация вместила в себя одну из победных схваток ВДП с судебной машиной тоталитарного режима. Позволю себе ещё немного остановиться на некоторых нюансах процесса, который подтолкнул другие демократические силы к выражению солидарности с ВДП, тем более, что суд не по своей воле принял указание из ОК КПСС ЧИР, когда увидел: ни закон, ни милиция не в силах заставить ВДП подчиниться беззаконию. Необходимо отметить и роль адвоката Хияури, грамотно ведшего дело.

А вот что произошло в заключительной части «процесса». Действительно, 10 апреля лидеры ВДП покинули зал суда, а утром 11 апреля наряд милиции явился в Союз писателей ЧИР, чтобы доставить З. Яндарбиева на судебное заседание. Но члены ВДП не позволили им сделать это, и тогда с руководством РОВД была достигнута договорённость, что они не будут пытаться доставить председателя ВДП в суд силой. В нарушение этой договорённости и явился наряд милиции на квартиру — 5–6 офицеров. Суд должен был начаться в 10 часов утра. С 6 часов до

9 часов 30 минут мы посидели на квартире и затем подъехали к суду. За это время члены ВДП через Ваху Ибрагимова успели организовать ударную группу и уже ждали нас. Кроме того, сильную поддержку в этот момент оказали и представители интеллигенции: историки, этнографы, писатели, журналисты и представители других общественно-политических движений. Помню Музаева М., Ошаева М., Хасиева С. М., Эльсанова И. и других. В зале обговорили план действий. Председателю суда было заявлено, что сейчас требования ожесточаются: должны быть заменены не только члены суда — коммунисты, но дело должно слушаться на чеченском языке и по первой инстанции. До 14 часов шли консультации суда с руководством республики и Советом ВДП. То, что силой процесс не возобновить, они понимали отчётливо. Искали благовидный повод, чтобы на время отвязаться от дела. Выход нашёл суд совместно с адвокатом. Хияури уговорил нас позволить начать заседание. Он заявит, что в деле много неисследованных мест, а суд уже подготовил определение о возвращении его на дополнительное расследование. ВДП пошла навстречу такой просьбе. Суд вздохнул облегчённо. Как нам передавали, один из стражей закона заявил, что это дело никогда не будет иметь судебного завершения. Так и случилось: 19 августа 1991 года (!) явилось на свет новое дело — административное, с перспективой стать очень серьёзным — уголовным, если бы ГКЧП не проиграла и чеченский народ не провозгласил своей государственной независимости. Но ГКЧП не только проиграл, но и развалил Советскую империю на национальные государства, в том числе и на Чеченскую Республику…

Прежде чем перейти к событиям, вошедшим в историю как августовские, необходимо ещё раз остановиться на общекавказских проблемах, которые являлись и являются неотъемлемой частью вопроса независимости Чечении, как и любого другого народа Кавказа. ВДП осознала это с самого начала и оставалась верной этому принципу, ибо история развития Кавказа более чем убедительно показывала его правильность. Когда другие неформальные и демократические движения Чечении считали, что «чеченским общественно-политическим организациям не нужно вмешиваться в дела других братских народов», мы знали: ВДП не вмешивается в дела других народов, а приобщается к основам кавказского единства, постигает корневую суть своих проблем во всей их широте, диалектической глубине, что крайне было необходимо тем, кто серьёзно взялся за политику, тем более в такое архисложное время ломки имперских устоев и закладки основ возрождения

народов. Опыт национально-освободительной борьбы кавказских народов — и положительный, и отрицательный — должен был быть переосмыслен в возможно полном объёме и применён сообразно новым условиям.

Главным условием успеха в достижении национальной независимости было достижение кавказского взаимодействия в предстоящей борьбе. В идеологии ВДП эту основу заложил, в основном, Сайд-Хасан Абумуслимов. Он был и остаётся одним из самых больших тружеников фронта кавказского единства, не прощающий никому ошибок в этом вопросе. А в постижении глубинной сути кавказской проблемы среди политических деятелей сегодняшнего Кавказа очень мало равных ему. Другое дело активность: здесь Чечения показала достойный пример и количеством, и качеством сил, задействованных в этой многотрудной борьбе. С первого абхазо-грузинского конфликта в середине июля 1989 года, когда пролилась кровь двух братских народов, представители Чечении приняли боль Абхазии и трагедию Грузии как свою, как и кабардинцы, как затем и другие народы. Группами и в одиночку прибывали они на помощь братьям. Не потому, что грузин считали меньше братьями, чем абхазов, а потому, что последние были и слабее, и правы. И чтобы сохранить между ними родство, необходимо было вмешаться именно кавказцам, их братьям. Кровь, пролитая абхазами и грузинами, дохнула началом большой трагедии, и мы ясно ощутили её дыхание, что ускорило процесс оформления нового политического взаимодействия общественных сил Кавказа.

Съезд представителей общественно-политических организаций горских народов Кавказа прошёл 25–26 августа. Образование АГНК было исторической вехой и началом новой страницы в истории национально-освободительной борьбы Кавказа. Сегодня — это Конфедерация Народов Кавказа, мощная общественно-политическая сила, объединяющая в себе политические движения около двадцати народов, прошедшие закалку не только в политических битвах, но и в кровопролитных боях во имя кавказского единства (что самое главное). А закладывали основу тогда, в августе 1989 года, представители семи народов.

Первый Устав Ассамблеи горских народов Кавказа начинался словами:

«Мы, горские народы Кавказа: абазины, абхазы, адыгейцы, ингуши, кабардинцы, черкесы, чеченцы, сознавая свою этническую общность, историческое и духовное единство, многовековое братство, подтверждённое совместной борьбой на

всех героических и трагических этапах нашей истории…». Путь АГНК к сегодняшнему своему состоянию был не только нелёгким, но и очень трудным. Империя встревожилась сразу. Неформальное движение, отчасти, было вызвано к жизни самими её идеологами, но перерастание его в политическое было закономерностью: джин, выпущенный из бутылки, стал обретать зримые черты. А общекавказская интеграция общественно-политических движений говорила о том, что джин обретает и разум, а это уже было не допустимо. И империя старалась. Но всё же она просчиталась, потому что не учла законы общественного развития.

Вернее, не она просчиталась, а всё было предрешено судьбой. За короткий срок АГНК идейно завоевала весь Северный Кавказ и наметила интеграцию с общесоюзными региональными общественно-политическими силами, стоящими на платформе национального освобождения. И в Москве прошёл съезд народов автономных образований и безгосударственных народов, с участием представителей более чем сорока народов. Тоже под руководством АГНК. Хотя и чувствовалось, что союзные и республиканские российские власти имеют самое непосредственное отношение к подготовке и проведению этого форума, мы пошли на этот шаг. Была завоёвана еще одна позиция.

Присутствие на съезде Нишанова и Абдулатипова пошло на пользу дела. Это придавало нам дополнительную психологическую уверенность. Ясно было, что имперские идеологи работают без чёткой программы. Привычка считать свою идеологию единственной, видно, притупила их разум.

При этом у нас было преимущество: показывать несостоятельность уже ненавистной обществу политики было легче, чем отрицать новое, несущее надежду, правду… Лето 1991 года было полно тревожных прогнозов относительно перспектив развития демократии в СССР. Коммунисты начали наращивать давление на власть как в Союзе, так и в республиках. Реакцию пророчили, её прихода ожидали. И всё-таки, объявление о вводе Чрезвычайного положения на всей территории СССР было неожиданным. Общество мгновенно разделилось на сторонников и противников ГКЧП. В это утро, почему-то, я не включал радио. Как обычно, пошёл на работу.

Ничего особенного не заметил по дороге к автобусной остановке. Но в автобусе царила какая-то тревога и было оживление. Кто-то выразил опасения, что Горбачёва уже, может, нет в живых. Меня это странно удивило. Подумалось: возможно,

новые слухи или анекдот. Но что-то было непохоже. Прислушался внимательнее. Старухи выражали удовлетворение, что теперь установят порядок: давно надо было, развели, мол, демократию… Понял — случилось необычное, но спрашивать стыдно. Подходя к Союзу писателей, увидел членов ВДП, которые спросили: «Что будем делать?». На вопрос: «А что случилось?», объяснили: «Введено ЧП, судьба Горбачёва неизвестна, в средствах массовой информации введена цензура. Ожидается выступление Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению по телевидению…».

Начали прибывать не только члены ВДП, но и сочувствующие нам. Двое знакомых бизнесменов предложили даже план действий: начать печатать подпольную газету. Они собирались где-то покупать нам печатное устройство. Ещё предложили организовать среди трудовых коллективов забастовки, вывести людей на площадь. Были и растерянные, и открыто радующиеся — даже в Союзе писателей. Когда прослушал повтор информации о ЧП стало ясно: надо действовать. На машине всё тех же бизнесменов поехали к Джохару. Он только встал и тоже не знал о случившемся. Включив телевизор, вместе прослушали периодически повторяемую информацию. Джохар сказал, что нужно срочно созвать Исполком ОКЧН. Назначил срок: к 12 часам дня. Я предложил немного иной план: немедленно вывожу ВДП на митинг и занимаюсь разъяснением людям случившегося и позиции ОКЧН, ВДП и других демократических сил, а Исполком занимается по плану Джохара. Так и договорились. Когда вновь подъехали к Союзу писателей — штабу ВДП, людей было несколько десятков. Перепоручив товарищам заняться сбором Исполкома ОКЧН, я взял мегафон и в сопровождении группы единомышленников направился к площади Свободы. По пути призывали людей собраться перед Верховным Советом ЧИР, где будет митинг: «Всем честным гражданам республики, кому дорого будущее народа, демократии необходимо определиться, встать в ряды борцов за независимость и демократию. Время разговоров и политических речей кончилось, пришла пора действовать, если потребуется — даже вооружённым путём. Необходимо создать подпольные организации, вооружённые формирования, нужно поднять народ на отпор ГКЧП, совершившему государственный переворот, государственное преступление». На площади Свободы (тогда она называлась именем Шерипова) начали собираться люди. Митинг начался где-то к одиннадцати, хотя в документах административного дела, возбуждённого в тот день, отмечалось время «примерно к 12 часам дня». Милиция сразу же начала упрашивать прекратить

выступление, появились и угрозы.

Площадь наводнили сотрудники КГБ, предупреждающие о чрезмерной серьёзности ситуации и предлагающие немедленно разойтись. На что получали категорический отказ. Вскоре мы не стали на них обращать даже внимания. Людей собралось человек двести. Некоторые вплотную обступили меня, чтобы защитить от милиции. Из здания ВС выходили депутаты и работники высших органов власти республики. Но пересечь дорогу и перейти на площадь к митингу они не решались. Показался и лидер НФЧИ, и некоторые другие «неформалы», но не надолго. Некоторые слушали и проходили, другие выражали поддержку. Милицейские чины и КГБ пытались сохранить лицо. Но растерянность была очевидна. Примерно к 13 часам пришла первая информация о ситуации в Москве. Пошёл слух, что Ельцин арестован. Вскоре пришло другое сообщение: созван съезд народных депутатов России.

А милиции и КГБ на площади становилось больше, чем митингующих. Не добившись результата уговорами и угрозами, они начали действовать. Выстроившись в длинную колонну, милиция двинулась к митингу. В это время несколько человек в штатском и в милицейской форме, подкравшись сзади, схватили меня. Милиция нейтрализовала стоявших рядом наших товарищей. Когда подтащили к машине, мегафон был у меня в руках. В ярости захотелось даже заехать по морде одному из сотрудников КГБ, вцепившемуся в левую руку. Но, слава Богу, сдержался. Ребята бросились меня отбить. У самой подножки «УАЗа» я сумел сказать, чтобы они не вмешивались.

Передав мегафон Сайд-Эмину Гойтамирову, позволил посадить себя в машину. Привезли в КГБ, на второй этаж. Посадили на диван в приёмной председателя. С двух сторон стерегли сотрудники.

Вскоре в коридоре показался заместитель прокурора республики. Видно было, что ему трудно пройти мимо меня: нужно было или здороваться, или проявить малодушие. Победило второе. Он прошёл в кабинет Кочубея буквально в метре от меня, упорно «не замечая». Следом появился министр внутренних дел, который так же прошёл в кабинет. Через некоторое время полковник Исаев, заместитель начальника КГБ ЧИР по защите конституционного строя, сопроводил меня в кабинет главного гэкачеписта республики, председателя КГБ. Меня поджидало руководство из трёх основных ведомств, что сразу вызвало у меня ассоциацию со сталинскими тройками. О чём я не преминул

съязвить: «Что, возродили тройку?». Сделали вид, что не поняли, попросили сесть. Начал разговор заместитель прокурора. Он сказал, что меня пригласили, чтобы предупредить. Я отпарировал, что меня не пригласили, а скрутили и привезли насильно. И добавил, что по такому поводу можно было бы и самому прокурору здесь быть. Заместитель выгородил своего шефа, сказав, что тот в отпуске, а он исполняет его обязанности. Мне начали пояснять основные пункты Чрезвычайного Положения. В свою очередь, я обвинил присутствующих в соучастии в акте государственной измены, насильственного свержения конституционного строя. Предупредил об ответственности, которую им придётся нести перед народом и законом, дал самую нелестную характеристику Янаеву и его клике.

Это «хозяевам» явно не понравилось, но профессиональная выдержка не подводила. Кроме Кочубея, все были чеченцами и говорили, в основном, они. Кочубей слушал. Я понял, что применяют отработанный метод: расправляться руками своих же соплеменников. Колониальные методы были консервативны, но надёжны. Мне предложили прекратить всякую политическую деятельность на полгода. За несогласие грозили наказать в соответствии с законом. Ответил, что по закону наказанию подлежат они — за государственное преступление. Видимо, их окончательно ошарашило, что арестант не только не ломается, а заявляет решительное намерение всеми доступными методами (политическим, вооружённым путём, подпольно) бороться с ГКЧП — это было для них непостижимо.

Затем я несколько раз, поочерёдно, прошёлся по ведомствам, которые они возглавляли, обвиняя их в коррупции и преступных деяниях. Что тоже не вызвало эмоций с их стороны. Их заботило только одно, как заставить замолчать ВДП. Сидящий напротив заместитель Кочубея несколько раз вставлял предложения: всё ясно, нужно наказать в соответствии с законом. Я заметил, что с их стороны это будет более логичным шагом, ибо отказа от политической деятельности они не добьются. Но мне предложили спокойно подумать. Думать мне не было необходимости. Они настаивали, чтобы я вышел в коридор минут на десять и подумал. Это была напрасная трата времени.

Моё решение было неизменным и логичнее было с их стороны принимать свои меры, о чём я сказал уже который раз. Но Исаев упросил меня выйти в коридор. Скорее всего, им самим нужно было оценить ситуацию и обсудить её между собой. Когда меня ввели вновь, разговора о том, чтобы я отказался, не было. Мне сказали, что я предупреждён об ответственности за

дальнейшее нарушение закона и ко мне будут применены самые жёсткие меры. Затем, в сопровождении двух сотрудников, меня переправили в МВД; оттуда, примерно через час — в Заводской РОВД. Дело оформлял майор, другой помогал. Затем меня представили и.о. начальника, тоже майору, как выяснилось, с характером милицейской шавки. С ним нам доведётся встретиться и на второй день, когда КГБ совместно с МВД предпримет попытку ликвидировать штаб ИК ОКЧН, разместившийся на пятом этаже горисполкома, в помещении СП «Чей-Мохк» Экиева Жалавди. На этот раз я ему пригрожу сорвать с него погоны. А ещё через неделю он придёт ко мне с повинной головой, которую и «меч не рубит». И вскоре убежит в Пятигорск дослуживать своим хозяевам. Я ещё не знал, что параллельно со мной арестован и Салавди Яхъяев, который был тайно послан спрятать в надёжном месте канцелярию и кассу ВДП. Выполнив поручение, он подошёл ко мне на митинге и сказал, что кассу принёс с собой. Всего там было около восьми тысяч. Я сказал, чтобы унёс деньги и спрятал дома. И он ушёл. Но милиция, оказывается, «паслась» за ним и возле госбанка его взяли. Брали, как большого босса в фильмах о сицилийской мафии. Перед самым концом оформления моего дела мне сказали об этом. Несмотря на находившую на них порой нагловатость, в общем милиция не горела безудержным желанием действовать в соответствии с ЧП. Они ещё не определились, слишком многое было непонятно. Действия ГКЧП не вселяли в его сторонников надежду, что это надолго. Тем более, противников вдохновляло такое обстоятельство. Была уверенность: это продлится, самое большее, не более двух-трёх месяцев. Такой срок мы давали в первый день, а к вечеру второго дня поняли — счёт пройдёт на часы. Тем более, что Дудаев уже владел обстановкой в республике. В Москве тоже держались. Жертв ещё не было, значит, было время организовать народ. Так и случилось. С моим арестом митинг не закончился: ВДП и поддерживающие её силы демократии уже действовали. Часть товарищей, оказывается, сразу же бросилась отбивать меня. Они пошли следом.

Сначала к КГБ, но их обманули, сказав, что арестовало меня МВД. Были и стычки. Весть об аресте тоже сыграла огромную роль: люди увидели лицо ГКЧП. Это подтолкнуло их на более решительные действия. Всё общественно-политическое движение — ВДП, «Зелёное движение», партия «Исламский путь», ещё раньше объединённые под руководством Исполкома ОКЧН, и другие — стали единым фронтом. Каждый честный человек попытался быть задействованным. Люди раскрывались с самой неожиданной стороны: и с положительной, и с отрицательной. К

примеру, некоторые старшие офицеры МВД, собравшиеся в доме 281 по улице Державина, к вечеру 19 августа уже праздновали победу «янаевщины». «Коммунистическая партия была, есть и будет!» — таков был главный тост этих людей, ещё вчера выражавших поддержку нашим действиям. Иного от них и не ожидали в подобной ситуации. Наоборот, ожидали худшего. Может, эти ожидания и подтвердились бы, продлись власть ГКЧП ещё немного. Но, непременно, это позволило бы высветить истинных сторонников независимости и примазавшихся, как это случилось с Алиханом Медовым и старшим лейтенантом. Если первый из них, то есть А. Медов, показал себя бойцом, то второй сразу же ушёл в кусты. Узнав, что я арестован, Алихан Медов, оказывается, бросился ко мне домой и вывез все документы и сейф в село, а затем опять влился в ряды ВДП, хотя до этого его не было видно несколько месяцев. Как и многие другие, он пришёл в трудный момент. Наоборот поступил тот старший лейтенант: вечером 19 августа, часам к девяти, милицейская машина высадила меня и Салавди на проспекте Победы, перед «Детским миром». Чтобы не держать меня, как объяснили в РОВД, до утра и заручившись моим словом явиться завтра на судебное заседание, меня отпустили после оформления дела. Что истинной причиной тому послужил ультиматум, предъявленный Д. Дудаевым Верховному Совету ЧИР с возложением ответственности на первого заместителя председателя ВС Петренко, я узнал после, когда явился в штаб ОКЧН, на пятый этаж горкома.

Выйдя из машины у «Детского мира», на углу мы наткнулись на этого старшего лейтенанта. Он был подавлен. Перебросились несколькими словами. Когда расходились, он окликнул меня, подошёл и замялся. Ему было неудобно, но всё же он попросил, чтобы я из списков ВДП его фамилию вычеркнул: неровен час, могут наказать. Я тоже, смутившись, пообещал. Он быстро ушёл. А ведь был хорошим парнем — но это, как говорит Дудаев, не профессия. Добавим ещё: и не характер. Так, с первых же часов ГКЧП начался естественный отбор среди наших друзей и противников. Но очень много товарищей показало себя настоящими бойцами и среди них — основной костяк ВДП. Особенно те, кто стоял у её истоков, а также районные джамааты.

Здесь, пожалуй, стоит кратко остановиться на конкретных именах боевого авангарда ВДП, ибо день 19 августа стал своеобразным промежуточным финишем в нашей деятельности и борьбе за независимость. Отрадно отметить, что основной костяк товарищей, прошедших школу «БАРТ», учредительного съезда ВДП и общенационального съезда чеченского народа, остались в

строю почти полностью. Они стали авангардом нового этапа нашей борьбы. Не всех их вспомнишь поимённо, но память часто возвращается к их знакомым лицам, и сердце наполняется благодарностью за этих почти безымянно прошедших самый трудный участок национальной истории и победивших — просто, скромно, но самоотверженно, осознавая, что от каждого из них зависит исход общего дела. Они будут самыми суровыми судьями этих кратких заметок. Они и только они имеют право на упрёк автору этих строк за те или иные оценки нами сотворённого, потому что творили мы вместе, но работу основную делали именно они — и известные сегодня, и безвестные: верные бойцы, рыцари национальной независимости, героические характеры и образы которых возродятся и в документах, и в художественном творчестве многих поколений чеченцев. В числе первых хочется назвать Хусейна САТУЕВА, ВАГАПОВА Саид-Магомеда, АБУБАКАРОВА Магомеда, ПОЖИГОВЫХ Муслима и Бексолту, ВИЖАЕВА Вайда, ДЖАНХОТОВЫХ Ваху, Ахмеда, Альви, МАЦАЕВА Саид-Али, НУРАЕВА Султана, ИБРАГИМОВА Шайхи, ИБРАГИМОВА Ваху, ХАНТИЕВА Юси, МУЦАЕВА Ахмеда, БИБУЛАТОВА Махмуда, ИСАЕВА Зелимхана, НАЖАЕВА Абу-Супьяна, ДУГАЕВА Исрапила, ЕСИЕВА Вахида, ЗЕЛЕМХАНОВА Магомеда, ТАХАЕВА Руслана, СЕМБИЕВА Руслана, САЛЕХОВЫХ, ЗАКРИЕВА, ИБАЕВА Адама, МАГОМАДОВА Абу, МУНАЕВА Хасана, МАЛЬСАГОВА Ильяса, САДУЛАЕВА Саламбека, БАЙМУРАДОВА Рамзана, ЮНУСОВА Сулима, АБЗОТОВА Ису, ЧИНТАМИРОВА Ису, братьев АРСАМИКОВЫХ, АБУБАКАРОВА, ЮСУПОВА, МУДАЕВА Абубакара, АСХАБОВА Идриса, УСТАРХАНОВА Шамиля, ГЕЛАГАЕВА Юнади, ГАЙТАЕВА Салавди, АСТАМИРОВА Султана и многих других, отнёсшихся к деятельности в составе ВДП как к самому главному делу в жизни, особенно в отрезке времени до 27 октября 1991 года, который можно назвать преддверием независимости.

И особо нужно сказать об ЭКИЕВЕ Жалавди, который пришёл в ВДП, чтобы работать на революцию. И привёл своего сына, затем и второго. Он был весельчаком и балагуром, неунывающим никогда и неустанно готовым помочь тебе всем, что у него есть. Таким он оставался до самых последних минут своей жизни. Базовыми для борьбы за национальную независимость в районах республики стали такие джамааты ВДП, как Грозненский, Аргунский, Герменчукский, Ойсхарский, Шалинский, Урус-Мартановский, Ачхой-Мартановский, Катыр-Юртовский, Надтеречный, Наурский, Шелковский, Гудермесский, Ножай-Юртовский и другие. Краткий характер настоящего повествования не позволяет вспомнить, уточнить каждого из

активистов этих джамаатов, что в своё время непременно будет сделано, но отметим: именно они заложили социально-политическую активность событий, которые развернулись в августе 1991 года. И самое главное: особую роль сыграли в указанных событиях старики, ставшие ударным механизмом и сердцевиной площади Свободы. На их стойкости вынесены бессонные ночи борьбы и нами, молодыми; их мудростью мы избежали и национальной катастрофы — гражданской бойни, которую упорно навязывали российские спецслужбы и пророссийские политические силы, с которыми сомкнулась большая часть тех, кто по своей собственной вине потеряли власть. Эти и другие старики и сегодня стоят на страже нашей независимости, готовые первыми, действительно, принять бой, в самом прямом смысле. И в этом видят они главный смысл своей жизни. Как говорил Магомед из Петропавловской, который, кстати, разработал теорию, тактику и стратегию действий чеченского народа по защите государства и независимости, они (старики) не уступят право первыми исполнить газават. Но будем надеяться, что милостью Аллаха мы, всё-таки, избежим и в дальнейшем тех моментов, когда придётся им и другим воспользоваться этим правом.

Должен извиниться перед соратниками по борьбе, представляющими «Зелёное движение» и другие общественно-политические организации, да и перед теми, кто в этой борьбе представлял просто народ чеченский, — за чрезмерный акцент на деятельность ВДП. Это не должно восприниматься как отрицание роли первых и недооценка вклада вторых, ибо это связано, помимо других причин, ещё и с тем, что здесь воспроизводится только возможная часть того, в чём конкретно участвовал сам автор…

Работа Исполкома ОКЧН, вернее, расширенного чрезвычайного заседания Президиума ИК ОКЧН, началась 19 августа, в 12 часов дня. Стали формировать боевые отряды, ударные группы, которые брали под контроль все войсковые части, жизненно важные коммуникации не только в Грозном, но и по всей республике. Было организовано круглосуточное дежурство, установлена непрерывная телефонная связь с Москвой, опять же за счёт СП Ж. Экиева. На период борьбы с ГКЧП к руководству действиями были приняты Указ Президента РСФСР от 19. 08.1991 г. и следующее

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Исполнительного Комитета Чеченского Конгресса от 19 августа 1991 г. г. ГрозныйРассмотрев действия так называемого Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению, Исполнительный Комитет ОКЧНПОСТАНОВЛЯЕТ:1.

Признать действия ГКЧП как тягчайшее преступление перед народом и Конституцией и квалифицировать их как государственный переворот, совершённый группой государственных преступников.2.

В сложившейся обстановке руководствоваться Указом Президента РСФСР.3.

Любые действия КГБ, МВД и армии, направленные на поддержку ГКЧП, считать противоправными, антинародными.4.

Исполнительный Комитет призывает население Чеченской Республики проявить выдержку, стойкость и мужество в деле защиты демократии и человеческого достоинства.5.

Разработать обращение к народу и призвать население к гражданскому неповиновению.6.

Арест председателя Вайнахской демократической партии, заместителя председателя ИК ОКЧН З. Яндарбиева считать нарушением прав человека и Основного Закона. Ответственность за эту акцию возложить на первого заместителя Председателя ВС ЧИР Петренко А. Н., так как его действия подпадают под Указ Президента РСФСР от 19. 08.1991 г.

Председатель Исполкома ОКЧН генерал Д. Дудаев.

Постановление размножалось и расклеивалось по всей республике, как и Указ Президента РСФСР. Писались и расклеивались листовки, воззвания, обращения, несмотря на попытки милиции пресечь всё это. В этот же день в штаб ОКЧН явилась делегация ингушских демократических сил и обе стороны договорились о согласованном действии. В штаб являлись люди самых разных профессий и возрастов, простые труженики и интеллигенты, студенты и учёные, выражающие свою солидарность с ОКЧН и изъявлявшие желание участвовать в конкретном деле. Начали поступать коллективные заявления о поддержке от трудовых коллективов и учреждений. 20 августа даже старшие офицеры заявили о готовности выступить на стороне ОКЧН. Большую работу среди личного состава МВД по привлечению их на сторону офицеров проводил Умар Дендиев. У него был свой актив среди офицеров. Штаб, как было сказано, работал круглосуточно: до 12 ночи в полном составе, а после этого до утра дежурил кто-нибудь из президиума с боевой группой. В ночь с 19 на 20 дежурил я. Это была первая ночь двоевластия в здании горкома КПСС. Но и они не знали, что делать, ибо такой решительности от ОКЧН не ожидал никто. Да и в республике тоже было двоевластие. На второй день утром председатель горсовета и 1-й секретарь ГК КПСС Куценко попытался пресечь доступ в штаб ОКЧН своей властью: был выставлен усиленный милицейский пост. Но гвардейцы ОКЧН быстро привели их в чувство. Договорились на том, что пост будет совместный. 20 августа ОКЧН наращивает активность. По районным центрам тоже возникают митинги. Все войсковые части предупреждены: в случае подозрения об агрессивных намерениях с их стороны к ним будет применена сила. Получено заверение в их лояльности ОКЧН. Несколько сот грузовых машин, завезённых в республику из Новосибирска, якобы, для уборки урожая, заблокированы в местах скрытного дислоцирования. Через несколько дней около двадцати единиц из них национальные гвардейцы перегонят на площадь Свободы по моему предписанию. А для чего они предназначались командованием ГКЧП — остаётся только догадываться, так же, как о госпиталях и больницах, буквально за несколько дней до объявления ЧП, по приказу из Москвы, подготовленных к приёму раненых. Было много и других приготовлений, сделанных накануне переворота. Намерения были более чем явные… 20 августа в Заводском народном суде прошла формальность по так называемому

«административному делу» за вчерашний митинг ВДП. Примечательно, что нарсудья Тарамова С. Х. оказалась на высоте и действовала намного мужественнее в той обстановке, в которой терялись некоторые мужчины. Я был оштрафован на 100 рублей.

Вечером, опять же по приказу Куценко, КГБ и МВД совместно попытались освободить здание горкома от ОКЧН. Руководил операцией полковник Исаев, отрядом милиции командовал майор Тибаев. Первая стычка состоялась в коридоре пятого этажа, когда непрошеные гости попытались войти в штаб ОКЧН. Помню, что одному из офицеров, одетому в штатское, Нураев проехался по физиономии. Но после небольшой потасовки в потёмках, пришельцев удалось оттеснить на лестничную клетку. Я вышел к ним, чтобы посоветовать не провоцировать осложнения. Но получилась только очередная перепалка, перешедшая в схватку, в которой шесть-семь милиционеров, в конце концов, стащили меня до коридора первого этажа. Здесь их оказалось в несколько раз больше, чем мы ожидали. Но к тому времени подоспела группа национальных гвардейцев, возвращавшихся с задания, и ещё вызванные по телефону на подмогу штабу. План Куценко сорвался. Было уже около двенадцати. Полковник Исаев со своим сопровождением сидел в штабе с Дудаевым и несколькими членами Исполкома, когда по телевидению передали, что Язов и ещё кто-то подали в отставку. Настроение визитёров из КГБ явно упало, резко сменилась тема разговора.

21 августа продолжалось наращивание активности демократических сил. Митинг, начавшийся непосредственно у входа в здание Верховного Совета, продолжили на площади Шейха Мансура. В этот день, впервые с 19 августа 1991 года, «прорезался голос» и у так называемой Чеченской партии Справедливости, руководство которой потом, задним числом, будет сочинять небылицы. Активность стали проявлять и другие неформальные группы. В этот же день ожидалось заседание Президиума ВС ЧИР, который, по требованию общественности, должен был рассмотреть вопрос о ЧП на территории ЧИР. Заседание пройдёт, но решение будет обнародовано только на второй день, под стать соответственно изменившейся в центре ситуации. А ситуация в Москве менялась стремительно. Власти ЧИР усиленно пытались определить, в каком русле им действовать. Но время было упущено — значит, и инициатива. Народ назвал руководство республики ненавистным в те дни словом «гэкачеписты». Насколько это соответствовало действительности, было ясно не всем, но все знали, что они подчинились ГКЧП. К тому же, появилась информация о том, что 18 августа, по приезде в Москву, Завгаев Д. Г. направился в ЦК

КПСС и провёл там весь день. Значит, он находился в штабе путча. С этим сообразовывались и действия местных органов правопорядка.

Когда Завгаев возвратился из Москвы, сейчас не помню: кажется, 21 августа. Ясно одно — расширенный Президиум ВС принял решение: в связи с тем, что обстановка в ЧИР остаётся нормальной, просить ГКЧП не вводить на её территории режим ЧП. И это они сочли за подвиг — посмели просить! Хотя режим ЧП был введён в ЧИР с утра 19 августа: действие властей — яркое тому свидетельство.

Вечером 21 августа с ГКЧП, практически, было покончено. Ночь на 22 августа окачеэновцы провели на площади Шейха Мансура — праздновали победу танцами и готовились к бессрочному митингу. До глубокой ночи разрабатывали план действий. С утра открыли митинг. В 12 часов выступил Джохар. Народ прибывал. Представители ВС ЧИР тоже выступали, но в качестве оправдывающихся. Слушать их никто не хотел, тем более верить их речам. Тем не менее, им давали слово и они выступали. Митинг решил, что Дудаев должен выступить по телевидению. Группа участников (человек сто) направились к телецентру. Через некоторое время прибежал гонец с сообщением, что у телецентра идёт драка с милицией, требуется помощь. Этого было достаточно.

Несколько сот человек устремились на помощь товарищам. Когда я прибыл туда, телевидение было в руках повстанцев. Милиция не знала, что делать. Там же крутились люди из ВС и Совмина. Они попросили успокоить людей. Я предъявил наши требования: немедленно представить Дудаеву возможность выступить по телевидению, сместить с поста председателя Гостелерадио Мареченкова и так далее. Руководители ЧИР, в частности, Г. Эльмурзаев, пытались внести некоторые коррективы в наши требования: пусть вместе с Джохаром выступят и представители ВС ЧИР. Но это был вчерашний день. Сегодня мы не могли пойти на такие уступки. Я категорически отверг такую возможность, сказав, что Джохар выступит один и столько, сколько ему нужно будет, и непременно сегодня. В это время, оказывается, персонал телевидения был распущен через чёрный ход. Нас хотели поставить перед фактом, что, мол, некому обеспечить телеэфир. Но не все работники выполнили это предательское указание. Несколько человек остались на рабочих местах. Они-то и предупредили нас о подвохе.

Руководство не осмелилось долго испытывать терпение народа. Необходимые специалисты были вызваны и телеэфир состоялся с 20 часов до 21 часа 05 минут. Народ увидел своего

лидера воочию и принял его. Выступление Дудаева было одним из основных событий в обеспечении победы над местным ГКЧП. А победа окрылила повстанцев. Для народа это выступление было своего рода реваншем за коварство, проявленное в отношении Дудаева в мае, на сессии Верховного Совета: тогда, по требованию пикитирующих здание Дома политпроса, где проходила сессия, он был вызван на заседание с обещанием предоставить слово для выступления, но слово так и предоставлено не было. В тот день впервые члены ВДП расчистили Дудаеву путь к месту заседания ВС, прорвав два милицейских заслона: машина подъехала к самой лестнице здания. Под гимн Чеченской Республики генерал вошёл в зал заседания. Но тогда власть ВС республики была ещё крепка. И когда председательствующий Завгаев поставил вопрос о предоставлении слова председателю ОКЧН (сделано это было специально), сессия отклонила предложение. Дудаев покинул зал. На второй день он нашел в себе силы духа, чтобы придти к тому же Завгаеву с предложением назначить президентские выборы в ЧИР, где Исполком ОКЧН приложит максимум усилий, чтобы избрали президентом именно Докку Гапуровича. Таким образом, он намеревался сделать реальный шаг к реализации Декларации о государственном суверенитете ЧИР. По замыслу, избрание президента ЧИР должно было означать выход республики из состава России и образование независимого государства. Но Завгаев оказался неспособным осмыслить ситуацию. Видимо, он уже считал, что Декларация о суверенитете останется бумажкой и не собирался вытаскивать её из-под сукна. Более того, через несколько дней, выступая в университете, он исказил суть предложения Дудаева, пытаясь изобразить дело таким образом, будто генерал, как он выразился, выгнанный из армии, хотел добиться у него поста министра обороны ЧИР.

22 августа, и тем более позже, народ вспомнил это вероломство. Вспомнил и то, как предательски действовал Верховный Совет ЧИР во время референдумов СССР и РСФСР, при выборах Президента России и до этого, во время первого съезда народных депутатов РСФСР. Всё это было свежо в памяти и свидетельствовало о неспособности тогдашней высшей власти вести народ к независимости. Двадцать третьего августа уже власти поняли шаткость своего положения. Исполком ОКЧН к тому времени разместился в кабинетах бывшего горкома КПСС и частично в помещениях горсовета народных депутатов. Митинг стоял непрерывно на площади Шейха Мансура. Требования ещё были очень либеральные.

Резолюция от 23. 08. 91 г. гласила:

«Многотысячный митинг, созванный демократическими организациями республики, обсудив общественно-политическую ситуацию и признав её критической, требует от Верховного Совета ЧИР:

1. Созвать экстренную сессию ВС с трансляцией по телевидению и радиовещанию до исхода понедельника 26. 08. 91 г.

2. В связи с тем, что было предложено к 23. 08. 91 г. решить вопрос о передаче телевидения и радио под контроль Исполкома ОКЧН и смещении с занимаемых должностей председателя Госкомитета по телевидению и радиовещанию Мареченкова Ю. В. и его заместителя Мальсагова А., дать ответ по данному вопросу митингу (на площади имении Шейха Мансура).

3. В случае невыполнения требований настоящей резолюции, митинг оставляет за собой право принять соответствующие ситуации меры».

И меры были приняты буквально на второй день. Сначала свалили памятник «вождя» мирового пролетариата. Зрелище было многолюдным и захватывающим. Желание быть причастным к этому историческому моменту было у всего митинга. Но были и противники, в том числе, и группа народных депутатов ЧИАССР, которые заявили, что памятник будет снесён только через их трупы.

Но их быстро утихомирили, и они не стали испытывать свои тела на прочность и быстро удалились подальше от падающей махины памятника. Самое интересное в том, что они были из той группы делегатов ОКЧН, панически покинувших зал заседания второго этапа съезда чеченского народа 08. 06. 91 г., обвинив Дудаева и ВДП во всех смертных грехах. Бронзу бывшего памятника протащили по улицам города и сбросили в Сунжу. Раньше туда сбрасывали, образно говоря, историю чеченского народа, а теперь судьба воздавала должное тем, кто творил эту ленинскую национальную политику. Но не ради мести, а для очищения себя, своего насквозь пропитанного коммунистическим духом сознания. Для политического раскрепощения своего духа.

Как и предполагалось, факт сноса памятника Ленину имел эффект разорвавшейся бомбы. Народ разбушевался. Рассчитавшись с ним, часть митинга двинулась к Верховному Совету, чтобы потребовать ответа на свои требования. Были призывы штурмовать здание. Что и случилось. Когда я подбежал к дверям, передние ряды уже брали первые этажи. Шум стоял оглушительный, еле удавалось различить свой голос в мощном милицейском мегафоне. Председатель Совета Министров и некоторые члены были зажаты в плотном кольце. Я еле пробился

к ним, срывая голос, немного успокоил разгоряченных людей.

Бекова и нескольких лиц из руководства Совмина и ВС собрали в зале заседания на третьем этаже здания Совмина, ныне Парламента ЧР. Чувствовалось, что они осознают свою вину за причастность к ГКЧП, если не соучастием, то безоговорочным подчинением их требованиям. Эта вина в те дни довлела над правоохранительными органами республики, как и всего Союза, что позволило укрепиться демократическим силам, а в Чечении — национально-освободительным, которых российское руководство вначале приняло, как часть общедемократических сил, действующих в русле сопротивления попытке возврата к тоталитарной системе.

В частности, здесь и кроется загадка терпеливого отношения российского руководства к процессам в ЧИР даже тогда, когда они выходили за рамки, как им казалось, общепринятых норм демократизации. К тому же, видимо, были иллюзии насчёт влияния союзных и федеративных депутатов от ЧИР на республику. Причин было ещё много. Но главное было в том, что мало кто в союзном и российском руководствах предполагал, что в Чечении есть политические силы, способные оторвать республику от чудовищного механизма власти двуглавого монстра союзно-российской империи. А таковыми оказались ВДП и ОКЧН.

Народ, за три четверти века пропитавшийся ненавистью к империи, планомерно убивавшей в нём всё родное, узрел шанс стать полноценной нацией и использовал его со свойственной чеченской натуре горячностью, как говорится, на одном дыхании. Более драматичные события после падения ГКЧП развивались лишь после разгона народом так называемого Верховного Совета ЧИР, который произошёл 6 сентября 1991 года. А до этого, после взятия здания ВС, 24 августа, народ чуть было не разогнал КГБ. Нет, это даже было до взятия здания Совета Министров, ещё памятник не был свален, а национальные гвардейцы уже осадили здание КГБ и руководство попросило, чтобы кто-то из руководителей ОКЧН согласился с ними переговорить. Я направился туда.

Картина, представшая перед глазами, была абсолютно неадекватной той, что была 19 августа, когда меня вводили в это здание в качестве арестанта. Тогда КГБ чувствовал себя хозяином республики. Сейчас же он представлял совсем иной вид и выглядел не только не хозяином республики, но и своего ведомства. Когда мы вошли в здание КГБ, то увидели картину, схожую с немой сценой «Ревизора». Эта аналогия осенила меня мгновенно. Всё фойе первого этажа было заполнено напряжённо

застывшими сотрудниками, которые растерянно взирали на своего вчерашнего арестанта, как на спасение. От тех, кто требовал призвать их к ответу за все грехи ЧК, НКВД, НКГБ и КГБ. В свете роли КГБ и ГКЧП не трудно было вменить им в вину не только это…

Нас быстро провели в кабинет председателя, где, кроме самого Кочубея, находилось ещё несколько старших офицеров ведомства. Кочубей попытался сразу же выложить своё алиби непричастности к ГКЧП, заявив, что в те дни он действовал согласованно с Хасбулатовым, и это делалось через депутата ЧИР Чёрного — одного из помощников Хасбулатова в ЧИР. Это, мягко говоря, я не мог принять на веру, о чём и сказал. Но суть встречи была в просьбе снять осаду здания и в заверении, что КГБ ЧИР не будет участвовать в происходящих политических процессах, на основании приказа Москвы. После недолгих дискуссий Кочубей предложил мне поговорить по телефону с Баранниковым, председателем КГБ РСФСР, чтобы убедиться в справедливости его слов. Что и было сделано незамедлительно. Баранников в достаточной мере владел информацией из Чечении. Он тоже заверил, что КГБ дано чёткое указание в политические процессы не вмешиваться. Единственная просьба была — не разгонять ведомство. Согласие было достигнуто на том, что внутри здания КГБ будет наш постоянный пост, архивы будут немедленно опечатаны, деятельность КГБ прекращается до особых распоряжений, но в здании они остаются. Вывески на здании уже успели разбить. Затем последовало снесение памятника Ленину и взятие здания СМ, на котором водрузили знамя Чеченской Республики. Митинг сразу же перенесли к зданию Совмина. Вскоре выяснилось, что Завгаев тоже находится в здании. Начались переговоры. Всю ночь пытались найти формулу выхода из кризиса власти. Народ полностью контролировал здание. Площадь Свободы была заполнена тысячами и тысячами людей, которые непрерывно прибывали. Порой казалось, что компромисс будет найден. Главное требование народа — немедленная отставка Председателя и Президиума ВС ЧИР — было ультимативным, его не хотел принять Завгаев. Но без выполнения этого условия и народ не хотел слушать о компромиссе. Параллельно с разработкой соответствующего документа шла подготовка к завтрашней сессии ВС: вызывались депутаты. Оказывается, не только депутаты, но и их родственники: якобы, для защиты своих депутатов. Готовилась провокация, которую удалось предотвратить с трудом. Прибывшим родственникам объяснили, что их депутаты находятся под защитой народа. Ночь прошла в чередовании переговоров за столом с отдельными

консультациями, в подготовке и переписывании документов. Был момент, когда всем нам, работающим над соглашением показалось, что компромисс найден. Завгаев и его команда принимали условия, о досрочном сложении полномочий и ещё целый пакет условий. И когда эти уже сформулированные и согласованные условия были представлены Джохару, он сказал мне: «Делай, что хочешь, но этот документ не должен быть принят!» Он, оказывается, увидел в «уступчивости завгаевшины коварный замысел — успокоить народ, заставить их уйти с площади Свободы, чтобы потом, когда люди разойдутся, удовлетворенные кажущейся победой, просто переиграть ситуацию.

Так сделали руководство КБАССР и других мест. И я, откровенно говоря, организовал неприятие народом этого проекта соглашения. Были еще попытки Завгаева навязать свой вариант, в чуть изменном, приукрашенном виде. Но к утру стало ясно, что соглашение не состоится: Президиум ВС не принимал основного требования народа, а народ не желал слышать об ином компромиссе.

Надо отдать должное завгаевскому чутью: он сразу уловил, кто организовал провал своего плана. Завгаеву ничего другого не оставалось, кроме созыва внеочередной сессии ВС ЧИР. Экстренная сессия ВС ЧИР началась на второй день после обеда в зале заседания, на третьем этаже здания СМ. Несмотря на то, что зал был плотно заставлен стульями, мест явно не хватало. Официально присутствовала и делегация ОКЧН, возглавлять которую было поручено мне.

Сразу стало ясно, что депутаты решили сорвать работу сессии. Высказывалась масса претензий в организации сессии. Нам заявили о категорической неприемлемости диктата ОКЧН и ВДП. Многие, оказывается, были «очень смелыми и независимыми людьми» всю свою жизнь (что до сих пор было мало заметно) и не «боятся толпы», которая собралась перед зданием. Запальчивости депутатам хватало, хотя в большей степени она исходила от растерянности и неспособности сориентироваться.

Очень пикантным выглядело выступление «несгибаемого» коммуниста Караева Руслана, который за короткую депутатскую деятельность сумел прослыть принципиальным чисто на препирательствах во время работы сессии в процедурных вопросах. На сей раз он заявил, что считает неприемлемым для народных депутатов ЧИР начать работу сессии в здании, где вывешен флаг самозванной Чеченской Республики, требует немедленно снять незаконный флаг и восстановить законный красный флаг. Его поддержало несколько человек. Но заявить

такое было нетрудно, труднее было осуществить это. Вернее, такое невозможно было сделать. Что и показал дальнейший ход событий.

В зале было невозможно работать из-за крайней духоты. Несмотря на то, что работа транслировалась на улицу, желающих присутствовать на сессии было чрезмерно много. И ВС потребовал от ОКЧН, чтобы им позволили перейти в здание Дома политпроса. Согласие было достигну-то. Проводить депутатов на новое рабочее место удалось не совсем без ЧП. Работа сессии началась только на следующий день: не хватило кворума. По дороге, оказалось, «растеряли» часть депутатов. И итог её не только не смягчил противостояние народу, а, наоборот, возмутил народ.

Вопреки ультиматуму народа, депутаты проголосовали против отставки Завгаева и Президиума ВС. На заседании сессии с обоснованием требования отставки ВС по поручению ИК ОКЧН выступил я. Позиция народа ожесточилась: теперь в отставку должен был уйти весь Верховный Совет. Чего тот не собирался делать. Зато ВС начал организовывать сопротивление. К Дому политпроса были стянуты силы милиции, дежурившие круглосуточно. У здания бывшего обкома КПСС был организован альтернативный митинг в защиту Завгаева и ВС, который, правда, продержался только до обеда следующего дня. Натиск народа рос ежечасно. Вся округа была обклеена транспарантами демократов, которые писались в Исполкоме ОКЧН при участии молодых художников Ш. и С. Ахмадовых, Басханова, Ясаева. Милиция начала делать манёвры, появилась угроза применения вооруженной силы. Исполком был забит бутылками с зажигательной смесью, каждый вооружался, чем мог. Но у большинства, по-прежнему, были только палки. Появились и ребята с боевым оружием. Это были московские. Некоторых я знал ещё по неформальному движению. Например, Д. Мараева. С ним были его брат Лерса, Султан Хасаев и другие.

Митинг тем временем стал всенародным. Движение по мосту через Сунжу было надолго перекрыто. Люди не просто участвовали в митинге, а жили им. Со всех концов республики везли скот для забоя, хлеб; политические речи менялись зикрами и мовладами. Помощь начала поступать даже из-за пределов республики. Развернулось формирование вооружённых отрядов. Это было поручено И. Арсанукаеву. Люди начали самоорганизовываться. В это время телевидение опять попало под контроль агонизирующей власти, развернувшей ярую пропаганду против ВДП, ОКЧН. Кем только не называли их: хулиганы, отщепенцы, тунеядцы, уголовники, авантюристы… Подавляющая

часть интеллигенции ещё держалась линии ОКЧН, хотя уже наметилось размежевание. Не все оказались подготовленными к действию. А ситуация требовала именно действия. В этих условиях решили провести третий этап общенационального съезда. Подготовили за несколько дней. К тому времени уже сессия ВС приняла решение о необходимости ввести институт президентства с внесением поправки в Конституцию. Это была очередная попытка спасти положение. Но народ не принял и такой шаг. По просьбе религиозных деятелей, Дом политического просвещения КПСС (главштаб атеизма республики) был передан Исполкомом ОКЧН под Исламский институт, а здание бывшего Андреевского банка, где вновь готовилась осесть КПСС, передали Республиканскому музею.

А люди на площади Свободы укрепляли свои позиции и морально-политически, и военно-тактически. Там уже появились свои поэты, культурные программы. Ежедневно прибывали представители кавказских республик с поддержкой. Подступы к площади были забаррикадированы троллейбусами, машинами, разными механизмами и собственными сооружениями. Площадь Свободы чутко прислушивалась не только к тому, что творилось в Доме политпроса, но и в республике. Постоянные ведущие митинга Юнади Гелагаев и другие члены ВДП и ОКЧН не знали отдыха.

Площадь Свободы как бы перекликалась и с Нальчиком, где так же бурно шли процессы, и с Москвой, где уже начали проявлять беспокойство по поводу Чечении. Эмиссары метрополии постоянно «дежурили» в республике. Работала и комиссия по расследованию причастности высших должностных лиц к ГКЧП. Пытались они заполучить материалы по обвинению конкретных лиц и от руководства ОКЧН. Но позиция наша была едина: со своими «гэкачепистами» мы разберёмся сами, как выразился Дудаев, — тем самым дав понять, что московская власть здесь кончается.

Третий этап общенационального съезда чеченского народа начался 1 сентября 1991 года в помещении кинотеатра «Юбилейный». Съезд одобрил действия Исполкома и наметил провести выборы президента и парламента республики 27 октября 1991 года, образовал Республиканский комитет, координирующий демократические силы, на который возложил обязанность принять основные законы для проведения выборов в высшие органы власти. Контроль за деятельностью Республиканского комитета съезд возложил на ИК ОКЧН. В образованный комитет входили депутаты всех уровней, представители абсолютно всех общественно-политических

движений, партий, независимой интеллигенции, юристы. От Исполкома ОКЧН в него включались только 5–6 человек, тогда как общее число его достигало около семидесяти человек. Возглавить его поручили Л. Магомадову. Но через одно заседание РК разбежалось. Остались лишь приверженцы идеи национальной независимости: Эльза Шерипова, Заурбек Акбулатов, Салман Бетрахмадов, Кати Чокаев, Сулейман Юнусов и ещё несколько человек с группой из числа ОКЧН, которые разработали необходимые законопроекты.

В эти дни уже некоторые демократы, испугавшиеся решительных действий народа, ВДП и ОКЧН, начали спекулировать понятиями «революция», «эволюция», проявляя полное невежество в понимании происходящего. Тем самым, они пытались принять «страусиную позу», что порой удавалось.

В начале сентября состоялась ещё одна попытка самораспустить ВС ЧИР, провалившаяся так же бесплодно и сделавшая существование ВС весьма проблематичным, что уже осознавали и сами депутаты. Одним из них был А. Бугаев, сделавший отчаянную попытку спасти положение, организовать «уход» Завгаева, если будет гарантия, что он возглавит оставшийся депутатский корпус до новых выборов. Такое предложение лично мне, а затем и Дудаеву было сделано братьями Бугаевыми. Таких гарантий дать мы, естественно, не могли. А телевидение тем временем усиливало антидемократическую пропаганду. Завгаев попытался даже поставить туда директором своего человека. Исполкому ОКЧН ничего не оставалось, как взять её вновь под свой контроль. Это было сделано буквально за несколько дней до разгона Верховного Совета ЧИР.

Нужно отметить и усилия Верховного Совета РСФСР перевести роспуск ВС ЧИР на более приемлемые для России рельсы, принудив самораспуститься, ибо это сохраняло возможность держать процесс под контролем Москвы. Одна из таких попыток была сделана Р. Хасбулатовым посредством телеграммы, присланной прямо на сессию ВС ЧИР, в которой делались очередные потуги демонстрировать оставшийся каркас верховной власти. Я заканчивал своё выступление на трибуне с обоснованием необходимости самороспуска ВС, когда Мовлади Удугов положил передо мной эту телеграмму. И я её зачитал, с комментарием: «Вот и результат вашего упрямства. Дожили: Москва грозится вас распустить. Что может быть позорнее?». Телеграмма больше всех задела Дудаева. Он сразу же выступил и сказал, что мы не должны допустить вмешательства в наши дела Москвы. И делегация ОКЧН покинула зал сессии.

Но ВС ЧИР не хотел сдаваться. В ночь с 3 на 4 сентября была сделана попытка ввести в республике Чрезвычайное положение. А некоторые депутаты были командированы в Москву, чтобы выпросить войска для подавления повстанцев. Им даже была обещана помощь со стороны Ельцина и других руководителей России. Это только подлило масла в огонь. Площадь Свободы уже невозможно было удержать. И 6 сентября 1991 года очередной волной разъяренной народной стихии вымыло из Дома политпроса обломки советской власти в Чечении. Этот день стал Днём независимости Чечении.

Помню, в этот день мы находились в кабинете на втором этаже здания Исполкома ОКЧН. Дудаев принимал заместителей генерального прокурора РСФСР и министра ВД РСФСР, находящихся в республике, якобы, для расследования причастности руководства ЧИР к ГКЧП. С площади Свободы пришла весть, что народ двинулся на штурм здания Дома политпроса. Несколько человек из руководства ИК ОКЧН направились к народу, чтобы, не дай Бог, ситуация не вышла из-под контроля. Попросив меня остаться с представителями России, Джохар также направился к Дому политпроса. Но, оказалось, всё было предрешено.

Не могу описывать, как проходил разгон ВС, ибо не был очевидцем, но по свидетельству участников, всё произошло очень быстро и чудом удалось избежать жертв. Руководители Исполкома ОКЧН сумели, всё-таки, взять ситуацию в свои руки, успокоить разгоряченных людей и тех, кто провоцировал их на насильственные действия. Хотя одна жертва всё же была принесена на алтарь народного гнева. Тяжёло травмированный депутат Куценко, один из главных идеологов имперской политики в ЧИР, был доставлен в больницу. ИК ОКЧН приложил максимум усилий, чтобы спасти ему жизнь: были вызваны лучшие хирурги, но пострадавший наотрез отказался оперироваться у чеченца-хирурга. Это его желание было удовлетворено. Несмотря на усилия врачей, через несколько дней он умер.

Была попытка превратить похороны Куценко в политический демарш пророссийских сил республики. Провоцировали Исполком ОКЧН и на ограничения в процедурах похорон, на что мы не пошли, предоставив родственникам погибшего полную свободу действий. Из этого случая российская пресса не смогла организовать пропагандистскую кампанию, хотя и муссировала его на все лады. И Россия уже окончательно убедилась, что Чечения «уходит». А ситуация была настолько неординарна, что привыкшие к стандартным действиям политики и идеологи российские, явно не могли скоординировать свои действия. Это

было видно и по реакции на события 6 сентября заместителей генпрокурора и министра ВД РСФСР, которые были шокированы взятием народом Дома политпроса. Через несколько минут после того, как поступило известие о том, что площадь Свободы двинулась на штурм Дома политпроса и руководство Исполкома ОКЧН направилось к месту событий, а мы втроём оставались в кабинете, зазвонил телефон. Беков был в панике. Просил Дудаева. Узнав, что он направился туда, начал просить, чтобы мы приняли срочные меры против людей, прорывающихся в здание. Мне оставалось ответить только, что это уже не в моих силах. А на вопрос, что им делать, они уже прорвались, я посоветовал им не оказывать противодействия, ибо… Представители Москвы моментально удалились, видимо, чтобы не подвергать себя опасности из-за столь непредсказуемых действий повстанцев. И это было благоразумно с их стороны. Да и миссия их была слишком сомнительной, а гнев разбушевавшегося народа явным. Наших показаний по ГКЧП они больше не искали.

ГКЧП для них был отцом родным по сравнению с чеченским народом. Советская власть в Чечении была ликвидирована самим народом, «от имени и во имя» которого она правила более семидесяти лет. Завгаев публично перед народом отрёкся от «престола». И все грехи были ему прощены. Руководство ИК ОКЧН тоже сделало джентльменский жест, не потребовав письменного заявления об отставке. И так было ясно: возврата не будет. Но оказалось, что в политике джентльменство способны понять не все. Через день председатель ВС ЧИР опомнился, точнее, его «камарилья» возмутилась: мол, он проявил слабость, притом непростительную, которую незамедлительно надо исправлять. И Доку Гапурович попытался отречься от своего отречения. Что только понизило его рейтинг. Площадь Свободы была разочарована.

Но сторонники ушедшей власти решили хотя бы одной рукой уцепиться за уходящий поезд. Они начали организовывать сопротивление. Появились альтернативные митинги, отряды боевиков, новые лидеры и идеологи. Главным козырем стала «ингушская карта», которую противники ОКЧН и ВДП начали разыгрывать без всякого зазрения совести. И больше всех «радели» за братьев-ингушей те, кто в Верховном Совете ЧИР кричал об «ингушской проблеме», как главной в возрождении чеченского народа, ибо все беды, если послушать их, были следствием происков ингушей, «оккупировавших» Чечению. Они даже название Вайнахской демократической партии толковали как преступное потакание ингушской политике. И вот, в одночасье, все ингушефобы превратились в их благодетелей.

Народу, конечно, ясно было, кто есть кто: ведь, «ингушская карта» была удобная для Москвы. Сразу стал вопрос: на чьей стороне орстхойцы. Делалась ставка на этнический сепаратизм с их стороны, что не удалось осуществить.

По-институтски занервничала и так называемая «интеллигентская элита», вдруг заговорившая от имени чеченской общественности, хотя лицензию на это ей никто не давал. Непонятен был и сам принцип определения «интеллигентскости». Хотя один критерий всё же прослеживался в их поведении явно и, кажется, он был доминирующим: неприемлемость позиции ВДП и ОКЧН. Все, кто на стороне этих организаций, — будь они хоть «семи пядей во лбу», с академическим интеллектом и дипломом Кембриджского университета — не могли быть интеллигентней их, но а кто против ВДП и ОКЧН — даже с купленным дипломом ЧИГПИ, а то и вовсе без него, но в галстуке и шляпе — принимался в свой «орден». Да, болезнь советизированной «духовности» давала свои жёлтые плоды.

Выпекались наспех всякие союзы и ассоциации интеллигенции, отраслевые группки и тому подобное. Профсоюзы тоже поняли, что они должны кого-то защищать, но явно ошиблись в выборе объекта или сказалась их суть, изначальная гниль: «школа коммунизма». Во всяком случае, фронт против национально-освободительного движения открылся. Москва знала, на кого ставить — ей было не впервые. Но осень была слишком близка (она уже стояла на дворе) и итоги были явно не в пользу метрополии. Это была «судьба», «фатум», как любит бравировать словесами «галстучно-шляпная интеллигенция», не будь это сказано в обиду другим.

Обеспокоенность российского центра развитием событий в Чечении проявилась приездом делегации ВС РСФСР во главе с Г. Бурбулисом, в составе которой были Полторанин, Медведев и другие. Как выяснилось, перед ними стояла задача: разобраться в процессах и подготовить почву для прибытия в республику Р. Хасбулатова. Отношения между московскими посланцами и патриотическими силами завязались достаточно конструктивные. Многочисленные встречи, беседы, анализ правовой базы действий ИК ОКЧН показали правомерность действий Исполкома Чеченского конгресса. Желание москвичей удержать развитие событий в пророссийском русле было понятно, но не принято чеченской стороной. Попытка опереться на оппонентов Исполкома тоже не принесла для Бурбулиса и его команды желаемого результата.

А события тем временем развертывались поистине

драматические. В нежелании распущенного народом ВС ЧИР уйти с политической арены была явная угроза делу национального освобождения, и мы предпринимали разного рода действия, вплоть до переговоров и посреднических усилий между сторонами. Противостояние нарастало.

Активизировали свою деятельность и службы КГБ. Провокационные слухи непрерывно будоражили повстанцев и МВД из-за нерешительности руководства, фактически самоустранившегося не только от политических процессов в республике, но и от исполнения своих прямых обязанностей. Более того, откровенными провокациями и шантажом со стороны высшего руководства она (милиция) вскоре была поставлена в прямую оппозицию к площади Свободы.

Нависла угроза столкновения милиции с национальной гвардией, что настойчиво провоцировалось спецслужбами. В этих условиях и совершили свой гражданский подвиг Разита Эсенбаева и Абдулхамид из Дуба-Юрта, объявившие сухую голодовку до выполнения депутатами ВС ЧИР требования сложить депутатские мандаты. Через три дня добровольно сданных мандатов набралось более шестидесяти, что, по существу, делало ВС недееспособным. Сданные мандаты голодающими были вручены к концу четвёртого дня лично Председателю Исполкома ОКЧН Дудаеву, и только после этого они согласились сделать глоток воды. Ситуация была разряжена. Хасбулатов прибыл в республику 14 сентября прямо из Японии. После коротких консультаций, на второй день назначили сбор уже несуществующего ВС ЧИР. Было достигнуто соглашение, что Хасбулатову предоставлена возможность организовать самороспуск, чтобы не создавать прецедента для других республик, чего опасался председатель ВС РСФСР. Формальная сессия состоялась 15 сентября. Хотя и там не обошлось без перегибов и политиканствующей клоунады. Однако, разум депутатов победил.

Вечером на площади Свободы перед народом выступил Хасбулатов. Поприветствовав земляков, он рассказал о своих действиях в событиях 19 августа 1991 года, не забыв подчеркнуть растерянность в те дни Бориса Ельцина и что он лично писал текст Указа Президента РСФСР. Затем он рассказал о проделанной ими работе по самороспуску ВС ЧИР, что было согласовано с Дудаевым, и образовании так называемого «Временного Высшего Совета» из числа тридцати двух депутатов. Когда было оглашено последнее сообщение, народ, до этого спокойно внимавший словам Хасбулатова, заволновался. Люди не видели возможности отобрать из состава бывшего ВС ЧИР достойных 32. И тут же было оговорено, что число членов ВВС

будет доведено до пятнадцати, но и это не было принято. Народ потребовал передать микрофон Джохару, который уточнил, какая договорённость предварительно была достигнута по поводу так называемого «Временного Высшего Совета», указав, что оговоренное число членов не превышало пяти человек. В своём слове мне также пришлось сделать акцент на неприемлемости варианта из пятнадцати депутатов. После перечисления фамилий вошедших туда людей и этот вариант был категорически отвергнут. Исполкому ОКЧН было поручено дополнительно согласовать кандидатуры и сократить их до семи человек. Но московская делегация упросила включить хотя бы девять человек. На этом и договорились. Председателем был избран Хусейм Ахмадов.

Но через несколько дней выяснилось, что не все члены Временного Совета (именно так он теперь назывался) намерены принять конструктивное участие в этом органе. Под разными предлогами они начали уклоняться от выполнения возложенных на них обязанностей. Честнее поступил Б. Бахмадов, официально вышедший из состава Совета. Правда, в последующих действиях он оказался явно не на уровне: и не только плотно примкнув, а возглавив пророссийское крыло оппонентов ОКЧН и ВДП, он чуть было не ввёрг республику в кровавое столкновение общественно-политических сил.

В начале октября в республику прибыл Руцкой в сопровождении Баранникова и Дунаева. Встреча и переговоры делегации ОКЧН с ними состоялись в бывшей гостинице Совета Министров ЧИР, что по улице Чехова. Дудаев и Руцкой говорили наедине, на втором этаже: на нижнем этаже члены ОКЧН и АГНК встречались с остальной делегацией российского руководства. Дунаев поначалу решил было оказать давление, но был быстро приведён в чувство логичным и аргументированным ответом: если Россия пойдёт на силовые методы против волеизъявления чеченского народа, то она будет иметь дело не только с Чечнией, а со всем Кавказом. Что подтвердил и Шанибов, участвовавший во встрече.

Прощались, согласившись, что гости не будут встречаться с оппозиционными ОКЧН силами, которые уже часами околачивались у ворот гостиницы, добиваясь встречи с вице-президентом России. Но Руцкой в ту же ночь не только нарушил договорённость, но и подготовил, оказывается, подрывную акцию, что обнаружилось уже через день: сначала была выпущена группа заключённых из СИЗО (тридцать с лишним человек), инсценировав побег, при котором погиб один и было ранено двое. Вина за «побег», конечно, была приписана Дудаеву.

А с 5 на 6 октября была совершена попытка сместить председателя Временного Совета Х. Ахмадова. 6 октября члены ВДП, собравшиеся на свою партконференцию в зале филармонии, узнали об этом факте и двинулись к Дому союзов. Но заговорщики успели разойтись. Были сведения, что в ночном заговоре участвовали и министр ВД, и и. о. председателя КГБ Крайнев. Оттеснив охрану МВД, пытавшуюся остановить возмущённых людей, мы прорвались к министру Алсултанову. Он находился в кабинете и пояснил, что был приглашён на полуночное совещание и ушёл оттуда. Узнав об истинных намерениях заговорщиков, люди двинулись на площадь Свободы, объявили о возобновлении митинга, прерванного два дня назад. Мы обратились по радио к народу, разъяснив ситуацию, назвали имена заговорщиков. И митинг возобновил работу. В этот же день, где-то в два часа дня, национальной гвардией было взято здание КГБ. Сотрудники были распущены по домам. Было ликвидировано гнездо подрывной деятельности против повстанческой Чечении. Во главе сил пророссийской ориентации стал Бахмадов. Гвардия новых путчистов осела в Доме союзов. Штаб «бахмадовцев» развернули в МВД. В полуночном совещании министр ВД Алсултанов был отстранён от должности и старшим офицерам МВД было предложено, кто хочет быть министром внутренних дел ЧИР. Выбор, как на рекомендованного МВД РСФСР, выпал на Ибрагимова. И заработала канцелярия нового «спасителя нации».

Деятельность этих антинародных сил была достаточно активной. Были назначены новые сроки выборов (на ноябрь), создана параллельная Центральная избирательная комиссия, «отменены» все законодательные акты, принятые Временным Советом за подписью Х. Ахмадова. Возобновился и альтернативный митинг на площади Ленина. Хотя площадь и была переименована, народ не хотел связывать антинародный митинг с именем национального героя и поэтому называл её именем коммунистического вождя, за реанимацию идей которого, по сути, и стояли его участники. Кстати, многие не бескорыстно: приходя ежедневно, как на работу, к десяти часам утра, чтобы отстоять до сумерек.

Чем ближе мы подходили к выборам 27 октября 1991 года, тем ожесточённее становилось сопротивление пророссийских сил. Прибыла ещё одна делегация Москвы, возглавляемая депутатом Тимировым и при участии генпрокурора РСФСР Степанкова, состоящая из депутатов РСФСР и СССР. Два дня консультаций позволили выработать документ, удовлетворяющий обе стороны. Но подписать его решено было на следующее утро, обдумав ещё

раз последний пункт, который москвичи хотели согласовать с центром. Степанков признал законность действий ОКЧН, хотя затем, по прибытии в Москву, заявил обратное. Впрочем, изменять своё мнение относительно событий в Чечении сразу же по возвращении в Москву было отличительной чертой всех московских делегаций и отдельных визитёров, якобы, приезжавших устанавливать истину об общественно-политических процессах в республике. То же самое произошло и с членами объединённой парламентской делегации СССР и РСФСР, которые перед подписанием протокола соглашения изъявили желание «проконсультироваться» с Москвой.

Как мы и полагали, к назначенному времени, 10 часам утра, на подписание они (члены делегации во главе с Тимировым) не явились. Мы прождали до одиннадцати, а их не было. Однако мы получили неофициальное уведомление, что делегация находится в МВД ЧИР на совместном заседании с так называемым «Высшим Временным Советом», возглавляемым Бахмадовым. Оказалось, в ночном разговоре Москва категорически запретила подписывать выработанный документ. Тайно от ИК ОКЧН убыл в метрополию и генпрокурор Степанков: сбежал, что называется, и остался верен клеветнической традиции московских визитёров. Основная делегация так же почти скопировала манёвр генерального прокурора. Так закончился очередной контакт лидеров мятежной Чечении с метрополией.

Тем временем, внутренние силы противодействия за независимость наращивали сопротивление. Противостояние на двух площадях приобрело устойчивый характер. С площади Свободы люди на ночь не расходились, как с площади Ленина. Больше всех на ленинской площади склоняли Дудаева и Яндарбиева, с именами которых ассоциировались события, через имена персонифицировались действия ОКЧН и ВДП. Идеологическими рупорами коммунистического пророссийского митинга стали почти все издания (газеты) республики, кроме «Свободы». Тогда же, в основном, они перешли на московскую подкормку, которая затем переросла в щедрое финансирование через тайные спецслужбы России. Более или менее верными ИК ОКЧН оставались радио и часть телевидения. Мы трезво оценивали ситуацию и поэтому основной акцент в пропагандистской работе делали на непосредственные живые контакты с населением.

Практически ежедневно проходили встречи в сёлах. Люди активно приобщались к политическим процессам, твёрдо становились на сторону ОКЧН и ВДП, то есть независимости Чечении.

Вплоть до выборов Президента и Парламента мы, единомышленники, со своими друзьями и помощниками проводили интенсивную работу по поддержке кандидатуры Дудаева на пост президента. День и ночь со мной находились Мацаев Саид-Али, Ваха и Шайхи Ибрагимовы, Алу и Ваха, Саламу и другие, которые с доброй совестью посвятили свою энергию народному делу. Стабильно работал штаб ВДП, где трудились, в основном, старые партийцы — С. Нураев, М. Абубакаров, Ю. Гелагаев, З. Исаев, А. Ибаев, И. Абзотов и многие другие, которых, к сожалению, сегодня я не помню по фамилиям, но о которых будет написано в своё время, ибо без освещения их деятельности история нашей борьбы будет неполной. Были активны и не члены ВДП, которые внесли неоценимый вклад в дело независимости. Большинство народа на площади Свободы не принадлежало ни к какой политической организации. Они представляли народ. И это была основная сила и гарантия нашего успеха.

Чтобы внести ясность в понимание и толкование роли и места различных политических организаций в событиях тех дней, необходимо сказать, что помимо общественных организаций и партий, входящих в единый блок с ИК ОКЧН, абсолютно каждый независимый сторонник, даже самый беспомощный старик, физически неспособный выйти за порог своего дома, но в мыслях, молитвой и сердцем поддерживавший нашу борьбу, внесли свой вклад в общенародное дело. Это мне было понятно всегда и сейчас я стою на том.

Создание государства не было никогда и не может быть делом, привилегией отдельных политических партий и общественных структур, оно не может проходить по принципу разделения граждан на хороших и плохих. Это — кровное, святое дело всего народа. Разделение в такие моменты происходит чисто этно-политически и нет сил, которые сумели бы предотвратить такую градацию. Можно с болью воспринимать конкретную реальность, но ничего нельзя изменить, отказавшись от идеи реальной независимости, ибо борьба за независимость — это пик общенациональной политической и гражданской зрелости. Пассивная часть в таких ситуациях солидаризируется с явной реакцией или лагерем оппозиции. Политическое расслоение в этом случае не является прихотью кого-то, а есть объективная закономерность общественного развития и ярчайший пример отрицания народом, его сознанием и нравственной сущностью аполитичной безликости толпы или, как называли нас коммунисты, «народной массы». Из «массы», таким образом, выкристаллизовался народ, обретая законченную структуру нации. Отбор происходил по законам естественным.

Гражданская позиция многих людей, занимавшихся общественной деятельностью, не выдержала в те дни испытания на прочность. Патетические заявления некоторых писателей и иных представителей научно-творческой интеллигенции на поверку оказались пустой демагогией. Иначе как оценить писателя, который за всю свою жизнь не осмелился выйти на политический митинг за национальное освобождение, не сумел пересилить страх и за всё время функционирования площади Свободы, а на пророссийский митинг вышел и не простым участником: позволил имперской идеологии подпереть своим именем сотрясаемую народом крепостную стену.

Именно такими были мои ощущения, когда в середине октября я вдруг пришёл на альтернативный митинг на ленинской площади, чтобы воочию взглянуть на тех, кто ежеминутно склоняет и нас. Пришёл сказать им, что думаю по поводу их жалких потуг против воли народа. Пошёл я туда абсолютно сам, не сказав ни слова друзьям, которые не покидали меня ни на минуту. День был солнечный, тихий. И вдруг потянуло на ту площадь: может быть, они не понимают, что делают? Захотелось взглянуть им в глаза. Им, кто прикрывается демагогией и демократической фразеологией. Хотя бы взглядом нащупать в них нерв гражданской совести.

Двое писателей, один из которых ещё вчера был моим лучшим другом, за которого я, как говорится, стоял стеной, а другой — незаконно ставший редактором литературного журнала (за верную службу руководству ЧИАССР в период его бесславного финиша), стояли плечом к плечу, на платформе из кузова грузовика, где находились «отцы» антимитинга. Людей было немного, около тысячи человек. Я встал на расстоянии и прямо уставился им в глаза. Когда наши взгляды на мгновение встретились, оба они упёрлись в небо и таким образом выдержали паузу. «Идеологи» заметили присутствие оппонента. И не смогли скрыть своего внимания к нему. Мне было бесконечно жалко их, по малодушию продавших души свои…

И я прошёл к платформе, не сказав ни слова, поднялся к микрофонам, поздоровался с почётным президиумом из стариков, восседавшим там же на стульях. Говорил всего лишь минут пять. И ушёл. Когда я сходил с трибуны, бывший мой друг (первый из тех двоих) изъявил настоятельное желание поговорить со мной, что я отверг. На его попытку настоять на своём ответил, что я могу с ним говорить только в том случае, если он придёт на площадь Свободы.

Я уходил с площади Ленина на площадь Свободы и часть митинга двинулась следом, скандируя: «Нохчийчоь!» — лозунг

площади Свободы. Так и пришли. Может, этот факт и послужил основной причиной неприязни, которую не в силах был скрыть ко мне «величайший из философов», как он себя именовал, в последующих публичных и телерадиовыступлениях и публикациях: кстати, разочаровавших в нём многих — и вовсе не за позицию, а за низкопробное содержание. Затем он скатился ещё ниже, став одним из организаторов кровопролития 31 марта 1992 года. А от второго я ничего другого и не ожидал: его поведение в 1979 году в деле «Пхьармат» и в последующем (с жульническим пролезанием в редакторы журнала) не давали основание думать, что он поступит иначе, хотя на телеэкране он регулярно учил и учит сегодня народ мудрости, стойкости, мужеству, духовности и патриотизму. С лёгкостью плевка он может писать и кричать: «Когда у тебя болит палец, у меня заболевает сердце» (в обращении к Чечении). Трудно, оказалось, для него и подобных ему принять сердечную боль той же самой Чечении — хотя бы на мизинец. И мы спрашиваем: «Где былая доблесть чеченцев? Когда она может быть лишь прямо пропорциональной доблести своих проповедников и лидеров?». Эти «ура-патриоты» есть объективное порождение русской политики, когда наш народ воспитывался на лицемерных проповедях и ложных примерах гражданственности, когда действия писателя, к примеру, по самообороне от политики великодержавного шовинизма, посредством оправдательных писаний, основной сутью которых являлась попытка доказать верность своего творчества интернационализму, партийности и так называемому «социалистическому реализму», воспринимались как мужество и патриотизм, а «страусиная поза» перед реальностями жизни выдавалась за мудрость.

Великое дело сплачивает не только одержимых великими идеями и способных на самопожертвование, но и их антиподов: слабохарактерных, завистливых, мстительных и продажных. Правда, чаще на полярно противоположных позициях. И если удел первых — Сенатская площадь или площадь Свободы, то вторые непременно сплачиваются и околачиваются на площадях подобно ленинской. Жизнь ставит нас к барьерам и, дай Бог, всегда только к политическим.

А сколько было их, мечущихся между двумя барьерами? Да и теперь они есть. Неспособность определиться в таких ситуациях — самый большой изъян личности. Многие противники нынешней власти, среди них и те, кто называет её «незаконной», в той или иной степени пытались приобщиться к выборным и назначаемым должностям в структурах именно этой власти. Но, не сумев пробиться, стали самыми злыми её оппонентами. Хотя

они участвовали, например, в выборной кампании на равных со всеми.

Помню, как мы были удивлены тем, что тот самый писатель, о котором я писал выше, уже собирает подписи в поддержку своей кандидатуры на выдвижение в президенты. Тогда ещё не были определены ни форма, ни количество подписей, необходимых для регистрации кандидата. Но он ездил по родственникам и друзьям, ходил по творческим союзам с просьбой поддержать его. А произошло ужасное для его больного самовлюбленностью сознания: рейтинг его был неописуемо ниже, чем дудаевский или яндарбиевский. Это был удар, от которого он уже не оправится, а подтолкнёт к ненавистническому противостоянию Чеченскому государству, кульминацией которого было 31 марта 1992 года.

Самым знаменательным событием перед выборами, пожалуй, было назначение Президентом России своего представителя по ЧИР. Такая «честь» выпала Арсанову Ахмеду, депутату РСФСР от ЧИАССР. Расчёт российских политиков был понятен: волю народа к независимости решили парализовать, использовав для этого авторитет одного из шейхов Чечении Дени Арсанова и его рода. Несмотря на то, что сам Дени Арсанов погиб именно за дело независимого Чеченского государства, некоторые сегодняшние его потомки — и это достойно сожаления — заняли пророссийскую позицию в политических процессах в Чечении. Данное обстоятельство было взято во внимание нашими оппонентами из числа депутатов РСФСР, когда рекомендовали Ельцину, кого назначить своим представителем в ЧИР. Оппозиция к ОКЧН воспрянула духом, но народ не принял «миссионера». Мне пришлось говорить с Ахмедом Арсановым на второй день его назначения в кабинете председателя Совета Министров ЧИР С. Бекова. Он сам не был в восторге от роли, отведённой ему этим назначением. Суть его усилий была в попытке предотвратить выборы Президента и Парламента Чеченской Республики 27 октября 1991 года, склонить общественно-политические силы республики и население к выборам в ВС ЧИР. После долгих споров каждый из нас остался при своём мнении. Он — что нужно перенести выборы, я — что было бы престижнее для него, если бы он призвал людей дружно провести выборы, а затем заняться решением проблемы разделения или сохранения единства Чечении и Ингушетии. А выборы состоялись через два дня и показали, что абсолютное большинство народа стоит за Дудаевым. Это было и мнение насчёт председательства Президента России в Чечении. Но прежде, чем перейти к завершению изложения событий периода перехода из колониальной зависимости к независимой чеченской

государственности, нужно дать краткий анализ социально-психологической обстановки, при которой развивались события.

С первого же дня низложения Верховного Совета ЧИР народом, в результате нейтрализации высшей исполнительной власти, в республике сложилась ситуация, близкая к безвластию. Исполком ОКЧН всенародно объявил, что не собирается брать власть без всеобщих народных выборов, но берёт на себя функции контроля за действием исполнительной власти. Но исполнительная власть оказалась настолько слабохарактерной или, скорее всего, хитрохарактерной, что пустила ситуацию на самотёк и все силы направила на заметание следов своих махинаций, совершённых под чутким руководством бывшего ВС и ОК КПСС ЧИР. При этом постоянно делались ссылки на невозможность в сложившейся ситуации выполнять свои обязанности по управлению народным хозяйством.

Между тем, дело заключалось в незаинтересованности должностных лиц, а политическая ситуация служила лишь очень удобным поводом для оправдания перед любой властью, которая придёт на смену старой: если пророссийская — и перед ней, если чеченская — и перед ней, даже если инопланетянская — и перед ней. Истина, что в смутные времена легко действовать жулью, подтвердилась — причём жулью управленческому.

Но была и беда другого характера. Вернее, социальное бедствие. С первых же дней междувластия, сложившегося после 24 августа 1991 года, начал проявляться синдром «комиссарства». Штаб Исполкома ОКЧН буквально стал ломиться от желающих взять под свой «революционный» контроль всё и вся. Чего только не предлагалось поручить добровольному и бескорыстному оку того или иного энтузиаста, который сам выбирал и объект контроля, и форму мандата от ИК ОКЧН, и круг своих полномочий. Конечно, были среди них и действительно честные, беззаветно преданные делу национально-освободительного движения люди, готовые стать на страже всего, что должно стать достоянием нового государства, сохранить до грамма народное добро. Но таких было слишком мало. Большинство, к сожалению, просто рвались к доходным местам: на склады, магазины, базы и так далее. Другая категория «комиссаров» рвалась на места своей прежней работы, как они выражались, чтобы установить социальную справедливость в отношениях начальника или иного руководства с коллективом. Были и такие авантюристы, которые высматривали объекты для шантажа и выдаивали из них деньги или другую «компенсацию» за то, что «грозное око» чеченского исполкома не метнуло в него молнию; и такие, кто просто мстили своему начальнику за обиду, пусть даже справедливо нанесённую.

Было всё, и самое удивительное, в большинстве случаев это у них проходило: их боялись руководящие работники, их поддерживали коллективы, несмотря на то, что они просто были пройдохами. Руководители боялись потому, что имели грехи, за которые они ранее расплачивались с различными контролирующими ведомствами. Новоявленные тоже воспринимались в том же качестве. А простые смертные надеялись с их помощью добиться хотя бы минимальной справедливости за бесправие, чинимое с ними не только государством, но и конкретным руководителем годами и десятилетиями. Словом, существовал антагонизм и им искусно пользовались авантюристы, которых наплодило бездействие органов обеспечения законности. Эти органы оказались заложниками комплекса вины за соучастие своих руководителей в ГКЧП, их политической и гражданской трусости.

Но некоторый успех авантюристов и хапуг, пользующихся ситуацией, отчасти объясняется и тем, что отдельным руководителям даже самого высокого ранга было просто выгодно оказаться «жертвами» «комиссарствующих» пройдох и, делая вид, что они вынужденно подчиняются, заставляли их учинить хаос, который позволял замести старые следы, «очиститься» от грехов, даже присвоить ещё что-то. Так чаще всего и случалось. И эти же руководители больше всех кричали о большевистских методах демократов, хотя прекрасно знали, что «комиссары» не имели ничего общего с характером действий и целями ни ВДП, ни ОКЧН.

Эпидемия «комиссарства» и для нас самих была настолько ужасающей, что мы оказались просто бессильными сразу её обуздать, несмотря на то, что довольно быстро распознали её признаки и приняли некоторые меры. В начале была сделана попытка поставить действия любого подобного «энтузиаста» в зависимость от ИК ОКЧН. Но это только расплодило людей с мандатами. Помимо исполкомовских, появились мандаты самых различных организаций, в том числе и новорождённых. Думается, что некоторые создавались специально для компрометации движения. Опасность института добровольных «комиссаров» прежде всех усмотрел Джохар Дудаев, который категорически запретил выдавать какие-либо мандаты и удостоверения от имени руководства ИК ОКЧН без личной его подписи. Это позволило немного сбить волну этой социальной эпидемии. Но мандаты и удостоверения и после этого подписывались людьми из ИК ОКЧН, проходимцы всё сильнее присасывались к народному делу, как пиявки, и попили немало крови. Предложения на добровольное «комиссарство» поступали от самых неожиданных лиц из столь же неожиданных мест.

Были и такие, кто отождествлял события в Чечении с событиями времён гражданской войны и последующих лет. Они имели самое примитивное представление о механизме социальной справедливости, государственности, законе и морали — и таких оказалось в нашем обществе очень много. Иногда целый день я только тем и занимался, что принимал просящих хоть какой-то мандат для выполнения любой контрольной функции на любом месте или в селе, районе. Приходилось разъяснять им невозможность этого и незаконность таких документов, уговаривать, даже угрожать некоторым, нагло требующим, выпрашивающим, выуживающим «бумажку с печатью исполкома». Были и случаи использования вместо «мандатов» членских партийных билетов. И для пресечения этой вакханалии нам пришлось выступить по телевидению и радио с популярным разъяснением, что такое «властные структуры и функции политических партий». Некоторые билеты просто отбирали. Но эпидемия «комиссарства» была настолько сильна, что полностью её изжить не удалось и после избрания Президента и Парламента ЧР…

Возвращаясь к данной проблеме, нужно отметить, что, помимо социальных и психологических, она имела и чисто политические причины как внутреннего, так и внешнего характера. Оппозиционные к ИК ОКЧН и ВДП силы, обнаружившие в самом начале событий неспособность участвовать в национально-освободительной борьбе своего народа, по причине растерянности, непонимания или гражданской незрелости, начали искать благовидный предлог для прикрытия своего не благого вида. И самым удобным оказался испытанный способ навешивания ярлыков на других: тем более, что формальный повод был дан самим синдромом «комиссарства» с неизбежной политической безликостью отдельных лиц и слоёв, участвующих в событиях. Уцепившись за благовидный предлог, так называемые «оппозиционеры» искусственно привязывали внимание общественности к действиям отдельных людей, отождествляя их с политикой ИК ОКЧН и ВДП и таким образом ориентируя часть населения на действия в социально-классовом русле, то есть провоцируя, по существу, на реакционные действия. Социально-классовый подход к событиям в Чечении не только устраивал имперскую политику России, но и поощрялся ею и идейно, и материально. Ибо, переориентировав сознание чеченского народа с национально-освободительных задач, являющихся основной политической и тактико-стратегической платформой ИК ОКЧН и ВДП, а также событий в Чечении после 19 августа 1991 года, на решение социальных задач и классовое

расслоение, Россия достигала своей главной цели — удержания Чечении в составе российского государства. Ради этого она шла на всё и активно помогала тем силам, которые хотели и трактовали происходящее в Чечении именно в социально-классовом русле. А историческая несостоятельность в отношении к подобным событиям доказана опытом октябрьского переворота в России 1917 года и всей последующей тактикой СССР.

Вся деятельность спецслужб России и пророссийских сил в Чечении была нацелена на то, чтобы внушить народу республики необходимость совершения социальной революции, ибо, в противном случае, ничего не изменится в лучшую сторону. Наоборот, внушали они, появятся новые богатые и им подобные. Ко времени выборов Президента и Парламента Чеченской Республики вся пресса, кроме одной-двух газет, была отрицательно заряжена в отношении независимости Чеченского государства, хотя неуклюже и пытались прикрыть это. Материально стимулировалась такая позиция российской стороной весьма щедро. Бороться с вирусом социально-классовой революционности внутри движения за независимость было очень трудно в силу того, что наше общественное сознание десятилетиями советской власти было приучено трактовать любые социально-политические процессы именно через призму классовости. Изголодавшийся по государственному механизму, способному обеспечить социальное благополучие и справедливость, народ апеллировал, в основном, к принципу справедливости вообще и готов был принять любую форму достижения её, притом незамедлительно. Иллюзии вообще были невероятные. На встречах порой приходилось терпеливо пояснять банальную истину: избрание законных органов власти независимой Чеченской Республики ещё далеко не означает достижение тех благ, которые сулит нам государственная независимость; что их необходимо будет достигать кропотливым и упорным трудом всего народа. Объяснять приходилось очень многое, но и после этого видно было, что иллюзии по поводу скорейшего достижения благ «революции» не рассеяны. Именно эти причины и заставили меня, в своём первом обширном интервью после выборов власти ЧР, заявить, что борьба только начинается, когда многие наивно думали наоборот.

Жизнь показывает, что очень трудно объяснить, довести до многих истину о сущности национально-освободительного движения, что создание независимого государства есть всего лишь основа, на которой начинается строительство формы и механизмов достижения социальной справедливости — долгого и мучительного рабочего процесса. Но тогда, когда отвергалась или

плохо принималась теория, это было только полбеды. Такое непонимание намного опаснее тогда, когда приходится доказывать это всё на практике, которая «так долго» не приносит людям улучшения их личных «жизненных» условий. Здесь одной логикой не возьмёшь. Этим и пользуются всегда оппоненты независимости…

В завершение столь краткого повествования о событиях величайшего перелома в истории и судьбе чеченского народа необходимо заметить, что выборы 27 октября 1991 года в Чечении были первыми свободными и действительно всенародными — и по духу, и по степени участия в них народа. Как отмечали наблюдатели, которые фактически имели доступ на любой избирательный участок для осуществления своей международной миссии, всенародные выборы прошли успешно и в соответствии с процессуальными нормами права и международной практики. Более семидесяти процентов населения приняло участие в голосовании, из них до девяносто процентов отдали голоса за Джохара: таковы итоги выборов Президента. В Парламент на первом этапе было избрано 34 депутата из 41 по списку. Глава высшей исполнительной власти и государства и высший орган законодательной власти были избраны. А 1 ноября 1991 года Президент Чеченской Республики своим Указом подтвердил провозглашение независимости Чеченского государства. 2 ноября Парламент своим Постановлением так же закрепил волю чеченского народа, выраженную на трёх этапах общенационального съезда народа. С этих актов началась официальная история Чеченского государства. История, которую пишет весь народ и обещает быть очень и очень сложной, драматичной: с возрождением, в конечном счёте, чеченского народа и только ему присущих изначально чистых вайнахских обычаев и традиций.

А через две недели, 8 ноября 1991 года, Россия сделала открытую попытку свержения законной власти в Чечении своими штыками. Вечером этого дня, в 20 часов, российское телевидение передало, что со следующего утра, с 5 часов, вступает в действие Указ Президента России о введении ЧП в ЧИР. Через час весь чеченский народ стоял готовый защитить свою независимость. И через два дня ВС РСФСР отменил Указ своего Президента как недостаточно технически подготовленный. А чеченский народ сплотился ещё крепче: оппозиция, которая до этого часа стояла на площади Ленина, с объявлением ЧП 8 ноября мгновенно исчезла, разбежалась по домам и так называемая «гвардия оппозиции». Одни опасались гнева народного, другие просто поняли, в какую пропасть их толкали «бывшие» и ушли в народ. А

народ Чечении, как и было запланировано, 9 ноября 1991 года принял присягу у своего первого Президента Дж. Дудаева. Народ бурно праздновал победу. Победу, но ещё не окончательную, ибо до окончательной предстоит долго и трудно идти. Что сегодня мы и делаем, с милостью Божьей!

Грозный, 1992–1993 гг.

Россия продолжает наращивать вооружённое вторжение в Чечню под видом подразделений так называемой «оппозиции» и в октябре месяце. А наглость «гантамировцев» в Урус-Мартановском районе доходит до предела. Тогда семеро смельчаков совершают акт мести — дерзкое нападение на базу возле селения Гехи, где Гантамиров сосредоточил свои ударные силы во главе с российскими кадровыми военными. Это происходит 13 октября 1994 года. Этими смельчаками оказались молодые парни в возрасте от двадцати пяти до двадцати шести лет, принявшие газават во имя независимости Чечении. Через неделю правительственные силы провели крупную операцию по ликвидации группировки Гантамирова и захватили её базу. Часть банды наёмников была уничтожена на месте, а её остатки ударились в бега. Но и правительственные силы понесли большие потери — в результате коварного нападения урус-мартановцев из глубины кладбища за населённым пунктом. Всякого рода кощунства были всегда присущи российским наёмникам, но нападать с территории кладбища, вернее, открыть огонь в спину проходящей маршем колонне, было сверх всяких норм. Ни один солдат правительственных сил не решился стрелять по кладбищу. И полегли ребята под коварным огнём святотатцев, которыми руководили лидеры «Даймохка» Леча Умхаев, Юсуп Эльмурзаев и другие «демократы». И это меня не удивило. Это был их стиль, метод — бить из-за угла, под российским прикрытием. Больше всех там полегло бойцов Умалта Дашаева. Погибло и несколько ребят из подразделения Хожи, были также и раненые. Потом Хожа рассказывал, что, когда они выбрались из-под шквального огня, который буквально терзал их на кладбище, и очутились перед базой, которую необходимо было штурмовать, многие уже не могли встать. И вот тут поднялся Аслан Масхадов и сказал: «Я не имею право уходить отсюда, не взяв базу. Кто пойдет со мной?». — «Мы», — ответил Хожа. И они двинулись вперёд. База была взята. Но сколько она принесла жертв! Не могу не подчеркнуть один момент. Когда наши подразделения и ополченцы были готовы выступить для выполнения операции, увидев Хожа-Ахмеда в полной боевой экипировке, я спросил у него: «Зачем тебе туда идти, ведь, у твоего ополчения есть

командир?». Он ответил: «Если я, вооружив и отправив ребят в бой, сам останусь дома, то как я посмотрю в глаза родственников тех, кого, не дай Бог, если случится — убьют? Если я их вооружил — я должен быть с ними…». Хожа оставался верным себе… Потом средства массовой информации России будут лгать о нападении на Урус-Мартан, в то время как по нему не было сделано ни одного выстрела. А урус-мартановская «оппозиция», разбежавшаяся после боя, через два дня, при бездействии МВД, на котором лежала обязанность завершить операцию, возвратится и продолжит свои преступления. Не ладились дела и в Кабинете Министров ЧРИ. Осложняющаяся обстановка сеяла среди некоторых его членов неуверенность, даже панику. А некоторые уже готовились к худшему. Вот как описывает одно из заседаний КМ октябрьский номер газеты «Ичкерия»:

«6 октября на очередном заседании КМ ЧРИ одним из основных был вопрос о создании спецгруппы по освобождению министра юстиции, Генерального прокурора Усмана Имаева, и принятие заявления правительства ЧРИ к правительству России по поводу захвата в заложники члена правительства независимой республики и руководителя важнейших государственных служб. Эта бандитская акция была совершена при нападении российских спецов по таким «мероприятиям» на Черноречeнском шоссе 27 сентября, когда У.Имаев прибыл на место боя и, как представитель высшего надзора страны за законностью, своим мирным вмешательством пытался остановить начавшуюся трагедию. При этом один из его охранников был расстрелян в упор, а сам Имаев захвачен и увезён. Как сообщил докладчик, правительство все эти дни не бездействовало, были проверены все места, где Имаев мог содержаться. Но, как бывает часто при розыске по «горячим следам», эти мероприятия не дали желаемых результатов. Предположительно, он увезён российскими спецслужбами в Москву. Поэтому создана спецгруппа по решению вопроса освобождения Имаева. Разумеется, розыск будет вестись, прежде всего, политическими методами.

Как сказал глава правительства, Чеченская Республика никогда не опустится до таких методов, какие применяют российские спецслужбы. Прежде всего, МИД ЧРИ подготовлено письмо на имя президента РФ, где оно в довольно джентльменских выражениях потребовало освободить министра юстиции, Генерального прокурора ЧРИ. Далее представитель ЧРИ в Гааге с председателем ООН вылетели в Нью-Йорк. Подготовлено письмо в ООН с просьбой о создании международного комитета по расследованию преступлений российских спецслужб против народа ЧРИ. А их уже немало. Правительство ЧРИ считает

возможным, что российскими спецслужбами будут завербованы преступные элементы из стран СНГ. Не исключена возможность попытки физического уничтожения президента спецсредствами и похищения членов КМ, наиболее преданных делу свободы ЧРИ.

Поэтому надо проявлять постоянную и высочайшую бдительность, тем более, сейчас, когда у наших границ стоят, мягко говоря, не совсем дружественные элементы. Весьма интенсивно обсуждался вопрос о состоянии кассовой дисциплины в министерствах и ведомствах. Как известно, 4 ноября 1993 г. указом Президента даны задания всем министерствам и ведомствам сдавать в учреждения Нацбанка выручку от реализованной продукции. Планы были реальные, редко кто из членов правительства возражал против них. Из информации заместителя председателя Национального банка Ю.Умаева видно, что в сентябре план сдачи денег выполнен по республике всего на 35,2 процента, а за первое полугодие — около четверти плана. Проведённые ранее проверки показали, что повсеместно деньги используются руководителями для нужд своих предприятий. А что же делать тем учреждениям, которые товаров не производят? Вот, например, цементный завод из 252 миллионов, запланированных для него, не сдал ни рубля. Рынки республики сдали всего 12 процентов, концерн мясомолочной промышленности — 17,5 процента, минсельхоз — 33, концерн рыбного хозяйства-38, минпром — 55 процентов и т. д. Конечно, требования к таким руководителям предъявляются жёсткие.

Так, если предприятия не выполняют плана, инкассаторы при приёме денег обязаны брать письменные объяснения о причинах этого невыполнения. И здесь случаются противодействия. Некоторые руководители отказываются сдавать деньги без каких-либо объяснений. Всё это вынудило правительство наметить на 15 октября специальное заседание. Как бы кое-кому не пришлось вместо денег сдать портфели. О внедрении новой системы связи докладывал начальник этого департамента Сайд-Эмин Ибрагимов. Оборудование связи в Грозном и республике морально устарело, многое надо менять. К 2000 году запланировано оборудовать 60 тысяч телефонных точек.

Всё приходится покупать в России, даже простейшую лампочку, за наличные деньги. И нынешняя связь в ЧРИ, и запланированные мероприятия подверглись критике. Вопрос об утверждении положения, структуры и штатного расписания Госкомитета по телерадиовещанию докладывал председатель комитета Х.Гузуев…». Как видим, на хозяйственной деятельности государства прямо отражалась политическая ситуация: степень общественно-политической, тем более, военной напряжённости,

создавая предпосылки для резкого падения дисциплины производства и экономических отношений. И это также сказывалось и на деятельности Прокуратуры, МВД, ДГБ…

* * *

В начале ноября происходят бои у села Братское с колонной российских танков и пехоты, прорывающихся из Ставрополья в Знаменское. Столкновения и стычки происходят почти ежедневно по всему периметру тамошнего участка границы. Налёты авиации на объекты и жилые кварталы приобретают регулярный характер. Лидеры «оппозиции» — в предчувствии близкой «добычи». И Хасбулатов, и Хаджиев, и Автурханов рассчитывают на собственную первую роль в ликвидации «режима Дудаева». Каждый просит Москву помочь техникой, вооружением, войсками. Они то заявляют о достижении согласия, то ревностно упрекают друг друга. Но Москва не хочет Хасбулатова, и домогания экс-спикера на лидерство тщетны. Вскоре выясняется, что Москва выбрала Хаджиева. Пятнадцатого ноября банды «оппозиции» вторгаются с двух сторон на окраины Грозного. «Гантамировская» бронетехника, в начале продвинувшись по трассе Баку-Ростов, на шатойском перекрёстке резко сворачивает на Грозный и занимает территорию бывшего 15-го военного городка на южной окраине города. «Автурхановская» колонна вместе с бандой Лабазанова выезжает через микрорайон и останавливается у посёлка Маас. Её встречает Шамиль Басаев с небольшим отрядом и демонстрирует умение бить противника малым числом. «Оппозиционеры» растеряны. Они не знают, сколько сил их ожидает в Грозном. Хотя в тот момент организованного «кулака» для удара по ним не было. Срочное совещание военного руководства ЧРИ решает: в полночь уничтожить обе группировки. Но планы становятся известны и «оппозиция» спешно покидает город. А информационные агентства на следующий день начали трубить, что город был взят «оппозицией», но она, мол, оставила его из гуманных побуждений. Хасбулатов же назовёт это бегство трусостью командиров и будет очень сожалеть о случившемся. Бедный Руслан Имранович: не везёт ему с «боевыми товарищами» ни в Москве, ни в Грозном. Свою «лепту» в общественно-политическую ситуацию в ЧРИ перед началом открытой агрессии России вносят и учёные республики. В том числе и академики во главе с Хамзатом Ибрагимовым, которые, несмотря на высоту своего положения, не в состоянии адекватно осмыслить происходящее. В

конце концов, они готовы полностью пожертвовать свободой народа, результатами борьбы многих поколений чеченцев на пути к государственной независимости, лишь бы не принять на себя ту частицу ответственности и лишений, которую они просто обязаны принять в подобных ситуациях, хотя бы потому, что паразитировали на труде чеченского народа, вырастая до своих «научных степеней».

* * *

Из Москвы звонит С.-Х.Нунуев и предлагает услуги своей «миротворческой группы» в «бескровном» аннулировании Чеченского независимого государства и преподносит это в такой красивой форме, что получается: за период с августа 1991 года он только и занимался защитой чеченского народа от надвигающейся агрессии. Выслушав его по телефону, я заявил, что нет никакой необходимости ехать в Грозный, чтобы предотвратить российскую агрессию. При желании он может это делать в той же Москве. А ещё лучше было бы, если бы они сами не подталкивали российские власти к роковым шагам. Завязавшийся спор я прервал словами: «Хорошо! Вы вводите российские войска в ЧРИ, а мы вам докажем, что здесь есть ещё мужчины!». Он что-то возразил. Я повторил фразу и положил трубку.

* * *

Странную миротворческо-посредническую роль берёт на себя после ухода в отставку с поста главы МИД Шамиль Бено. Вначале он открывает Северо-Кавказский аналитический центр, что я воспринял как центр для легального сбора информации спецслужбами России. Это прочитывалось в каждом шаге СКАЦ. Затем он «находит» приют в коридорах власти в Москве и начинает периодически наведываться в Грозный с разного рода рекомендациями и аналитическими справками по поводу развития ситуации в ЧР и вокруг неё, действий политического руководства РФ и их спецслужб. В основном, он встречался со вторым и третьим эшелонами власти ЧРИ. Но достаточно часто говорил с ним и я — каждый раз по его инициативе. До Джохара он доходил реже. Да, видно было, что он обеспокоен надвигающейся войной и говорил об этом: под видом аналитических изысканий выкладывал прямую информацию от

спецслужб РФ. Это было своеобразное давление. Он пытался натолкнуть нас на уступки в главном — политическом вопросе, и даже в его краеугольном аспекте. Мы выражали готовность на компромиссы, но только не в главном вопросе, предлагая, тем не менее, путь поиска компромиссного решения, а частичного, временного, даже в нём. Поиск не всегда означает — достижение. Но это лучше, чем война. Что не нравилось в действиях Шамиля Бено — это выдавать свою спецработу за благородные побуждения, в результате чего даже его благовидные цели воспринимались как выполнение задания… Он так и остался в моём восприятии раздвоенной личностью — не с чеченским народом, а рядом с ним, около него, при нём, как случайный попутчик до определённой точки… Сколько их было таких? Проходящих мимо с миной добродетеля на лице…

Накануне 26 ноября 1994 года между «оппозиционными» лидерами произошёл очередной разлад. Автурханова и Хасбулатова, как и Завгаева, сидящего в Москве, никак не устраивало, что город будут брать от имени С.Хаджиева. Но Кремль свой выбор сделал и ставленник Черномырдина тоже. «Танки даны мне!»- заявит он «миротворцу», давая понять, кто хозяин положения. В эти же дни у руководства Чеченской Республики появилась достоверная информация о планах российских наёмных банд автурхановых и гантамировых. К первому декабря, сообщали источники, Грозный должен быть атакован. На сей раз намечался действительный штурм. Военное руководство ЧРИ решило подготовиться основательно. Но вдруг выяснилось: нет противотанковых выстрелов к гранатомётам. Вернее, их было, но очень мало. Посоветовавшись, решили ещё раз, внимательно, посмотреть склады Шалинского танкового полка. Вечером Аслан Масхадов принёс радостную весть: нашли более тысячи выстрелов, даже усовершенствованной модификации… И Джохар делает тактический ход. 24 ноября 1994 года он посылает своего представителя М.Мержуева в Ингушетию, чтобы тот обратился к кому-то из военных, связанных с российскими спецслужбами, с настоятельной просьбой срочно помочь с противотанковыми выстрелами к гранатомётам. Представитель Джохара обратился к Зайнди Мовлатову — секретарю Совета Безопасности РИ.

* * *

25 ноября 1994 года С.Гелисханов, Р.Гелаев и другие в Урус-Мартане встречаются с Гантамировым и упрашивают его не

начинать штурм города. Гелисханов обещает им, что командиры сами решат вопрос с Дудаевым, Яндарбиевым и прочими. Достигают согласия встретиться на следующий день, в десять часов утра, и решить вопрос окончательно. В этот же день Джохар попросил меня проинформировать население о планах России, её спецслужб и их наёмников на ближайшие дни и призвать народ к бдительности и подготовке к серьёзным событиям. Я выступил около семи часов вечера и, возвращаясь из студии ТВ, зашёл в кабинет Джохара. Он попросил выступить ещё раз и уже конкретно объявить, что преступные банды российских наёмников завтра будут штурмовать Грозный, что является открытой войной России против ЧРИ. Я выступил вновь.

Когда я вернулся, у Джохара был Руслан Гелаев. Джохар ему объяснял, что нельзя доверять слову Гантамирова: обещав ему и его товарищам встретиться с ними завтра в 10 часов, он просто усыпляет их бдительность перед утренним штурмом. Помню слова Руслана: «Ну что же, если они хотят войны, будет им и война. Мы хотели избежать кровопролития». Я тоже пытался объяснить ему. Ведь, повязав наших командиров в декабре 1993 года договором не применять оружие друг против друга, банды сами первыми нарушили слово и продолжают нарушать ежедневно. А наши командиры придерживаются обещания. Я говорил ещё что-то. Штаб тоже готовился в завтрашнему бою. Но в глубине души я надеялся, что штурма не будет. Думаю, и другие тоже. Тем не менее, мы были готовы к наихудшему варианту. Джохар и я провели ту ночь в своих рабочих кабинетах. В полночь прогремело несколько взрывов возле ДГБ. Через некоторое время патруль задержал нескольких подозрительных человек. Непрерывно осуществлялась связь с ДГБ и МВД. В МВД, по некоторым сообщениям, часть сотрудников готовилась встретить «гантамировцев» с объятиями. Ночь почти не спали. Несколько часов прошло в полудрёме. К рассвету, когда я совершил омовение для утренней молитвы и в ожидании срока стоял у окна кабинета, на северо-восточной окраине города, со стороны Толстой-Юрта, загромыхали танково-артиллерийские выстрелы. Из окна моего кабинета прекрасно было видно, как в предрассветной мгле от брони танков рикошетят снаряды солдат Чеченской армии.

Первый удар принял на себя заслон бойцов И.Арсанукаева. Бой был недолгим: небольшой заслон был смят почти сходу. Как потом выяснилось, бронетанковая колонна и сопровождающая её пехота, разделившись, вошли в город через Петропавловское шоссе и микрорайон. Другая колонна атаковала через так называемый «тридцать шестой участок». Гантамировский

бронированный «кулак» наступал через Черноречье. К часам девяти-десяти несколько бронемашин прорывается к центру, к Президентскому дворцу. Гвардейцы Президента останавливают их прямо на перекрёстке проспектов имени имама Шамиля и имени Исы Арсамикова. К тому времени, штаб налаживает взаимодействие с подразделениями Шамиля Басаева, Руслана Гелаева и других командиров.

Ситуация очень угрожающая. В центре у нас не оказалось почти никого, кроме Президентской гвардии. В этих условиях Шамсуддин Юсеф и я принимаем решение: удалить Президента в более безопасное место. После почти что часовой дискуссии и привлечения к уговорам ещё нескольких лиц, наконец-то, удаётся уговорить Джохара покинуть Дворец. Они с Юсефом уезжают. Я поднимаюсь к себе в кабинет, так как знаю, что информационные агентства будут звонить и, в первую очередь, Джохару и мне, зондируя ситуацию. Так и случилось. Звонили почти непрерывно.

Удивлялись, находя меня в кабинете, спрашивали о ситуации, о прогнозах, информировали, что у них распространены слухи о взятии Грозного и Президентского дворца. Естественно, они убеждались в их ложности. Некоторым приходилось давать послушать в телефонную трубку грохот взрывов и рёв самолётов. К часам двум после обеда судьба битвы за Грозный практически была решена. Но в этот момент как раз и разгорелся бой за здание ДГБ и участок, прилегающий к нему. Салман, оказывается, организовал из добровольцев отряд (более двадцати человек), большинство их них было без оружия и они, совершив обходной манёвр, подбили один танк, отбили автобус с оружием и боеприпасами. Потери ДГБ были самыми значительными с чеченской стороны. Погибли братья Исы Арсамикова — Муса и Лёма: героически, уничтожив несколько бронемашин и наёмников. Позже они будут удостоены звания «Герой нации», вместе с Салманом, который погибнет 16 января 1995 года, защищая Президентский дворец. 26 ноября 1994 года, к великому сожалению, унесёт жизни многих хороших ребят, в том числе Мажиева Адама, которого за дерзость Масхадов назвал «маленьким Лабазаном», а осенью-зимой 1995 года одним из моих пристанищ будет дом его брата Абдуллы в селении Шалажи. Погиб и Хусейн Гузуев — председатель Гостелерадио ЧРИ. Он погиб на боевом посту, прорываясь через зону боевых действий из гостиницы «Актёр» к зданию Гостелерадио. Закаев Ахмед рассказывал, что ему передали: вроде, Хусейн звонил из чужой квартиры. Оказывается, недалеко от театра его узнали бандиты и хотели расстрелять. Но вмешались женщины, отбили его и затащили в чью-то квартиру. Позвонив, он, всё же, не усидел там.

Вышел, чтобы дойти до рабочего места. И попал под снайперский обстрел. Бросившись помочь раненому человеку, был сражён и сам. Потом рассказывали, как он за день до этого говорил сотруднице радио о предчувствии смерти и просил, если с ним что-то случится, поплакать над ним и передать его семье… Я был на его похоронах в селении Герзель. Он унёс с собой боль народа и земли чеченской и оставил за собой боль в сердцах тех, кто его знал. Надо отметить, что Хусейн Гузуев, Хожа-Ахмед Яриханов, Ахмед Закаев, Казбек Махашев — это была новая волна в Кабинете Министров ЧРИ, которая обещала много хороших перемен. Что подтвердила и война.

* * *

Вечером весь мир увидел позор России — бандитский налёт её армейских частей на Грозный, их полный разгром и плен. По всему городу пылала бронетехника — танки, БМП, БТРы. Разорванные на части и полуобгоревшие трупы российских солдат и офицеров валялись вокруг них. Десятки пленных только из числа военнослужащих России. Притом из элитных частей — Кантемировской и Таманской дивизий. А всего пленных, вместе с чеченскими бандитами-наёмниками, было более ста человек. Из 67 единиц бронемашин, вошедших в Грозный, сумело выйти из него лишь несколько. Десятки были захвачены. Иностранные и российские журналисты ходили целыми днями по городу и снимали редчайшие свидетельства государственного бандитизма России. Тем не менее, у руководства России — и политического, и военного — хватило наглости заявить, что ни одного российского военнослужащего не было среди штурмующих Грозный. Но здесь на совесть поработали абсолютно все журналисты. Они продемонстрировали бессовестность российской политики. А фракции Госдумы бросились в Чеченскую Республику делать себе имидж. Они не могли упустить такой удобный случай показать себя избирателю. Одна за другой прибыли детическом вопросций «Яблоко», «Выбор России», ЛДПР, Республиканской партии и других. Бросились спасать лицо Грачёва и военные. Вот некоторые материалы из российской прессы: «Министр обороны России генерал армии Павел Грачёв категорически опроверг версию об организованном участии российской армии в боевых действиях на территории Чечении. В разговоре с журналистами он назвал её «бредом». «Я не очень интересуюсь тем, что там происходит, — сказал генерал. Вооружённые силы там не участвуют. Идёт, в принципе, междоусобная борьба, борьба за

власть.

Хотя я смотрю телевидение и слышу, там вроде пленных захватили, ещё что-то». «Я единственное знаю, — говорит Грачёв, — что с каждой стороны — и на стороне оппозиции воюет большое количество наёмников. Со стороны Дудаева даже воюют наёмники из Афганистана, большое количество, есть наёмники из прибалтийских государств, есть и из других, в том числе и русские. Почему не воевать, если хорошо платят?!». По мнению министра, если бы в Чечении «действовала армия, то, во-первых, он бы никогда не допустил, чтобы танки вошли в город. Это безграмотность дикая». «А во-вторых, если бы воевала армия, то, по крайней мере, одним парашютно-десантным полком можно было бы в течение двух часов решить всё».

(Виктор Литовкин — «ИЗВЕСТИЯ», 29.11.94 г.)

ФСК и МВД: Наших людей там нет

В Центре общественных связей ФСК РФ отвергли возможность участия в штурме Грозного российских силовых структур. Однако информация о том, что пленные экипажи боевых машин заключали контракты с органами контрразведки, сотрудников ЦОС не была ни подтверждена, ни опровергнута. «Руководство ФСК, — было заявлено корреспонденту «Известий», — распорядилось провести проверку этой информации, в частности видеоматериалов, представленных телекомпанией НТВ». МВД РФ (устами центра общественных связей) также отмежевалось от непосредственного участия в боевых действиях в Чечении. Пока что остаётся лишь предполагать, какова степень участия Москвы в попытках свержения Джохара Дудаева. Секретом полишинеля является, в частности, тот факт, что экипажи 4 боевых вертолётов вооружённых сил чеченской оппозиции составлены преимущественно из русских, бывших военнослужащих ВВС РФ. По имеющимся сведениям, зарплата пилотов-контрактов достигает 10 миллионов рублей в месяц. Трудно также подавить сомнения в том, что военно-воздушные силы лидера оппозиции Умара Автурханова базируются на аэродроме российской стратегической авиации в Моздоке. (А.ЧЕЛНОКОВ — «ИЗВЕСТИЯ», 29.11.94 г.)

Забегая вперёд, скажем, что Грачёв 31 декабря 1994 года повторил «глупость» с танковой атакой, а его хвалёные десантники сдавались в плен ничуть не хуже пехотинцев. Если говорить о наёмниках, то ни один из них не воевал на стороне

Чечении за всю русско-чеченскую войну. Даже добровольцев с Кавказа, Украины, России и Ближнего Востока, в целом, едва набралось бы пятьдесят человек, исключая ингушей. Но Грачёв есть Грачёв. У российских журналистов были свои счёты к нему и ФСК.

Российских солдат для Чечении вербовала ФСК?

Во вчерашнем номере «Известий» мы называли фамилии пленённых в Грозном российских военнослужащих и задавались вопросом, состоят ли они на действительной службе подмосковной в/ч. В танковом полку Кантемировской дивизии в Наро-Фоминске корреспонденту «Известий» явно не обрадовались. Однако, подтвердили, что младший сержант Сергей Прокопов (а не Акопов, как мы сообщили вчера по ошибке) действительно до недавнего времени служил в их полку, как и сержант Владимир Дроздов. Первый был механиком-водителем. Второй — командиром танка. Призывались оба весной 1993 года. Прокопов родом из Курска, Дроздов — из Липецкой области. В частности, они были на хорошем счету, считались классными специалистами. Осенью 1994 года, отслужив положенный срок, они должны были уйти в запас. Как оказались в Чечении? Военная прокуратура только начинает расследование. По словам сослуживцев, приказ об увольнении в запас Дроздова, Прокопова и других был подписан. Однако домой они не поехали, так как якобы заключили контракт с ФСК. Согласно этому контракту, они должны были выполнить «несложную работу» — перегнать бронетехнику из одного места в другое, обучить вождению танков и стрельбе «каких-то людей». За эту наставническую работу, по этой же версии, ФСК обещала «приличные деньги». Какие именно суммы назывались, никто точно не знает. По мнению бывших сослуживцев, что-то вроде 600–800 тысяч рублей. («ИЗВЕСТИЯ», 30.11.94 г.)

* * *

Солдафонство грачёвых дорого обошлось России и россиянам. А 28 ноября Ельцин добавил свою долю цинизма в ситуацию, чем, правда, никого не удивил. Президент державы, претендующей на мировое лидерство, не удостоил своих подданных объяснением случившегося. Он просто пошёл по колее, которую указали ему спецслужбы. Вот как отреагировала

на это газета «Известия».

Москва-Грозный: Три года невнятной политики и 48 часов на размышление

Все средства массовой информации сообщили об обращении Президента России к участникам вооружённого конфликта в Чечении, в котором он потребовал от них в течение 48 часов (начиная с 6.00 московского времени 29 ноября) прекратить огонь и сложить оружие. 29 ноября Совет безопасности вновь собрался по вопросу ситуации в Чечении для детального рассмотрения перспектив введения там чрезвычайного положения (подробности мы не можем сообщить по причине подписания номера в печать до начала заседания). По предварительным сведениям из Грозного от наших собственных источников, центр столицы Чечении утром 29 ноября подвёргся воздушной бомбардировке сил оппозиции. Однако видно было, что не потеря государственного престижа беспокоит властителей Кремля, а удовлетворение личных амбиций. Заявления ультимативного характера следуют от Ельцина и других высших должностных лиц одно за другим. А между тем, пленные офицеры, на собственной шкуре убедившиеся в пагубности дальнейших действий своего руководства, пишут следующее обращение.

ОБРАЩЕНИЕ

к народу России, Государственной Думе и Президенту России Б.Ельцину от пленных солдат и офицеров российской армии в Чеченской Республике Ичкерия

(Даём в сокращении).

Мы, солдаты и офицеры российской армии, по воле авантюрной политики некоторых высших чинов Вооружённых Сил Российской Федерации, спецслужб России и чиновников из аппарата Президента РФ, оказавшиеся в плену у сил народного ополчения Чеченской Республики Ичкерия, воочию убедились в том, что ситуация в Чеченской Республике Ичкерия в действительности не соответствует тому, как её пытаются представить российскому народу и мировому сообществу наши спецслужбы и отщепенцы чеченского народа, называющие себя «оппозицией» к Д.Дудаеву, ценой крови чеченского и русского народов стремящиеся к власти над чеченским народом, который, как мы поняли, не приемлет их и им подобных. Вместе с тем мы

свидетельствуем перед всем мировым сообществом, что мы были вовлечены в грязную военную авантюру против чеченского народа и государства, с применением российских танков, самолётов и вертолётов, и она выразилась в не провоцированном нападении на г. Грозный на рассвете 26 ноября 1994 года. Результаты этой авантюры сегодня известны всему миру — это сотни убитых и раненых, в том числе и среди мирного населения. Мы имели возможность убедиться в том, что ЗАВГАЕВЫ, ХАДЖИЕВЫ, ХАСБУЛАТОВЫ и им подобные не имеют ни поддержки, ни перспективы в Чеченской Республике Ичкерия и несут горе и страдания не только чеченскому народу. Мы убеждены, что новые силовые методы в отношениях России и Чеченской Республики приведут только к усугублению раскола между нашими народами и неоправданным жертвам с обеих сторон, возможно, и к крупномасштабной войне на всём Кавказе, что приведёт к потере Россией этого региона, возможно, к окончательному развалу России. Мы считаем необходимым обратиться к русскому народу, в Государственную Думу, к Вам, Борис Николаевич, и ко всем здравомыслящим политикам России с просьбой радикально изменить политику в отношении Чеченской Республики Ичкерия, отказаться от поддержки так называемого «Временного Совета», как не имеющего никакой политической перспективы и поддержки в чеченском народе, в чём мы убедились за короткое время пребывания в лагере вооружённых групп, противостоящих официальному руководству Чеченской Республики Ичкерия и Джохару Дудаеву. Настоящее передано также представителям международных средств массовой информации и делегациям от народов Кавказа, находящимся в ЧРИ, а также для распространения по международным каналам. В любом случае, мы требуем, чтобы наше заявление было принято во внимание при любых дальнейших шагах в отношении Чеченской Республики. Было бы разумным направить сюда компетентную комиссию от России и ООН, чтобы направить действия руководства РФ в русло международного права.

С ИМЕНЕМ БОГА НА УСТАХ:

1. ст. лейтенант Морсов Александр Владимирович
2. лейтенант Морсин Андрей Анатольевич
3. рядовой Сенцов Николай Александрович
4. рядовой Данилов Александр Юрьевич
5. ст. лейтенант Оастопка Алексей Викторович
6. капитан Крюков Андрей Васильевич
7. ст. лейтенант Назаревич Кирилл Владимирович
8. рядовой Ломакин Эдуард Петрович

9. капитан Шихалев Александр Николаевич
10. ст. лейтенант Жуков Евгений Евгеньевич
11. рядовой Прополов Сергей Александрович
12. рядовой Дроздов Владимир Викторович
13. лейтенант Вольфович Дмитрий Григорьевич
14. майор Иванов Валерий Александрович

* * *

На площади Свободы также принимают обращение, резолюции — и к мировому сообществу, и к гражданам России, и к народам ЧРИ и Кавказа. Максимум усилий прилагает для предотвращения широкомасштабной войны и Дудаев. Он освобождает российских военнопленных и предлагает руководству России сесть за стол переговоров. Однако Ельцин своим указом от 30 ноября 1994 года практически предрешает характер дальнейшего развития событий. Сомнений в этом не остаётся после принятия 1 и 9 декабря 1994 года правительством РФ постановления и распоряжения во исполнение указа Президента РФ. Тем более, после очередных актов Б.Ельцина от 1 и 9 декабря и заседания Совета Безопасности РФ от 7 декабря 1994 года. Тем не менее, Д.Дудаев направляет правительственную делегацию во Владикавказ для переговоров 12 декабря 1994 года и сам добивается встречи с П.Грачёвым в станице Орджоникидзевской, на которой убеждает министра обороны РФ, что для решения противоречий между РФ и ЧРИ нет необходимости начинать войну.

Но из Москвы следует очередной ультиматум, предлагающий Д.Дудаеву беспрекословно исполнять требования незаконного указа Ельцина, то есть отправиться в Моздок и подписать акт капитуляции. Для придания веса своим заявлениям Москва день и ночь бомбит Грозный и обстреливает населённые пункты, прилегающие к маршруту следования войсковых колонн. Ввод войск начинается с трёх сторон. Если в Надтеречном районе так называемая «оппозиция» имитирует им встречу с хлебом и солью, а в ответ жители получают десяток человек, расстрелянных прямо с бронемашин и сожжённые автомашины, то в Ингушетии и в Хасав-Юртовском районе ингуши и чеченцы живой стеной останавливают бронированные колонны. В Ингушетии тоже есть убитые: десятки, в том числе и министр здравоохранения Ингушетии, но там есть и подожжённая бронетехника врага. В Хасав-Юртовском районе Дагестана захвачены БТРы и взято в плен 47 солдат и офицеров. Всё это в первые дни вторжения

российских войск. На два дня увязнут российские войска в Ингушетии у самой чеченской границы. А в Хасав-Юрте — до января. Боевые отряды ингушей будут сопровождать их боями на всём пути до Грозного и затем вольются в ряды защитников Грозного. Так же чеченцы Ауха и Хасав-Юрта. Неоценимую помощь окажут обе стороны продовольствием, медикаментами, оружием и боеприпасами. Весь вайнахский этнос станет единым организмом в защите Чеченской Республики Ичкерия от новой российской агрессии. Ни постоянные авианалёты, ни артиллерийские обстрелы не остановят людей, идущих на помощь. Уже в начале декабря наши с Джохаром кабинеты переносятся в подвал Президентского дворца, а Кабинет Министров начал дислоцироваться в штабе гражданской обороны под зданием мэрии Грозного. Но ряды министров тают день ото дня. Некоторые затаились глубоко в тылу. Другие пытаются сохранить лицо и делают вид, что готовы стоять до конца, хотя проявляют абсолютную пассивность.

Лишь небольшая их группа по-настоящему работает, осознавая себя действительными членами Кабинета Министров Чеченского государства, находящегося в состоянии войны с Россией. 26 декабря, под предлогом обиды по поводу ареста автобусов из Ингушетии, которые, якобы вывозили беженцев, а на самом деле служили прикрытием подрывной деятельности ФСК РФ в Грозном, подаёт в «отставку» вице-премьер Х.Ферзаули, тихо «слинял» М.Мугадаев. Вскоре за границей «всплывут» начальник Департамента связи С.-Э.Ибрагимов, «босс» воздушного транспорта Р.Алиев и другие министры. Бесследно испарится министр сельского хозяйства С.Магомадов. Незаметно, как и существовали при властных структурах ЧРИ, исчезнут многие должностные лица первого и второго эшелона власти. Но были и приятные для меня лично, по крайней мере, открытия. Так, самым «стойким» в высшем эшелоне министерского корпуса оказался Т.Амалиев, который подаст в отставку в марте. До конца остаются «на позициях» министры Х.-А.Яриханов, К.Махашев, А.Закаев, Х.Хазуев, Ю.Гелагаев, Р.Джабраилова и некоторые другие, часть из которых занимала, правда, больше позицию наблюдателя, чем участника русско-чеченской войны. Накануне Джохар командирует министра иностранных дел ЧРИ Ш.Юсефа и министра высшего образования Х.-А.Яриханова за границу для организации внешнеполитической деятельности. Остальные министры и руководители ведомств (из оставшихся в наших рядах) занимаются обеспечением вооружения и боеприпасов, тыла и решением прочих вопросов в соответствии с военным временем. Ахмед Закаев становится боевым командиром, а затем

и одним из военачальников. Но оружия и боеприпасов не хватает катастрофически. С каждым днём эта проблема сказывается всё больше и больше. Хотя российские СМИ и политики утверждали, что у Дудаева были горы самого современного оружия.

Главной причиной порождения этой пропагандистской лжи были беспредельное мужество, героизм, самоотверженность чеченских бойцов, ополченцев, которые своими личными качествами восполняли дефицит оружия и боеприпасов. Правда была за нами — значит, и сам Всевышний! Между тем, российские войска всё ближе и ближе подступают к Грозному. Всё идёт к новогоднему генеральному штурму Грозного с благословения даже некоторых «святых отцов», повторивших бесславие грачёвых, что стоило России тысяч новых солдатских жизней на рождество Христово.

Продолжаются и усилия миротворческого характера. В начале декабря в Москву снаряжается делегация чеченских матерей во главе с Хеди Берсанукаевой, Зоей Шовхаловой, Разетой Эсембаевой и другими, которые проделали значительную работу. Активно действуют и наши соратники по Кавказу: в Дагестане — Адалло Алиев, Фатхулла, которого спецслужбы скоро упрячут за решётку, и их товарищи; в Кабардино-Балкарии — Валера Хатажуков и другие черкесские лидеры ОПД; балкарцы, карачаевцы; особенно ингуши. В подвале Президентского дворца обосновалась миссия С.Ковалёва, солдатских матерей России и других миротворческих представителей. Прибывают делегации от зарубежных чеченских диаспор. А журналисты проявляют чудеса храбрости и верности лучшим принципам, хотя не обходится и без того, чтобы какой-нибудь «эфэскашник» не обрядился под журналиста. И такое случалось. С середины декабря в Москве находится официальная делегация ЧРИ. Первый заместитель министра иностранных дел ЧРИ Руслан Чимаев, депутаты ПЧРИ Юси Хантиев, Глеб Бунин, представитель Президента ЧРИ в Москве Хамад Курбанов безуспешно стучатся в двери Государственной Думы РФ, Совета Федерации и президентских структур РФ. Но тщетно. Не находят они действенной помощи и у общественности имперской столицы. Самое лучшее, что могут выразить граждане России, — это сочувствие. Большинство же, видно, не против, чтобы Ельцин наказал «чеченов», хотя некоторые общественные и политические деятели пытаются помочь. Особенно В.Новодворская, Шабад и другие. Не добившись взаимопонимания в имперских верхах, наша делегация предпринимает попытки привлечь внимание мировой общественности к истинной причине конфликта между ЧРИ и РФ и добивается довольно резких оценок действий Москвы со

стороны Германии, Японии и других государств. Но у России находится и на их «роток платок». Большего добиться было уже невозможно. Полномасштабная война началась. Мировую и российскую общественность ожидали не совсем лицеприятное зрелище и позорное раскаяние их лидеров. А чеченцы вступили в решающий бой за национальное возрождение. В первых числах января Президент переходит на запасной командный пункт. Я остался в Главном штабе, с Асланом Масхадовым. Кстати, об этом я договорился с Джохаром ещё в начале декабря, когда угроза полномасштабной войны стала реальной. Я знал, что защита Президентского дворца будет иметь ключевое значение для всей войны и его необходимо будет защищать до последнего, чтобы и умереть там, если придётся. И был готов к этому, как и каждый из его обитателей. Со мной оставалась и часть моей личной охраны — братья Салман и Сулейман, Баталов Рамди, Хаджимусаев Казбек, Эльмурзаев Салман, племянники Эми, Шамсудди. Алаш из Цацан-Юрта и Шамхан пришли в группу в начале января. В начале января я отправил из подвала своего помощника Султана Такалашева для осуществления связи с «внешним миром». Примерно тогда только оставил здание и Мовлен Саламов, помощник Президента. Гайрбек Идрисов занимался содействием телерадиовещанию, помогал Бетельгериеву Салману, Радуеву Хасину и другим. Кстати, Гостелерадио ЧРИ оставалось в строю, как говорится, «до последнего своего дыхания», но стараниями нескольких человек. Прежде всего: Юнади и Саид-Магомеда Гелагаевых, Рамзана Ахмарова, Асет и Хеди Арсармизаевых, Сациты Магомадовой и других. Накануне новогоднего штурма происходят ещё два события, на которых, думаю, необходимо акцентировать внимание читателя. Примерно 26 декабря звонит Султан Гелисханов и докладывает, что днём раньше он встречался со Степашиным — недалеко от Махачкалы. Объяснил, что с Президентом не смог согласовать, так как старики, посредничающие во встрече, до границы с Дагестаном не сказали ему, с кем они просят его встретиться. Что он их за это отчитал, объяснив, что начальник ДГБ не может позволять себе такие контакты без согласования с Президентом. Но встреча была уже назначена, и, чтобы не обидеть стариков, он решил встретиться со Степашиным с последующим докладом по инстанции. Я сообщил Джохару, и Гелисханов изложил ему суть переговоров с шефом российских спецслужб. Одним из условий продолжения контактов, сообщил Султан, было, с его стороны, прекращение авианалётов. И заметил, что сегодня, мол, они ещё не бомбили. Джохар одобрил контакт и поручил ему составить делегацию, чтобы затем, оформив приказом, сделать её официальной для

продолжения переговоров на законной основе, избегая неофициальных связей с ФСК. Гелисханов ушёл, а через некоторое время и закончился степашинский «мораторий» на авианалёты. Российская авиация продолжала наносить «точечные» удары по жилым кварталам города. Я не в курсе, было ли продолжение этих контактов, хотя склонен считать, что было. Но через день, когда Гелисханов позвонил снова и сообщил о включении в состав его делегации Шамиля Басаева и Руслана Гелаева, я объяснил ему, что его делегация по переговорам с ФСК должна состоять из представителей ДГБ, а Шамиль и Руслан находятся в структуре Вооружённых сил ЧРИ и не могут участвовать в данном мероприятии. На этом разговор на данную тему был завершён и более со мной не возобновлялся. Дальнейшие действия С.Гелисханова, тем более, после 5 января 1995 года, у меня не вызывали особого доверия. Он мог имитировать какую угодно деятельность, лишь бы не заниматься функциями ДГБ, в соответствии с военным временем: в нашем тылу, в прифронтовой полосе, на линии фронта и в тылу врага. И это сильно сказывалось на ситуации на протяжении всего периода противостояния и, особенно, в ходе войны. Второе событие связано с моим визитом в Махачкалу 29 декабря 1994 года. Помогали в этом хасав-юртовские чеченцы, которые, как я увидел, организовали очень хорошую систему информирования мирового сообщества о происходящих событиях. У них был создан корреспондентский пункт, информцентр, где постоянно находились информагентства, особенно тележурналисты, которые доставлялись в Грозный и другие места боевых действий, а их журналистские материалы (копии) оставались в информцентре. Руководили работой Басир Дадаев, Магомед Джабраилов и их товарищи. Оставив мои машины и личную охрану в Герзеле, хасав-юртовские ребята на «жигулях», в объезд некоторых постов, перебросили меня в Хасав-Юрт. Кстати, там был и Дэги Багаев. А на следующее утро мы выехали в Махачкалу. Прибыли к полудню. Через хасав-юртовского депутата Госсовета Дагестана согласовали вопрос встречи с Магомед-Али Магомедовым, председателем Госсовета. Встреча состоялась через полчаса. В ней участвовали с дагестанской стороны, кроме Магомедова, председатель Верховного Совета Муху Алиев и председатель Совета Министров Мурзабеков. Обменявшись традиционным приветствием, я изложил цель визита. Указав на историческую, национальную, традиционную и геополитическую взаимосвязанность наших народов и республик, я выразил крайнюю озабоченность руководства ЧРИ присутствием на территории Дагестана российских войск, сконцентрированных

для вторжения в Чечению, что может очень сильно повлиять на дальнейшие взаимоотношения. Магомедов заметил, что войска, всё же, ещё не вторглись в ЧРИ. Я дал ему понять, что это заслуга не руководства Дагестана, а дагестанского народа. Обсудили и проблему освещения СМИ Дагестана событий в Чечении, и проблему режима границ между ЧРИ и РД, Дагестаном и Азербайджаном, которую мы требуем открыть для осуществления связи с внешним миром. Руководители Дагестана заявили, что эти проблемы зависят не от них, а от Москвы, и Дагестан является неотъемлемой частью России.

Единственное, чем они могли бы помочь, сказали они, так это в подписании ЧРИ федеративного договора с РФ. Как я понял, они очень боялись друг друга: не дай Бог что-то не так сказать. Потому они пытались в разговоре со мной выдержать верноподданнический России тон. В разгоревшейся дискуссии они потребовали, чтобы мы выдали российских военнослужащих, захваченных в Дагестане. Но я сослался на их же утверждение, что Дагестан есть территория России, и ответил, что они захвачены на территории противника: мы будем воевать на всей территории России, будь это Дагестан, Осетия или ещё какой-то регион. Это, естественно, им не понравилось. (Но чеченцы подтвердили этот тезис в ходе войны.) В заключение я заявил: если руководство Дагестана и в дальнейшем будет так слепо следовать в фарватере политики России в отношении Чечении, то вся ответственность за последствия во взаимоотношениях ложится на них. Но они готовы были, как я понял, принять любые условия, лишь бы не немилость Кремля. М.-А.Магомедов, между прочим, заявил, что он знает о моей политической деятельности, о моей борьбе за освобождение Кавказа и прочее, и просил оставить в покое Дагестан, ибо он свой выбор сделал окончательно. Но я не мог с этим согласиться: Дагестан свой выбор ещё не сделал и путь к нему будет нелёгким. На обратном пути в Хасав-Юрте я выступил на митинге, ответил на вопросы журналистов. В тот же день я приехал в Грозный. Сразу же после моего отъезда, как сообщили приехавшие позже С.-А.Адизов и М.-Х.Алсабеков, на дагестанских дорогах началась проверка автотранспорта: спрашивали, есть ли среди них Яндарбиев. Они, оказывается, ответили, что Яндарбиев в Махачкале встречается с руководством Дагестана. Патрули не поверили, потому что, как они сказали, приказ получили из Махачкалы. Ясно было, что ждать помощи от «владетелей» Дагестана, как и других республик Северного Кавказа, не приходилось. Но народ дагестанский был с нами. С нами были и другие кавказские народы, и не только кавказские. Все народы мира, в том числе и русский. Но они, к

сожалению, ничего не решают. И вряд ли, будут решать в ближайшем будущем.

* * *

Первые дни Нового года показали талант и мужество Масхадова, а также того небольшого костяка Главного штаба ВС ЧРИ, командиров и бойцов наших подразделений и ополчения. Из окружения Масхадова периода обороны Президентского дворца я знал лишь нескольких человек: Валида, Мумади, Хусейна, Ису и других, делавших ратное дело день и ночь, как какую-то обыденную работу. Создавалось впечатление, что все соревнуются в героизме. Шамиль Басаев, Руслан Гелаев, Умалт Дашаев, другие боевые командиры продолжают демонстрировать миру, что победа чеченских ВС 26 ноября 1994 года в Грозном не была эпизодом, а явилась началом новой эпохи боевой славы чеченского оружия. Блестяще показывают себя и командиры Саид-Магомед Чупалаев, Хусейн Исабаев, Апти Такаев, Салавди Белоев, Магомед Дадаев и многие другие. Шалинский танковый полк, Галанчожский полк, спецназ Президентской гвардии, Исламский батальон — абсолютно все подразделения, в том числе ополчения. Я не говорю об ударной силе ВС ЧРИ — диверсионно-разведывательном батальоне Шамиля Басаева и полке спецназа Руслана Гелаева, батальоне Умалта Дашаева, бойцы которых давно слыли профессионалами. У всех на устах был подвиг бойцов Галанчожского полка, попавших в засаду и погибших до последнего, отвергнув любые условия плена. Стойко стоял ДГБ, непосредственной обороной которого руководил Абубакар Хасуев. Все командиры подразделений Гелаева и Басаева, особенно ветераны Абхазии, подтвердили свою боевую славу. А Шамиль Басаев предстал во всей мощи полководческого таланта, беспредельного мужества и неутомимой энергии. Он делал всё: и талантливо руководил своим батальоном, участвуя непосредственно в боях, и помогал Главному штабу, и организовывал непрерывный поток оружия и боеприпасов. Буквально днём и ночью был на ногах. Но самое для меня главное это то, что совершенно изменились наши взаимоотношения, которые окончательно были испорчены в декабре 1993 года. Изменились у меня отношения и с другими командирами, ранее, как я понял, немного косо смотревшими на меня, в силу чрезмерной открытости и прямоты моего характера. Тем сильнее были чувства утраты, когда один за другим начали выходить из строя эти простые чеченские парни — великие воины

независимости. Ещё до новогоднего штурма погибает Умалт Дашаев — скромный человек, чуткий товарищ, одарённейший командир, прошедший вместе с Шамилём абхазскую войну. Это был один из самых боеспособных людей в Чеченской армии. Тяжело ранен Салавди Белоев — командир Шатойского полка, о котором тоже ходили легенды. В первые же дни ранен Руслан Гелаев, после чего полк спецназа чуть было не распался полностью. Лишь некоторые из командиров его подразделений, в том числе и Батя, смогли сохранить боеспособность своих подопечных. Погибает легендарный «Ламбада» — Эли, любимец Шамиля и его начальник штаба. В ночной вылазке в Солёной Балке погибает и Масуд — добрейшей души человек, один из лучших парней в президентской охране. С ним же был ранен и Овлур — старший сын Джохара.

Погибают в боях ещё несколько племянников Джохара. Сообщение о потерях среди соратников по борьбе приходят самые разноречивые. Некоторые из них оказываются правдивыми, другие опровергаются временем. Погибают юьртда села Гехи Али Зелимханов, Хасан Мунаев… Но ряды защитников Отечества не редеют. В них вливаются всё новые силы. Не только мужчины, но и женщины берут в руки оружие. А пацаны 13–15 лет совершают фантастические поступки.

Окончательно становится ясно, что чеченцы не отступят от независимости. Но скоро ли поймут это Россия и мировое сообщество?.. Нужно отметить и самоотверженный, действительно ратный подвиг коллектива военного госпиталя, во главе с Умаром Хамбиевым и врачей, присоединившихся к нему.

Они делали невероятные и невообразимые вещи, выполняя не только свой врачебный долг, но и долг перед своим народом и Родиной. Военный госпиталь вначале перемещается в подвальное помещение Президентского дворца, где размещался медсанбат.

Затем, по предложению полковника медицинской службы Л.Акаева, я своим распоряжением передислоцировал военный госпиталь в здание старо-атагинской больницы, где его часть оставалась до марта. С самой положительной стороны показали себя и сельские медработники. Костяк атагинского филиала военного госпиталя составили хирурги А.Бакаев, Л.-А.Казбеков, А.Дукузов, М.Идигов и другие, а медсёстрами, помимо профессиональных медработников, трудились многие девушки. Всё село жило заботой о госпитале. Такая же картина, такая же забота наблюдалась везде, в любом населённом пункте, где обосновывался военный медпункт, медсанбат или госпиталь: Цацан-Юрте, Гойты, Ведено, Шатое, Саясане, Беное и других сёлах плоскостной и горной Чечении, в том числе и в Урус-

Мартане. Но особую, выдающуюся роль в организации военно-медицинской службы сыграл хирург Умар Ханбиев, благодаря мужеству и таланту которого были спасены сотни и тысячи человеческих жизней. Именно Умар Ханбиев организовывает и руководит военными госпиталями в Цацан-Юрте, Саясане, Беное, Зандаке… Затем он руководит и всей системой здравоохранения ЧРИ.

Следует отметить и роль женщин — сотрудниц Главного военного штаба, персонала медсанбата и хирургического пункта военного госпиталя при нём, до последней минуты защиты Президентского дворца находившихся в его подвале и самоотверженно исполнявших свой гражданский и воинский долг. Они выполняли любую работу: обеспечивали хозяйственную жизнь «бункера», делали операции, обрабатывали раны, ухаживали за ранеными и никогда не показывали усталость — Акбулатова Айзан, Рашидова Хеди, Калаева Тамара, Хадзиева Руман и её дочь Фатима, Сальгириева Яха, Магомадова Сацита, Мажидова Тумиша, Альмерзоева Мильхан, Албакова Зоя, Яхъяева Таус и другие. Некоторые из них прошли всю войну: через разные участки фронта, медсанбаты, бои. К ним можно было бы добавить ещё сотни имён женщин и девушек Чечении, наравне с мужчинами вынесших войну на своих плечах. Была там ещё одна женщина. Она сидела в коридоре подвала и при необходимости помогала, чем могла, обитателям «бункера». Самое важное, что она делала, — это было её присутствие в подвале, её спокойствие и уверенность. Несмотря на ежеминутное ожесточение боевых налётов авиации и артобстрела Президентского дворца, Баба-хаджи ни на секунду не роняла своего величия. Бесстрашно действовали и другие женщины, днём и ночью, по несколько раз в сутки, пересекавшие линию огня многочисленных участков фронта. Я не говорю уже о десятках девушек, воевавших с оружием в руках. Одна из них — Асет из Янди даже участвовала в ликвидации группы российского десанта в здании строящегося «Интуриста»: под руководством Исы, заместителя Масхадова по тылу, посланного на укрепление участка и ставшего с этого момента боевым командиром, совместно с группой Авади Башаева. Функции защиты Президентского дворца формально лежали на Президентской гвардии, а защищали его вместе с гвардией все, кто находился во Дворце. Постоянными же защитниками были гвардейцы Президента, моя личная охрана и отбившиеся от своих групп бойцы-одиночки. И просто гражданские лица, которые пришли защищать Президентский дворец. Среди них был и ветеран журналистики и ВДП Султан Нураев. Я ему сперва дал гранаты «Ф-1», а потом мы выдали ему

и автомат, отнятый у струсившего парня. (Это был единственный случай малодушия среди защитников Президентского дворца. Правда, надо заметить, что и этот парень остался в строю, и позже я его встретил в одной из боевых групп Шатоя. Хотя я его ещё раз отчитал за тогдашний момент, в душе был рад, что он остался в строю.)

* * *

Большую работу делали и те, кто по несколько раз в день доставлял во Дворец продукты питания, готовую пищу, хлеб, одежду, медикаменты. Но с каждым днём становилось труднее пробиться. Все мосты и подходы к Дворцу находились под непрерывным огнём русских. Тем не менее, машины проскакивали. Хотя и не все уходили обратно: непрерывный миномётно-артиллерийский обстрел здания и всей прилегающей зоны уничтожал буквально всё, что более или менее задерживалось возле Дворца. Поэтому защитники пытались за считанные минуты разгрузить транспорт. В большинстве случаев пробивались в сумерках и ночью. Раненых и убитых тоже вывозили по ночам: и здесь, в основном, спасал вездесущий Басаев. Чтобы показать хотя бы примерную ситуацию, приведу пример. К числу десятому Амирхан и Вахита — мои племянники, занимавшиеся доставкой продуктов, хлеба, воды, в очередной раз, но уже еле-еле, на «ЗИЛе» проскочили через мост. Но на мосту через Сунжу у машины пробило радиатор, лобовое и боковое стёкла и переднюю шину. Вырулив на тыловую стоянку Президентского дворца, они успели заскочить в здание, а машина, вместе с ещё одной, также подрулившей туда, вспыхнула огнём.

Ничего снять с неё было невозможно. Такое случалось часто, с каждым новым днём. Постоянную связь поддерживали ингушские группы. Пробились Хамад Курбанов и Тамерлан Кунта — сын Абдурахмана Авторханова с каким-то журналистом; Сайд-Хасан Абумуслимов и Матэ Цихесашвили с украинской делегацией: Михаилом Ратушным и Марией Базелюк. Если кто-то сочтёт это незначительными фактами, могу уверить, что для этого нужно было проявить неординарное мужество. Вообще, надо сказать, много людей посещало Дворец Президента ЧРИ, осаждённый российскими войсками, кольцо вокруг которого постепенно сужалось. Как выяснилось, российские агрессоры, бессильные выбить чеченцев с позиций в бою, применили диверсионные методы. Так, к позициям пробирался лазутчик и

«передавал устный приказ Масхадова» — оставить занятые рубежи и отступить. Такие диверсии стали причиной оставления многих позиций. Возможным такое стало в силу отсутствия надёжных средств связи с подразделениями и отсутствия работы чеченской контрразведки. Много времени приходилось уделять политической стороне ситуации: беседы, интервью. И материалы у моих оппонентов, должно быть, сохранились. Я помню общий пафос и смысл встреч и разговоров, в которых меня ни на секунду не посещало сомнение в нашей конечной победе. Всё происходящее я оценивал как решающий этап борьбы чеченского народа за независимость, даже как факт признания Россией независимости ЧРИ. И честные люди соглашались, что это так. Это, действительно, была главная война чеченского народа. В этой войне чеченский народ возрождался, как бы ему трудно не приходилось, освобождался от заблуждений, иждивенческих настроений, от комплексов неполноценности, обретал своё исконное лицо, а Россия деградировала… Надо отметить и самоотверженную, героическую работу чеченских журналистов.

Особенно тележурналистов государственной и частной телекомпаний. Например, Рамзана Ахмарова, до «последнего дыхания ТВ» не покидавшего телеэкран Чечении в декабрьские дни 1994 года, а в 1995 году продолжившего выполнение своего долга на шалинском частном телевидении; Билала Ахмадова, погибшего в первые дни января 1995 года с оружием в руках, вместе с легендарным «Ламбадой»; Салмана Бетельгериева, сотрудника МИД ЧРИ, заменившего Билала на боевом посту тележурналиста после его гибели и ставшего основным информационным мостом между руководством ЧРИ, фронтом и народом, который стал для чеченцев своеобразным символом голоса независимости, «чеченским Левитаном»; Хазман Умарову, бесстрашную дочь Чечении, которая с кинокамерой в руках прошла самые опасные участки войны, стала главной опорой Салману в обеспечении Чеченского государственного телевещания вместе со своей подругой Тамарой Калаевой. Множество других людей в силу необходимости стали тележурналистами и операторами. Например, Шарпудин Исмаилов и Руслан Тахаев владели частными телекомпаниями в Шали и Урус-Мартане. И у них было много добровольных помощников. Надо отдать должное и Мовлади Удугову, который, несмотря на очень ограниченные технические возможности, довольно часто переигрывал империю Кремля в информационно-идеологическом плане, что многократно признавалось и самими русскими; поэтам А.-Х.Хатуеву и Лёме Чабаеву, связистам Абдулле Арсанукаеву и его товарищам, сумевшим организовать

радиовещание. И многим другим патриотам ЧРИ.

Моя охрана занимала позицию на пятом этаже Президентского дворца. Оттуда можно было контролировать всё пространство вокруг здания, а также вести бои против русских снайперов, забиравшихся в высотные дома рядом с кафе «Татабанья» и Центральным рынком. Легче всего было вести огонь по группам противника, пытающимся приблизиться к Дворцу и прорвавшейся бронетехнике. Кроме того, мои ребята достаточно эффективно контролировали и часть пространства между городской мэрией и Сунжей, Парламентом и гостиницей «Кавказ», большой мост и площадь Свободы. Пулемёт-«красавчик» Салмана Эльмурзаева прекрасно справлялся с поставленной задачей, что явствовало из впечатлений ребят, спускавшихся в подвал на отдых при смене их другими группами. В Президентский дворец наведывались различные группы ополченцев: получить задание в Главном штабе, пополнить боеприпасы, передохнуть. Ежедневно приходили группы подкрепления из сёл. Некоторые, видно было, бывали приятно удивлены, встречая в штабе Вице-Президента. Были и те, кто получал заряд бодрости от этого. Но находились и такие, которые сами начинали меня подбадривать. Что было приятно вдвойне. Наведывался в «бункер» со своими ребятами и Хожа, воевавший на подступах к городу. А числа десятого января Масхадов поставил перед ним задачу очистить от русских дома в квартале, прилегающем к зданию Госархива, во взаимодействии с ещё одной группой, кажется, из Шалинского танкового полка. Затем было другое задание. Так прошло два дня. Ночью с 12 на 13 января наши бойцы, удерживающие здание Парламента и гостиницу, начали просить подкрепление. Но резервов у Аслана не было. Тем более, что пространство между двумя зданиями беспрерывно простреливалось русскими из всех видов оружия. Не всякий решался его преодолеть. Были убитые и раненые при попытке перейти это место, можно сказать, «зону смерти». Но Хожа-Ахмед вызвался по собственной инициативе пойти со своей группой на помощь защитникам Парламента. Добрались с большим трудом, к тому же, с потерями: один боец был убит.

В бой вступили сходу: нужно было очищать здание от проникших туда российских групп. Здесь, в пылу схватки, Хож-Ахмед получил ранение в ногу. Необходимо особо отметить и действия подразделений Исламского батальона «Джамаат» под командованием боевых командиров Ислама Халимова, Исы Чантамирова и других, совершавших чудеса героизма. Видно было, что им действительно покровительствует Аллах. Кроме того, это было одно из самых дисциплинированных

подразделений ЧРИ. Очень хорошо была поставлена в «Джамаате» и координационная, и идеологическая работа, которой руководили Фатхи и Иса Умаров. Впрочем, героев, достойных особых слов, было много в каждом отряде ополченцев, подразделении ВС ЧРИ. И о них будет непременно рассказано. Дай Бог! Бои идут не только в Грозном. Ожесточённые схватки под Аргуном также отвлекают на себя значительные силы. Основная нагрузка ложится на отряды ополченцев, спешно формируемые и сходу направляемые на линию фронта. Тем не менее, эти отряды наводят ужас на элитные подразделения российских войск, и русские, так и не придумав ничего умного для оправдания своих неудач, начинают трубить о высоком профессионализме и лучшей вооружённости чеченских бойцов, сочиняя идеологические небылицы о наёмниках в наших рядах. А секрет чеченцев был очень прост: они знали, за что они дерутся и умирают, а русские, которых посылали на смерть за имперские и политические амбиции тяжело «больные» вожди, не могли этого знать. Вчерашний мирный чеченец оказывался «профессиональнее» российского военспеца. Каким профессионалом может быть, например, боевой командир Ваха Арсанов — вчерашний депутат Парламента ЧРИ или Нурди из Закан-Юрта — вчерашний следователь? Исрапилов Хункар-Паша, оба Джалавди, Апти из Наура, Тауз Асхабов, Докка, Абубакар, Кюра, Билан, Ханбиев Магомед и многие другие, совсем невоенные чеченские парни, командиры чеченских подразделений, били русских на зависть любым профи.

* * *

Первые потери в моей группе тоже принёс этот день. Как только стемнело, Рамди Баталов, Казбек Хаджимусаев и Салман Эльмурзаев втайне от меня организовали, вернее, пошли на вылазку. В этот день под окнами Парламента с южной стороны был подбит российский БТР. Пробравшись по руслу Сунжи к мосту, а оттуда и к подбитому БТРу, они забрали из него боеприпасы. Когда они собирались возвращаться, то увидели, что в подвальном помещении находятся русские. Забросав их гранатами, они сообщили по рации, чтобы прислали им ещё гранаты. Не дождавшись гонца, пришёл даже сам Рамди и ушёл обратно, прихватив с собой связки гранат с тротилом. Они начали кидать в подвал гранаты, предлагая русским сдаться. Те, устроив переговоры, усыпили бдительность и открыли огонь. Рамди был убит наповал. В ту же ночь его тело отправили в Старые Атаги.

Тем же «обозом» вывезли и раненых из Парламентского здания, в том числе и Хожа-Ахмеда. Ситуация осложнилась до предела. Русские подошли к Президентскому дворцу почти вплотную. Засели чуть ли не во всех зданиях по проспекту имама Шамиля и, значит, между нами оставалось местами всего двадцать-тридцать метров. В день по несколько раз ребятам приходилось заниматься уничтожением то здесь, то там прорвавшихся единиц российской бронетехники. Приходилось делать вылазки против танков и БМП, которые, маневрируя в проходах между зданиями, особенно между «Татабанья» и Чеченским госархивом, в упор расстреливали Президентский дворец. В вылазках также участвовала и моя охрана во главе с Салманом, который уже считался классным гранатомётчиком и был, фактически, не только начальником моей охраны, а командиром боевой группы, которому А.Масхадов сильно доверял. Так, за период вылазок ими были уничтожены танк, БТРы. Свой счёт на убитых вела вся моя охрана.

* * *

И 16 января русские несколько раз предпринимали попытки атаковать Дворец. Фактически, им нужно было сделать один бросок — преодолеть ширину проспекта имени имама Шамиля. Но любая такая попытка пресекалась плотным огнём защитников. Ближе к вечеру Салман спустился со своей позиции и сказал, что русские, кажется, уходят: они сделали дымовую завесу. Я оценил ситуацию наоборот: они, возможно, подтягивают новые силы — значит, надо быть начеку. Салман быстро поднялся на позицию. А ещё через полчаса здание содрогнулось от нескольких мощных взрывов.

Стало ясно: что-то случилось. Прибежали Шамсуддин, Казбек и ещё кто-то. Они сказали, что Салмана, Эми и других завалило стеной. Схватили противогазы и побежали откапывать. Оба Салмана (и брат, и почти пацан Эльмурзаев из Старых Атагов) были убиты. Эми оказался только раненым, а у Алаша оторвало руку. Жертвы были и ещё. Отправить их удалось только на второй день. В тот день в мою охрану пришёл Сулейман Самбиев, а на следующий день пожелал остаться со мной ещё один староатагинец Джамбулат Нажаев — тоже пацан, который к вечеру был ранен: оторвало руку и ногу. Мне сказали, что, находясь в полном сознании, он не проронил ни слова.

Смертельно раненым оказался и Султан Нураев. А бомбы уже пробили в нескольких местах подвал. И госпитальную часть. С

тыла подходы были отсечены. Шамиль потерял всю дееспособную технику.

Кстати, раненый несколькими днями раньше, тем не менее, он оставался в боевом строю. Мы с Асланом обговорили ситуацию. Решали один вопрос: остаться и умереть, что было равнозначно гибели Главного штаба, или оставить Президентский дворец и на той стороне Сунжи развернуть новый штаб. Связавшись по рации, Шамиль тоже требовал, чтобы мы оставили здание Дворца, укалывая нас тем, что наша «героическая смерть» никому не нужна. Как потом он признался, его бесило, что он был не с нами. К вечеру 18 января решили оставить Президентский дворец. Русские к тому времени вплотную подошли к «Кавказу» и Парламенту. Их защитники должны были оставить позиции первыми. К шести часам, когда мы с Асланом готовы были изменить решение и ещё дня на два оттянуть переход, выяснилось, что все другие вокруг позиции оставлены. Дали команду готовиться к переходу. Уходили в десять вечера. Первыми отправили медсанбат, пленных. Главный штаб и моя группа вышли с интервалом в пять минут, через полчаса Президентская гвардия. Не думаю, что есть необходимость продолжить чисто военный аспект повествования. Замечу только, что после оставления Президентского дворца Главный штаб двое суток базировался в подвальном помещении здания универсама рядом с кинотеатром «Юность», затем переместился, соответственно, в подвалы 2-ой горбольницы и бывшего 2-го роддома Октябрьского района. Подвалы этих больниц оказались плотно забитыми всевозможным медицинским дефицитом: медикаментами, перевязочными и даже шовными (импортными) материалами, бельём, хозинвентарём, медицинской аппаратурой, которые, нет сомнений, были припрятаны администрациями этих больниц с самыми преступными целями. Вот куда уходили, отчасти, наши усилия по оснащению всем необходимым системы здравоохранения ЧРИ. В начале февраля, по указанию Джохара, я занялся выполнением своих прямых функций. Насколько это было возможно в сложившейся ситуации. Надо сказать, что все маршруты моего следования пролегали по тем же участкам фронта, как и Президента. Военные советы, заседания Кабинета Министров, координация местных органов власти и многое другое, что необходимо для функционирования государства в условиях войны, требовало постоянного перемещения, много сил и времени. Мой личный штаб после Грозного разместился в Старых Атагах, в родительском доме. Попутно пришлось содействовать Главному штабу и Центральному фронту в организации староатагинской линии обороны. В том числе,

создавать и вооружать отряды ополчения.

Много приходилось взаимодействовать с населением республики, местными администрациями, комендантами, которые вовсе не были организованы, за редким исключением. Это была очень трудная пора, когда относительная неудача в Грозном гнетуще сказалась на людях, и необходимо было помочь им правильно осмыслить ситуацию. Иногда чуть ли не драться приходилось, несмотря на то, что я — Вице-Президент ЧРИ. В начале февраля 1995 года, впервые после начала войны, был созван Народный Конгресс ЧРИ. Проходил он в посёлке Чири-Юрт, в здании Управления цемзавода.

Обсудили ситуацию, наметили меры государственного и военного управления. На конгрессе были обнародованы и первые Указы Президента ЧРИ о награждении группы командиров орденами «Честь нации», «Герой нации». Были награждены Аслан Масхадов, Шамиль Басаев, Руслан Гелаев, Умалт Дашаев, Апти Такаев и «Ламбада» — Авдаев Эли (последние трое посмертно). Конгресс сыграл важную роль: после двух месяцев напряжённой войны, разрушившей структуры госуправления на местах, народ почувствовал действенную роль государства в отражении агрессии. Последующие заседания Конгресса проходили в Курчалое, Шалях, Шатое, Рошни-у Аслана нх местах — почти ежемесячно. На шалинском заседании Народного Конгресса был решён вопрос о недоверии муфтию Алсабекову М.-Х.-Х., как дезертировавшему. Новым муфтием алимами был рекомендован Ахмад Кадыров, потом и утверждённый Президентом. Позже был избран и глава Шариатского суда ЧРИ: им стал Шамсуддин Батукаев. Надо отметить, что истинными служителями веры показали себя во время войны не только опытные, но и молодые муллы и алимы: Батукаев Шамсуддин, Усаев Рамзан, Магомадов Абдул-Вахид из Элистанжи, имам Ведено Рамзан-хаджи, Хамзат и Салман из Хаттуни, Харон из Махкеты, Магомед из Джалки, Хамзат из Дагестана, Шайх-Магомед из Курчалоя, Дауд из Алхазурова, имамы многих регионов и сёл. Происходил естественный отбор истинных служителей Аллаха. В конце февраля пришлось перенести свой штаб в горы — в Чишки, а затем в Ярыш-Марды (в окрестности села). С начала февраля занялся организацией выпуска газеты «Ичкерия». Выпуск начался 2 марта на базе веденской типографии и редакции. Огромнейшую работу проделал в этом деле Юсуп Яралиев, ставшим ведущим редактором газеты и выпускавший её до конца мая — до самой оккупации Ведено российскими войсками. Главным редактором газеты оставался Ваха Дадулагов, задействованный мной с ещё не зажившей раной, полученной им в январских боях, в которых он

участвовал в составе боевого отряда братьев Такаевых в Грозном. Активное участие в выпуске газеты принимали Шарани Хасаров, Лёма Чабаев, Абдул-Хамид Хатуев и другие. Величайшее дело сделали работники веденской типографии — наборщица, верстальщица, печатник…

* * *

В марте 1995 года произошло чрезвычайно знаменательное событие в культурной жизни Чечении: поэту и учёному Ахмаду Сулейманову Указом Президента ЧРИ Д.Дудаева была присуждена Государственная премия Чеченской Республики Ичкерия — за выдающийся научный труд «Топонимия Чечни». Общенациональная презентация книги была запланирована нами ещё в конце 1994 года и не состоялась по причине того, что тираж так и не удалось выдать. Типография успела выдать только сигнальные экземпляры книги, а отпечатанный тираж был полностью уничтожен войной. Джохар очень высоко оценил научный подвиг Ахмада Сулейманова: его книге была посвящена даже часть заседания Кабинета Министров ЧРИ, на котором Джохар обязал всех членов Правительства иметь её в своей личной библиотеке — как особое национальное достояние. Указом Президента ЧРИ было сделано только минимум из всего намеченного. Премию прикованному к постели лауреату я вручал вместе с поэтом Апти Бисултановым — у него дома в селе Алхазурово.

Денежное содержание составило 25 млн. рублей (5400 американских долларов). Внимание государства в столь трудное время взбодрило Ахмада. Но, к великому сожалению, оказалось, что это ненадолго: через несколько месяцев после этого его не стало. Ушёл из жизни ещё один борец за свободу чеченского народа. Эту потерю, вместе со смертью Хусейна Сатуева, моего друга, наставника и единомышленника, ушедшего из жизни в самом начале 1995 года, я приравниваю к боевым потерям нашей армии. В мае 1995 года в бою под Сержень-Юртом погиб ещё один поэт — Юси Хантиев: друг и соратник, старый гвардеец ВДП, депутат Парламента ЧРИ, благороднейший и честнейший из сынов Чеченской земли, гордый и свободный гражданин Республики. Он рвался в бой, как будто боялся опоздать. И все дни пребывания в Ведено не мог найти себе места. О семье и доме вспоминал редко, но с болью мужчины. Семью планировал забрать из Затеречья, считая, что надтеречненцы покрыли себя позором во время вторжения российских войск, не оказав

сопротивления. С горечью вздыхал он: «Нет, я больше никогда не вернусь в Надтеречье…».

Однажды, находясь в окрестностях села Ярыш-Марды на моей базе, поражённый весенней красотой гор, он воскликнул: «И эту красоту и величие русские хотят у нас отобрать!..». Похоронили его в Ведено. Дай Бог оставшимся в живых нашим поэтам быть достойными этих великих сынов Чечении и Кавказа! Важнейшее событие в общественной и государственной жизни произошло в апреле в райцентре Ведено. Там был организован первый за последние пятьдесят с лишним лет Шариатский суд, который затем распространился и на другие районы Чеченской Республики Ичкерия. Первыми его организаторами стали Рамзан-хаджи из Ведено и районная комендатура во главе с Ширвани Басаевым. Естественно, что ключевую роль в столь грандиозном деле сыграл и Шамиль Басаев. Шариат вновь возвращался в жизнь чеченского народа. Его благодатная роль в общественной жизни вообще и, в частности, в укреплении государственной, общественной и боевой дисциплины, моральных устоев личности и общества отмечались многими зарубежными журналистами. Надо отметить, что весной 1995 года горное село Ведено — одна из столиц Имамата Шамиля — вновь обрело былую значимость для судьбы народа. Оно, практически, превратилось в столицу Чеченского государства, сосредоточив на своей территории все структуры государственной власти и управления, а также Главный штаб Вооружённых сил ЧРИ. Здесь постоянно находились иностранные информационные агентства, пребывали официальные и неофициальные делегации зарубежных государств и народов. Среди последних хочется отметить делегации литовского Сейма и Верховной Рады Украины, которые приезжали по несколько раз с гуманитарной помощью и миссией поддержки борющегося чеченского народа.

* * *

К сожалению, в конце мая 1995 года русским войскам удалось абсолютно беспрепятственно занять южную окраину села Дуба-Юрт, а спустя несколько дней, через ущелье реки Ваштар, прорваться к Сельмен-Тевзана, параллельно нанося удар по шатойскому направлению, особенно по селу Ярыш-Марды, на западной окраине которого, через реку Аргун, в здании Управления цемзавода находился мой штаб. Кстати, почти до самого этого дня на окраине села Дачу-Барзой, километром ближе к фронту, находился и штаб Д.Дудаева, где, в частности,

он принимал и делегацию от посольства США в Москве по розыску Кюни. Слава Богу, что буквально накануне прорыва, после авиационного и артиллерийского удара по нему, Президент снялся со своей базы. Просчёт наших военных на шатойском направлении был слишком большим. Он стоил потом нам и Ведено. В течение дня село Ярыш-Марды было снесено почти полностью. Погибли и мирные жители. Там же были ранены и два моих охранника — Вахита и Самбиев Сулейман. Вахита был сражён снайперами, когда попытался проскочить на мотоцикле в село: с четырьмя ранениями он, всё же, сумел выполнить задание. А Сулейман Самбиев получил ранения, вытаскивая из-под обстрела раненых бойцов, в том числе и А.Башаева. Эти эпизоды из военной жизни охраны Вице-Президента ЧРИ, в которых я потерял только убитыми пятерых человек, стоят в одном ряду бесчисленных и кровавых военных буден в масштабах всей Чечении. Оставив ярыш-мардынскую базу с прекрасным блиндажом, сооружённым ребятами под моим личным руководством, отряд Тауса из Наура, я с двумя членами охраны — Рашидом и Асламбеком, а также пленным Сергеем Софроновым на «ЗИЛе», на котором было всё штабное имущество, выходил из зоны прорыва через урочище Суорота, по лесу и горам. Однако машину пришлось вскоре оставить: она застряла в грязи. Не помогли и три ведущих моста. Оставив Асламбека с отрядом подоспевших бойцов там, мы, несколько человек, в том числе и один охранник с пленным, пешком, через ущелье и горы перешли в Малые Варанды, где нас должны были поджидать машины. В село прибыли к часам десяти ночи. Уставшие. Встретили нас на окраине супруги-беженцы из Чишков, к сожалению, не помню ни их имён, ни фамилии. Но приём был таким теплым, щедрым, что мы были моментально накормлены, ухожены и уложены спать. Точно так, как описывается в стихотворении А.Сулейманова. Село покинули рано утром. А на рассвете моя охрана, которая шла навстречу через Суората, оказывается, наткнулась на наш «ЗИЛ» и организовала его переброску в Шатой. В Шатое тоже уже «попахивало» дуба-юртовским провалом. Нечто подобное ему, как его следствие, случилось и здесь недели через две. Это была полоса наших неудач — расплата за благодушие и беспечность военных. Но это были и уроки для «отрезвления» после шапкозакидательских настроений. Так горько нас учила война. Помимо прочего, ярыш-мардынский период оказался у меня плодотворным в творческом плане. Именно здесь я написал свои статьи «Моё постижение России», «Мир и Мы», «Мы и Они», в которых попытался осмыслить современные мировые аспекты проблемы международной политики и права через призму русско-

чеченской войны. Статьи были опубликованы в правительственной газете «Ичкерия» и в кабардинской независимой газете «Хасэ», ставшей рупором правды (единственным на Кавказе) о русско-чеченской войне, во многом (даже главным образом) благодаря Валере Хатажукову — кабардинскому князю и нашему соратнику по АГНК (КНК), одному из ненемногих политических деятелей современного Кавказа и борцов за его независимость, оставшихся к тому моменту верными делу. В тот же период мной были написаны около двадцати стихотворений на чеченском и русском языках, часть которых была напечатана в «Ичкерии», а часть (на русском языке) включена в настоящую книгу (приложение). Мой штаб, естественно, разместился в Борзое и Нихале, а через день, после оставления Шатоя, был перенесён в село Зумса. Отчасти приходилось базироваться и в сёлах Башин-Кале, Чинха. И нигде у меня не возникало проблем ни с безопасностью, ни с продовольственным обеспечением, ни с условиями дислокации. Люди готовы были отдать самое последнее, чтобы обеспечить мне условия работы. В селе Зумса мне удалось наладить радиовещание, которое функционировало до августа. Чувства великой благодарности остались у меня в душе от периода пребывания в селе Зумса — в семье Махмуда и Алпату Мухаевых, от общения с некоторыми другими жителями этого великолепного уголка нашей Родины в труднейшие для Отечества минуты.

Стойкость и мужество чеченских бойцов опирались на дух и поддержку таких вот наших граждан. В период пребывания в Итум-Калинском регионе, в силу ограниченных возможностей для передвижения по дорогам, приходилось совершать горные переходы на многие десятки километров, в основном, пешком. Первый такой переход был совершён из Шатоя в Ведено — буквально за два дня до его оккупации российскими войсками. Оставив машину и Казбека в Чеберлойских горах, я и два моих охранника — Габаев Арби и Баталов Рашид — после четырнадцати часов горного перехода в вечерних сумерках спустились по Элистанжинской горе к окраине села Элистанжи, подвергаемому непрерывным воздушным и артиллерийским обстрелам. Мы вошли в этот населённый пункт прямо под носом российских войск. Село было почти пустое, если не считать чеченских бойцов, расположившихся в некоторых домах на постой. Не было и чётко организованной обороны, что меня удивило особенно. Об этом я на следующий день, в Ведено, прямо указал Аслану. Но Элистанжи уже было в руках русских. В тот вечер мне особенно запомнилось впечатление, произведённое

нашим появлением в Элистанжи на нескольких жителей этого села, оставшихся там. Они были нескрываемо рады видеть Вице-Президента ЧРИ в этой ситуации рядом с собой. Видимо, впечатление усиливали и мой карабин, и привычная с первых дней войны неизменная форма одежды. Каждый приглашал к себе в дом и предлагал отдохнуть с дороги, переночевать. Расстались после крепких объятий, гордые единством судьбы. Как мне сказали, это были Янгульбаев Мовлди-хаджи, Данилбек и Шаха Гунакбаевы — элистанжинские бойцы площади Свободы. Два перехода было совершено из села Зумса в Рошни-Чу через Муьши-Чу, ставшим своеобразной перевалочной базой между южной и западной Чеченией. Величайшее дело делали тамошние хуторяне — Сайхан Батукаев, бывший работник ДГБ, его племянницы и племянник, круглосуточно обеспечивающие условия для отдыха и ночлега утомлённым от долгого перехода бойцам и другим путникам. А в Рошни-Чу нас радушно принимала семья Ахъяда Галаева, где так же днём и ночью бывало полно «постояльцев» — и бойцов, и представителей власти. Но основной штаб, всё же, находился у Даяна — благороднейшего чеченца и мусульманина, человека высокой гражданственности и патриота ЧРИ, дом которого, вместе с прилегающими двумя кварталами жилых домов абсолютно мирных людей, разбомбили российские стервятники 8 октября 1995 года. Последствиями, как известно всему миру, были многочисленные жертвы среди мирных граждан: в основном, женщины и дети. Но это ничуть не поколебало Даяна и его соседей в своих патриотических чувствах, а, наоборот, усилило ненависть к агрессору и неприязнь ко всему российскому и заложило в их сознание новый долг мести. Надо сказать, что ни миссия ОБСЕ, которая размещалась в Грозном во главе с представителем Франции господином Пеленом и выполняла посреднические услуги на так называемых «русско-чеченских переговорах», ни другие гуманитарные организации не сделали принципиальных выводов из этого злодеяния и многих других чудовищных преступлений российских агрессоров против мирных жителей Чечении, совершённых с начала этих переговоров. Вообще, международное сообщество на мировом и европейском уровне оказалось совершенно недееспособным в отношении российского государственного бандитизма в Чечении, что наталкивает на грустные мысли по поводу будущего нашего мира, если народы будут уповать на него. Но оптимизм вселяют неопровержимые факты, свидетельствующие о том, что многие народы сами берутся решать собственные проблемы — даже самые трудные и неудобоваримые для мирового сообщества.

В Итум-Калинском регионе, в частности, в селе Зумса, я

осмыслил одну важную черту нашего народа (потом это подтверждалось и в других местах, где приходилось бывать в полулегальном положении): тщательно оценивать и примерять человека из власти к его должностному положению — через его поведение в конкретной ситуации и, только исходя из этого, строить взаимоотношения с ним. Это не относится к нормам гостеприимства, которые неукоснительно соблюдаются всегда, в традиционном минимуме. Речь идет о том, насколько близко к сердцу воспримет тебя тот или иной горец-чеченец. Выяснилось, что у людей очень много вопросов к власти — политического и социального характера. Даже война не списала ни одну из их проблем довоенной жизни, хотя многое они сами отодвинули до лучших времён. И пока мы не ответим на все их вопросы, эти люди так и будут находиться в двойственном положении: не то сторонники, не то попутчики. Хотя сами они убеждены, что являются сторонниками чеченской государственности и будут глубоко оскорблены, если поставят это под сомнение. Главным моментом в ответах на их вопросы должно стать чёткое определение: где основная политическая опора независимости и каковы приоритеты кадровой политики? Иначе говоря, нужно определиться: с кем мы — власть? Явно давал о себе знать и другой пробел в нашей государственной политике — отсутствие проработанной программы в области молодёжной политики. Ведь, за период с 1991 по 1994 годы мы так и не сумели взяться за укрепление молодёжной организации, вследствие чего, особенно, вузовская и учащаяся молодёжь осталась под воздействием гакаевых, бугаевых, ахмадовых и прочих лже-интеллигентов. Что сегодня сказывалось. Это были ошибки. И не просто… Возможно, что даже эта война спасла нас от разочарования в самих себе. Многие это осознают и благодарят Бога за милосердие. Я это ещё раз почувствовал в общении со многими людьми, оказавшимися между войной и миром, и даже с бойцами, ежедневно противостоящими смерти. Видимо, по этой причине и оказались многие добропорядочные люди, преданные идее независимости, духовного возрождения народа, в «глубоком тылу» (если так можно выразиться о «чеченском тыле»), в частности, и в том числе, мюриды Кунта-Хаджи — жители Грозного Умар, Балавди и Докка, которых я встретил в селе Зумса: как и многие другие, они нашли приют далеко от дома. И таких было полно: по всему Итум-Калинскому региону, да и в Урус-Мартановском, Ачхой-Мартановском, Грозненском, Шалинском, Веденском и других регионах. То есть, везде. Эти люди, которые могут и хотят служить делу независимости, остались незадействованными, в основном, по нашей вине, то

есть по вине государственных руководителей: и на уровне центра, и на уровне местных властей. А это — огромный потенциал, который необходимо реализовать для окончательной победы в борьбе с русскими агрессорами. Кроме того, ещё далеко не до конца преодолена нами социальная и политическая близорукость, особенно в сельских местах, где политическая дифференциация только началась и имеет свою особую специфику. Ясно одно: именно в указанной выше среде необходимо искать политическую опору независимости, значит, и нашей власти. Там есть самое главное — ИМАН, чего не хватает (и всегда будет не хватать!) всякого рода «бывшим» и «маститым» всех мастей из «научной», «творческой», «культурной» и иной публики. Ориентироваться, думаю, надо на Махмуда Мухаева, муллу Мохамада из того же села Зумса, сын которого погиб под Петропавловской; на Мохамада из Бугароя; на муллу села Чинха и простую чеченку Аймани, которая своим интеллектом и гражданским сознанием оказалась намного выше многих государственных мужей; на таких, как Алман и Ахмад из Башин-Кале, Дахаев Абдулла из Чири-Юрта, алим Амир из Ведено и на многих им подобных, составляющих ядро простого чеченского народа. В этом меня убедила война: их простая чеченскость выше и перспективнее для судьбы нации и государства, чем европейская окультуренность и жеманство гражданских импотентов, называющих себя «деятелями культуры и науки» со своими докторско-кандидатскими регалиями и прочими званиями. Выше, прежде всего, тем, что простота этих рядовых граждан излучает ИМАН, который давно потерян многими из тех «культурных интеллигентов», а некоторые и не имели его вообще, от роду. Разумеется, что под категорию «докторско-кандидатских отщепенцев» подпадают не все, имеющие научные степени и звания. Война определила: кто есть кто? И народ сам всё увидел воочию. Тем более, увидят это и наши потомки. К такому мнению я приходил везде, где мне пришлось дислоцироваться за последний год, а это — самые различные уголки Чечении: Ярыш-Марды, Элистанжи, Махкеты, Борзой, Нихала, Зумса, Шалажи, Рошни-Чу, Башин-Кале, Итум-Кале… Вообще-то, нужно отметить, что тот потенциал, который хоть прямо и не был задействован на войну, именно в силу нашей чрезвычайно плохой организованности, особенно в молодёжной среде, все же, явился той силой, что удержала ситуацию в тылу и даже в местах, через которые прокатилась война, на позициях чеченской власти, несмотря на очень серьёзные происки вражеских элементов. В этом меня убедили конкретные примеры Нихалы, Башин-Кале и других сёл Ичкерии. Например, в Нихале ситуацию контролируют

такие ребята, как Мансур, Саламу и Аббас, а в Башин-Кале — Имран, его братья, Магомед-Эмин и другая молодые парни, готовые выполнить любые возложенные на них задачи по защите независимости. Из этой среды и формируются вторые и третьи эшелоны ополченцев, державшие фронт…

Известие о походе Шамиля Басаева в Будённовск застало нас в селе Зумса. Это был великий перелом в сознании чеченцев — и не только бойцов: было доказано, что существует возможность воевать на территории России. Внимательно начал следить за переговорами. Их можно было вести намного эффективнее. Инициатива была упущена с самого начала… Соглашение по блоку военных вопросов я увидел только числа десятого августа 1995 года, когда прибыл в Рошни-Чу. Оно вызывало тревогу. Положение могла спасти только активность наших бойцов, спешно занимающих сёла. Так и случилось. Опять ошибку политиков исправил сам народ. Вот в чём наша сила. А мир недоумевает…

В зумсойский период я занимался также содействием штабу обороны, укреплением региональных структур власти, где, в частности, заменил главу Итум-Калинского РИУП С.-И.Ахмадова на принципиального и решительного Мовсара Батукаева. Находясь в селе Зумса, я также организовал оперативную группу отдела безопасности Вице-Президента, который занимался вопросами осуществления контроля над деятельностью гражданских и военных структур региона, что было вызвано военно-политической необходимостью. В этом населённом пункте погиб и Казбек — наверное, самый дисциплинированный и ответственный из бойцов моей охраны, но ещё более скромный и сердобольный. В начале августа 1995 года по распоряжению Президента я перенёс свой штаб в село Рошни-Чу и занялся общим руководством переговорного процесса между Россией и Ичкерией. Здесь были написаны ещё четыре статьи, вошедшие в настоящую книгу. Думаю, что в ближайшем будущем удастся более подробно осветить события февраля-декабря 1995 года — в той части, к которой я имел непосредственное отношение. Нужно только упомянуть, что за период с ноября 1994 года, когда РФ начала открытую войну против ЧРИ, с ещё большей, чем прежде, активностью начал действовать Абдурахман Авторханов. Помню его послание, поступившее в «бункер» Д.Дудаева ещё в конце декабря 1994 года, где Абдурахман выражал восхищение своим народом и его лидером. «Дорогой мой Джохар! — писал он. — В этот судьбоносный час, когда речь идёт о том, быть или не быть всему чеченскому народу на этой грешной земле, хочу, дорогой Джохар, обратиться лично к тебе с моим, может быть, последним

прощальным словом: ты обессмертил имя чеченского народа, подняв перед всем миром знамя свободы и независимости твоих великих предшественников — Шейха Мансура, Имама Чечении и Дагестана Шамиля. В то время, когда пресловутые «отцы» великой западной демократии трусливо дрожат перед палачами из Кремля, считая народоубийство на Кавказе внутренним делом Москвы, ты на деле доказал, что Запад дрожит перед колоссом на глиняных ногах. Да поможет тебе Аллах довести великое знамя кавказской независимости до победного конца». Мой разговор с Абдурахманом с начала войны произошёл 17 сентября 1995 года по телефону, из Рошни-Чу. Связал меня с ним Сайд-Хасан Абумуслимов. Абдурахман был очень обеспокоен подписанным 31 июля 1995 года Соглашением по блоку военных вопросов. Разговор был долгим. Он предложил рассмотреть свои предложения по урегулированию взаимоотношений с Россией, которые мы вынесли на Народный Конгресс ЧРИ от 19 сентября 1995 года. В этом разговоре, в самом его начале, когда Абдурахман узнал, что будет разговаривать со мной, он высоко отозвался о моей книге «В преддверии независимости», статьях и стихах. И закончил буквально следующими словами: «Твои книги очень нужны будут чеченскому народу в будущем». Так как весь наш разговор мы с Сайд-Хасаном записывали на магнитофон, эта запись у меня тоже сохранилась. Отвечая на информацию Сайд-Хасана о том, что так называемая «оппозиция» пытается внушить народу, будто Абдурахман Авторханов не поддерживает политику Джохара Дудаева (и в прошлом и, тем более, сегодня), что «дудаевцы», мол, обманывают народ, выдавая свои инсинуации за мнение именитого земляка, Авторханов ещё раз подтвердил свою позицию полной поддержки политики «нашего Президента» (именно только так он и называет Президента ЧРИ Дудаева: «наш Президент», «мой Президент»). Обосновав свою поддержку, он сказал: «Скажите тем, кто сомневается в моей позиции, пусть они укажут мне на хотя бы момент, когда у меня позиция в чеченских вопросах расходилась с позицией нашего Президента Джохара Дудаева. Этого не было ни разу, даже тогда, когда я не знал позиции Д.Дудаева по тем или иным вопросам. Высказанные нами совершенно независимо друг от друга позиции, в любом вопросе борьбы чеченского народа за независимость, полностью совпадали…». Совпадали позиции Джохара Дудаева и Абдурахмана Авторханова и по Соглашению от 31 августа 1994 года. Когда, примерно через месяц, в Рошни-Чу приехал Тамерлан Кунта, сын Абдурахмана, то он объяснил и некоторые подробности визита Р.Мадиева к Абдурахману осенью 1994 года. Кстати, на обратном пути из ЧРИ, в Дагестане, Тамерлан Кунта

был арестован ФСБ РФ… Хочется отметить, что традиции чрезвычайно ответственного, высочайшего гражданского отношения к ситуации в нашей стране и, в частности, к моей миссии, которая соприкоснулась с их судьбой непосредственно, продолжили жители селений Рошни-Чу и Шалажи, особенно семьи Сахида и Кисы Идрисовых, Рийхант и Абдуллы Мажиевых, Абдурзакова Замы, Майрбека Идрисова и других. Необходимо также отметить, что Урус-Мартановский район с середины 1995 года стал основным местом дислокации высших органов государственной власти Чеченской Республики Ичкерия. Какая-то закономерность, исходящая от самого Создателя, не позволила этому одному из центральных регионов Чечении остаться в стороне от общечеченской судьбы, хотя некоторые силы и старались в этом. В заключение сделаем несколько резюмирующих акцентов, не претендуя на выражение исключительной истины, даже чего-то нового, неизвестного многим читателям, а с целью напомнить многократно говоренное.

Во-первых, вопреки перманентному террору и политике геноцида руководства Российской империи в отношении всего чеченского народа на протяжении последних четырёх веков, выразившейся в акциях неслыханного по масштабам и формам физического, духовного и этнического насилия над ним с целью стереть его с лица земли и вычеркнуть навсегда из человеческой истории, чеченский народ не только сумел сохранить себя и выжить, но и возродился, восстановив своё независимое национальное государство.

Во-вторых, весь современный путь борьбы за восстановление независимой чеченской государственности, начиная от первого этапа Общенационального съезда чеченского народа, проходившего 23–25 ноября 1990 года, и включая выборы Президента и Парламента Чеченской Республики 27 октября 1991 года, в наиболее полной мере соответствует требованиям легитимной преемственности изменений статуса национальной государственности и проходил в полном соответствии с принципами международного права. Более конкретно об этом изложено в статье «МИР и МЫ (правовой аспект проблемы)», которая помещена в приложении к данной книге.

В-третьих, сколько бы раз Россия не оккупировала Чечению и не проводила всевозможные выборы под своих марионеток, единственной основой, на которой можно урегулировать российско-чеченские взаимоотношения, является Конституция Чеченской Республики Ичкерия. И от этого факта некуда деться ни России, ни мировому сообществу в лице ООН, Европарламента, различных союзов и совещаний, трусливо

закрывающих свои глаза и уши в тщетной попытке не заметить и не услышать очевидные, неоспоримые факты и аргументы.

В-четвертых, в результате российско-чеченского противостояния 1991–1995 годов чеченский народ освободил, излечил своё национальное самосознание от пагубного наследия колониального прошлого, многовекового российского имперского идейно-политического насилия — социально-политической и экономической иждивенческой «философии» и психологии, комплекса неполноценности, присущего сегодня всем народам колониальной империи, оказавшимся на обочине истории, в стороне от магистрального мирового развития — в ситуации, в которой пыталась Россия удержать и Чечению с целью ликвидации чеченцев как нацию.

В-пятых, чеченский народ прошёл очень важный этап излечения от эмоционально-субъективных подходов к разного рода политическим проблемам, организациям, их лидерам и выдвиженцам, выработал иммунитет к общественно-политической демагогии: от наивных надежд на могущественные личности перешёл к осмысленной опоре на всемогущество Бога, Его воли и законов. Он познал: в чём сила и бессилие человека и народа.

В-шестых, чеченский народ на своей шкуре испытал, что означают понятия: «чужое государство», «своё государство» и «кормить чужую армию». Он, практически, излечился от опасной болезни — неадекватного восприятия всего русского, в том числе и русской демократии.

В-седьмых, чеченцы показали всем колониальным народам российской империи реальный путь национального освобождения и доказали на практике его осуществимость, чем, надо быть уверенным, обязательно все они воспользуются. В связи с изложенным выше, очень важно, чтобы человек-личность осознал, как много значит для него самого его личное участие в том или ином большом деле. Тем более, в таком глобальном, как всеобщее национальное освобождение — для правильной оценки восприятия самого дела, а также определения своего места как в обществе, государстве, так и во всём мироздании вместе с непостижимым космосом. Это позволит постигнуть глубинную истину, что счастливым может быть лишь тот, кто прочувствовал свою жизнь судьбой.

Ибо жизнь и судьба — суть разные вещи лишь до тех пор, пока человек, с Божьей помощью, не объединит их в единый «сплав». А это предполагает согласие человека с той истиной, что всё в мире свершается по всеобъемлющим законам Всевышнего, а мы, в лучшем случае, в состоянии осмыслить лишь один момент,

охватывающий нашу жизнь — ложную вечность мгновения. Большего нам и не нужно пытаться делать. Просто нужно всю энергию духа и разума направить на честное, совестливое отношение к этому мигу. И тогда миг жизни каждого из нас впишется в бесконечность вечной жизни.

И, наконец, что касается причин, мотивов, хронологических рамок русско-чеченской войны, то истина не может быть выяснена, если проблема будет рассматриваться с выдергиванием Чечении, чеченцев и их борьбы за восстановление независимости из контекста процессов общечеловеческой борьбы и развития. Это предполагает абсолютно все методы, средства и механизмы борьбы в достижении национальной независимости любого из народов, что закреплено в Декларации прав человека и положено в основу нашей борьбы. А самое главное — это предначертано самим Всевышним. Важным моментом в понимании и наиболее полном осмыслении русско-чеченской войны является и тот факт, что в войне против Чечении на стороне России участвуют все страны СНГ в лице их официальной политики в той или иной мере, что ляжет вечным пятном позора на их историю. Очень значимым является и вопрос: когда началась последняя русско-чеченская война? Казалось бы, здесь не может быть разночтений. Но, проанализировав события с 1991 по 1995 год, в том числе и изложенное в настоящей книге, думаю, что есть полное основание считать датой начала русско-чеченской войны не 26 ноября 1994 года, когда Россия вероломно атаковала город Грозный, или же день начала официального «ввода войск» на территорию Ичкерии, а 2 ноября 1991 года, когда Верховный Совет РСФСР объявил выборы Президента и Парламента ЧР недействительными. Своим указом от б ноября 1991 года о введении чрезвычайного положения на территории Чечено-Ингушетии Б.Ельцин попытался реализовать то, что было сотворено ВС РФ под руководством Руслана Имрановича Хасбулатова. Последующие же этапы этой войны носили разнообразный характер интервенции России против Чечении: политической, экономической, уголовной и военной — до декабря 1994 года, в основном, силами наёмников, часть которых набиралась из предателей чеченского народа, отщепенцев и рецидивистов. А те немногочисленные моменты переговоров между чеченско-российскими сторонами являлись лишь попытками остановить войну. Но здесь вступали в действие различного рода марионетки — завгаевы, хасбулатовы, хаджиевы, при таком исходе оставались у «разбитого корыта». И война продолжалась. Так и пришла Россия к 26 ноября 1994 года — последней попытке завершить войну силами наёмных убийц, подкрепив их кадровым офицерским корпусом из элитных

танковых дивизий и мощной боевой техникой. Не удалось. Тогда четырёхлетняя новая русско-чеченская война была продолжена на полномасштабном военном уровне под тем же предлогом для мирового сообщества, под которым проводилась первая военная операция этой войны 8–11 ноября 1991 года — «восстановление российского конституционного порядка».

События в Ингушетии в октябре-ноябре 1992 года были лишь очередной операцией единой войны против Чечено-Ингушетии. Как известно, итогом той акции стал новый захват Ингушетии, новое её покорение. Сделано это было, несмотря на неоднократные заявления ингушей, посредством референдумов, о своём повторном добровольном вхождении в состав России: чтобы застраховать от развития событий по чеченскому варианту, зная о влиянии Чечении на Ингушетию — движение за независимую от России государственность получает там мощную поддержку народа. Осетино-ингушские отношения были всего лишь хорошо разыгранной картой. И только решительность Д.Дудаева предотвратила тогда, после кровавого подавления Ингушетии, развёртывание широкомасштабных (запланированных агрессором) военных действий против Чеченской Республики. Именно в те дни приобщил к своему сану Борис Ельцин новый титул — «Борис Кровавый». Изложенное выше подтверждается советником президента РФ по национальным вопросам Галиной Старовойтовой в интервью газете «Московский комсомолец» от 29 января 1995 года. Описывая поездку Ельцина в Чечено-Ингушетию в марте 1991 года и коснувшись вопроса раздела Чечено-Ингушетии, она свидетельствует: «Это планировалось ещё в Москве. Долго шли разные разговоры. Я не помню, кто был инициатором этого разделения. Вопрос о разделе стал актуальным гораздо позже, в июле 1992 года (Очевидно, что было стремление просто уменьшить зону влияния президента Д.Дудаева)… Набор требований президента Дудаева ни разу не рассматривался в Москве, идея переговоров с ним была отвергнута практически с порога». И она же (Старовойтова) добавляет, говоря по поводу впечатления Б.Ельцина о чеченском и ингушском народах: «Я думаю, что Борис Николаевич почувствовал значительную психологическую дистанцию, ему стало ясно, что это народы, требующие особых подходов. Может, эта психологическая дистанция сказалась на его сегодняшних действиях». Это не простая догадка Старовойтовой, а вывод учёного-аналитика, знающего механизм многих решений администрации московской империи времён «царя» Бориса Кровавого в области национальной политики в Чечено-Ингушетии, Осетии, Грузии,

Абхазии, Таджикистане, Карабахе, Боснии и так далее. В основе этой политики — «неприятие, непонимание, непохожесть этих нерусских с русскими». Галина Старовойтова подтверждает и влияние чеченских отщепенцев, оказавшихся в коридорах высшей власти России, на перманентное продолжение необъявленной войны России против Ичкерии. «В последствии, — говорит она в том же интервью, — движущей силой многих решений в отношении Д.Дудаева был Хасбулатов. До избрания президента Чечении чеченцем номер один в стране (имеется в виду Россия. — З.Я.) был он. И Хасбулатов, возможно, испытывал личную ревность к популярности Дудаева». Остаётся добавить, что сказанное относится не только к одному Хасбулатову (хотя, главным образом, именно к нему), но и к Завгаеву, и к Хаджиеву, влиявшим на продолжение необъявленной русско-чеченской войны через «своих» людей под боком того же Бориса. Особенно их влияние возросло, когда Руслан Имранович «переселился» из Белого Дома в Лефортово. Тогда они особо остро почувствовали, что могут взять реванш у Дудаева, даже у Хасбулатова, и стать чеченцами «номер один» — но только после того, как уничтожат независимость чеченского народа и государства, уничтожат Д.Дудаева и всё, что связано с его именем. Но связанной с Дудаевым оказалась вся судьба чеченского народа, его лучших сынов и дочерей, посвятивших свои жизни делу национальной независимости. Думаю, что на некоторые вопросы читателя, возникшие в связи с изложенным в данной книге, ответят и материалы приложения. Я только могу гарантировать, что изложил события глазами и сердцем свободного чеченца, как и жил. Поэтому прошу принять их, памятуя о том, что главные книги о новой истории чеченского народа ещё впереди. И кто бы ни писал эту историю, стопроцентно уверен, что её может написать только свободный чеченец.

Дала аьтто бойла вайн!

Старые Атаги — Шалажи.

Ноябрь-декабрь 1995 г.

Необходимое примечание

Пока настоящая книга доходила до своего издателя, произошли существенные сдвиги в русско-чеченском противостоянии. Всё явственнее ощущая тупиковость своей политики в отношении Чечении и позиции на очередном этапе «чеченского урегулирования», Россия попыталась присобачить к своим думским выборам и «выборы» в «легитимные» органы власти Чеченской Республики, чем окончательно дискредитировала себя в глазах мирового сообщества и отрубила последние нити надежды чеченского народа на благоразумные подходы империи к проблеме взаимоотношений с народом, перед которым она, Российская империя, должна была слёзно каяться — прилюдно и коленопреклоненно. Попытка «выборов» вызвала ответную реакцию чеченского народа: бойцы Чеченской армии заняли на период с 14 по 21 декабря 1995 года абсолютно все районные центры и города Чечении, где Москва планировала фарс с так называемыми «выборами главы ЧР», кроме Грозного, напичканного оккупационными войсками и села Знаменское — родного гнезда главной российской марионетки. Вследствие чего, миру было продемонстрировано: кто реально контролирует территорию Чечении. Кроме того, ни в одном населённом пункте ЧРИ, кроме Грозного и нескольких сёл Надтеречного района, не были даже открыты избирательные участки. Более того, не было и попыток их открыть, кроме как в Урус-Мартане, где они, кстати, закончилась весьма безуспешно. А о каких-то завгаевско-ельцинских выборах и речи не было. Во что вылился весь этот фарс? Только в Грозном реально действовал один так называемый «избирательный участок», на котором «проголосовали» оккупационные войска, структуры оккупационного режима и завгаевское марионеточное окружение, а также несколько журналистов международных СМИ — по несколько раз каждый, чтобы воочию убедиться в трагикомичности ситуации. Из числа чеченцев в Грозном проголосовало чуть больше тысячи человек — это все те, кого наскребли по своим родственникам «завгаевцы», и то со слёзными мольбами, и не только. Даже в Знаменском, родном краю Доку Гапуровича, процент «участия» в выборах не дотянул и до двадцати. За что люди, ответственные за этот избирательный участок, получили сильную взбучку от братьев Завгаевых, которые пригрозили, что они не допустят к власти никого, кто не будет лично предан им — вплоть до готовности пожертвовать ради них своей жизнью.

В результате всего изложенного, Россия в очередной раз

опустила себя до состояния полного политико-государственного маразма и ещё раз продемонстрировала неспособность к действиям сообразно ситуации и элементарной честности во взаимоотношениях с кем-либо. Но губительнее всего оказались последствия политики России по «выборам» «чеченского главы» своей мафии в Гудермесе, а затем и в селении Первомайское Дагестана, где две сотни чеченских бойцов (дважды в течение одного месяца) продемонстрировали своё полное военное и морально-психологическое превосходство над всем российско-имперским монстром. Россия же, попытавшись отыграться за сокрушительное военно-политическое поражение в Будённовске летом 1995 года, буквально через полгода потерпела ещё более сокрушительное поражение: крах был полным — и военным, и политическим. А российский президент, на радостях по представившемуся случаю, продемонстрировал своё огромное, неуемное желание разжечь натуральную резню между чеченским и дагестанским народами, выражая это крайне циничными выражениями и жестикуляцией перед мировой телеаудиторией. Ко всему прочему, он продемонстрировал, каким это «суверенитетом» обладают Дагестан и прочие субъекты Российской Федерации.

И последнее. Наконец-то, объявлено о намерении РФ: решать в дальнейшем проблему русско-чеченских взаимоотношений политическими средствами. Даже грозненские марионетки прокукарекали и закудахтали о чём-то подобном, как вывод российских войск. А чеченский народ ответил на это общенациональным бессрочным митингом в городе Грозном, в котором ежедневно участвует по несколько десятков тысяч человек. Над израненным дворцом Президента ЧРИ водружены зелёное знамя газавата и государственный флаг Чеченской Республики Ичкерия, а на фронтоне здания вывешены портреты Президента Джохара Дудаева. Народ чеченский требует: безоговорочного вывода российских войск и признания независимости Чечении. История, несмотря на то, что её подопечные, особенно облечённые властью, не хотят учиться на своём горьком опыте, вновь и вновь демонстрирует нам непреклонную логику — путь к свободе чреват многими трудностями, но непременно увенчан победой борющегося народа. Свободным становится лишь тот, кто посмел им стать, особенно народ. И тысячу раз прав великий Гегель: «Свобода истинна лишь как государство». Особенно это актуально относительно свободы народа, нации. Чеченский народ, к счастью, это осознал — и твёрдо. 06.02.1996 г.

Вынужденное послесловие

После жестокого и коварного кровопролития 8–10 февраля 1996 года, когда оккупационные войска, переодетые в милицейскую форму, и национал-предатели по прямому приказу Завгаева, Лобова и прочей нечисти расстреляли бессрочный митинг на площади Свободы, перед Президентским дворцом в Грозном, чеченцы не были столь удивлены, как, может быть, люди доброй воли в мире. Этого ожидали буквально все. Это было предопределено с «приходом» Завгаева — подленького, мелочно-тщеславного и мстительного субъекта. Все честные чеченцы поняли, что завгаевский период оккупации будет самым кровавым отрезком войны для мирного населения Чечении. Но, вместе с тем, после фиаско очередной марионетки, на которую Кремль делал основную ставку, определится многое в русско-чеченской войне, а, может, и окончится самая грязная за всю историю человечества война, развязанная российскими преступниками государственного ранга. Если руководство России, обеспокоенное новыми неудачами, вернее, крупными поражениями своих войск, влекущими за собой колоссальные потери, в конце января склонилось, было, всё же, сесть за стол переговоров и рассмотреть вопрос вывода оккупационных войск из Чечении, то Завгаев не собирался так легко вылезать из аэропортовских туалетов, срочно переделанных марионеточными властями под бункер ему и Лобову.

Более того, главные «ястребы» из окружения Б.Ельцина почуяли реальную угрозу своему положению в возможном переходе к варианту решения вопроса взаимоотношений между ЧРИ и РФ политическим путём. Это грозило не просто потерей постов в высших эшелонах власти, а привлечением к уголовной ответственности за разжигание войны, то есть президент вынужден был бы отдать их вместо себя. Опасность такого исхода подтверждается и приближающимися президентскими выборами в России. Здесь Лобов и его команда решают использовать Завгаева ещё раз, несмотря на то, что им была абсолютно ясна несостоятельность этой отсталой пешки для серьёзной политической ставки в российской политике в Чечении. Они решают использовать его марионеточное чутьё и готовность на всё… в увязке с проблемой предстоящих выборов, которые становятся для Ельцина основной «зубной болью» на фоне всё ещё продолжающейся русско-чеченской войны и экономической безысходности, усугубляемой этой войной. Президентские выборы — смерть Борису Николаевичу, и бросивший ему

спасательный круг, даже соломинку, может рассчитывать на «царское покровительство». А спасти предвыборную кампанию Б.Ельцина можно только подкупом избирателей, для чего нужны большие деньги. Даже очень большие. А где их взять, когда их просто нет? Но есть чисто пропагандистская статья в квазибюджете России на 1996 год по восстановлению экономики, социальной сферы и прочих структур в Чеченской Республике, где сказано о 16 триллионах российских рублей и об одном миллиарде американских долларов. При большом желании эту статью можно накачать спасительными деньгами для «царя» Бориса. Что и было предложено лобовской командой своему «кормильцу» Ельцину взамен на его намерения остановить войну и вывести войска из Чечении. Завгаев для подобной афёры, хотя и не единственная, но, всё же, самая удобная фигура, что распознала своим привычным к марионеткам нюхом «лобовщина». Именно потому и была предоставлена отсрочка на два месяца Завгаеву перед объявлением «мирного» плана Б.Ельцина.

Затем пошли выплаты задолженностей по зарплате и пенсиям за счёт денег на восстановление Чеченской Республики, которые уже списаны на работы, «сделанные» устами нынешней главмарионетки, «построившей» за ноябрь и декабрь 1995 года «более миллиона квадратных метров жилья» и планирующей за 1996 год «построить» ещё 4 миллиона квадратных метров. На деле же завгаевский замысел сводился к тому, чтобы за эти два месяца постараться, в очередной раз, раздавить чеченский народ. Для чего и были предприняты атаки на Новогрозный, Аллерой, Хоси-Юрт, Бачи-Юрт, Серноводск — уже по второму кругу. Второму сожжению менее чем за год подверглись Самашки. Затем вся мощь российского оружия обрушилась на маленькое село Гойское.

Но бесславен был конец коварного замысла Д.Завгаева и В.Тихомирова, которые занесены в списки вечных кровников чеченского народа. Новые тысячи гробов своих солдат и офицеров получила Россия в результате завгаевского плана развития «межчеченского диалога», «трёхсторонних мирных соглашений» и «зачисток» населённых пунктов. На действия агрессоров чеченские бойцы ответили своим привычным методом. Взятие Грозного, уничтожение российских колонн под Сержень-Юртом и Ярыш-Марды, разгром русских в Шатое и многое другое продемонстрировало миру, что нет мощи, способной сломить дух чеченского народа, и он способен бить агрессора до бесконечности. Это видела и официальная Москва. Но ей нужно было делать вид, что она верит в осуществимость замыслов

Завгаева, чтобы обеспечить более полное использование «чеченских денег» для незаконного финансирования предвыборной кампании Ельцина. 31 марта 1996 года Ельцин вынужден был в очередной раз «сесть в лужу», в которую так упорно толкали его «завгаевский план», Лобов и военное лобби. Но уже были предусмотрены и новые механизмы воздействия на чеченскую сторону — устранение лидеров. В этом на сговор с Россией пошли и США.

21 апреля, вечером, был совершён новый вероломный акт международного терроризма. Джохар Дудаев был убит. Уже который раз Москва решила использовать для прикрытия своего коварства и подлости так называемые «переговоры», как это бывало не раз летом-осенью 1995 года: когда в ходе переговоров была разбомблена штаб-квартира чеченской делегации на переговорах в Рошни-Чу — «неизвестно» чьими самолётами, которые и после не раз реализовывали «мирные» планы Москвы.

Телефон Джохара оказался засечённым, как мы полагаем, не без помощи «лучшего друга» Бориса Билла. До этого дважды бомбили село Шалажи — именно с целью разбомбить Дудаева, когда он говорил по телефону на окраине этого села. Второй раз он отделался касательным ранением кисти руки осколком. На третий раз трагедия была сотворена. Опять же «неизвестно» чьими самолётами… Джохар ушёл, чтобы навечно остаться знаменем газавата чеченского и всех кавказских народов.

Цель, с которой творилось это преступление российской военщиной, не была достигнута: в руководстве Чеченской Республики не возникло проблемы нового лидера. Осуществление верховной власти в государстве продолжилось в строгом соответствии с Конституцией ЧРИ. Единство в рядах руководства получило новый импульс. Народ ещё крепче сплотился для борьбы с агрессором до победного конца. Слава Аллаху, Господу Миров! Аллах1у Акбар!

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Правительства Чеченской Республики Ичкерия от 23 апреля 1996 года.

БисмиллахIи ррохьмани ррохьими!

В связи с трагической гибелью первого Президента Чеченской Республики Ичкерия Джохара Дудаева в результате спланированного террористического акта со стороны российского агрессора Правительство ЧРИ

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Объявить общенациональный траур-тезет 24, 25, 26 апреля 1996 года.

2. Во всех городах и населённых пунктах, на предприятиях и в учреждениях в указанные в п.1 дни приспустить государственные флаги, отменить все увеселительные и праздничные мероприятия.

3. 26 апреля 1996 года считать Днём религиозных мероприятий по случаю трагической гибели Президента ЧРИ Джохара Дудаева, включая САГІА ДАККХАР и ЧТЕНИЕ КОРАНА во всех мечетях государства.

Дала къобалдойла нохчийн къоман гІазот!

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Государственного Комитета Обороны, Парламента и Кабинета Министров Чеченской Республики Ичкерия от 23 апреля 1996 года.

В связи с чрезвычайным положением, связанным с трагической гибелью Президента Чеченской Республики Ичкерия Джохара Дудаева, в соответствии с Конституцией ЧРИ:

1. Возложить исполнение обязанностей Президента Чеченской Республики Ичкерия на Вице-президента ЧРИ Яндарбиева Зелимхана.

2. Яндарбиеву Зелимхану приступить к исполнению обязанностей Президента Чеченской Республики Ичкерия, Премьер-министра, Главнокомандующего Вооружёнными Силами ЧРИ немедленно.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

Правительство Чеченской Республики Ичкерия с глубокой скорбью извещает народ ЧРИ и мировое сообщество о том, что в ночь с 21 на 22 апреля 1996 года, в результате спланированного в кабинетах московского Кремля террористического акта, на своём боевом посту погиб первый Президент Чеченской Республики Ичкерия Джохар Дудаев. Во время очередной телефонной связи с Москвой по обсуждению вопросов переговоров, по месту нахождения Президента ЧРИ был нанесён вероломный ракетно-бомбовый удар с использованием системы космического наведения, в которой были задействованы не только российские

средства, но и спутники ряда западных держав. Вместе с Президентом ЧРИ погибли и его соратники — военный прокурор Чечении Магомед Джаниев и представитель Президента Республики в Москве Хамат Курбанов. Есть раненые и разрушения. Чеченское государство и народ понесли невосполнимую утрату: враг нанёс очередной удар прямо в сердце народа. Но чеченский народ не сломлен и из очередного испытания выйдет ещё более сплочённым и организованным для победного завершения войны с российским агрессором и обязательно победит. И никакие злодеяния, террористические акты, клеветнические измышления врага не способны поколебать нашу веру, убеждения. Последний зловещий акт окончательно очистил наш народ от всяких иллюзий по поводу возможности каких-либо компромиссов с преступным российским режимом. Правительство Чеченской Республики Ичкерия выражает уверенность в том, что мировое сообщество в лице ООН, ОНН, Совета Европы, ОБСЕ и других международных организаций, а также правительства государств, которым дороги принципы гуманизма, права человека и народов, торжество справедливости, со всей принципиальностью осудят этот очередной сатанинский акт государственного терроризма России против чеченского народа и примет меры по обузданию агрессора и международного террориста посредством политических, экономических и военных санкций. Память о первом Президенте Чеченской Республики Ичкерия — великом сыне чеченского народа и всего Кавказа будет вечно жить в наших сердцах и в сердцах потомков. Дело, которому посвятил свою жизнь Джохар Дудаев, победит и воплотится в свободу и независимость Кавказа.

АллахIу Акбар!

ЗАЯВЛЕНИЕ

Государственного Комитета Обороны, Парламента и Кабинета Министров Чеченской Республики Ичкерия.

Русско-чеченская война, развязанная преступным руководством Российской Федерации против Чеченской Республики Ичкерия, принесла нашему народу неисчислимые лишения и страдания, проявила на деле человеконенавистническую сущность российской государственной великодержавно-шовинистической политики и идеологии русизма, политики международного государственного терроризма. Ложь и лицемерие, цинизм и жестокость стали типичными для России в отношении чеченского народа на

протяжении многовековой истории наших взаимоотношений и с особенной ясностью проявились в период восстановления независимости с 1991 года по сегодняшний день. Эти же преступные намерения и наклонности были заложены и в основу действий российского руководства по осуществлению так называемого «плана по мирному урегулированию в Чечении» Б.Ельцина, обнародованного 31 марта 1996 года, ознаменовавшего новый этап геноцида чеченского народа под прикрытием циничной демократии. Вслед за массированными бомбёжками мирных сёл, в том числе Катыр-Юрта, Шалажи, объявленных зоной мира, под предлогом подготовки переговоров с Президентом ЧРИ Д.Дудаевым, российское руководство организовало и осуществило ряд террористических актов против высших должностных лиц Чеченского государства с применением космических систем слежения и наведения, в том числе и систем ряда западных держав, предоставленных России кругами международного империализма и колониализма. Очередной террористический акт, спланированный в рамках секретной части так называемого «плана урегулирования» кремлёвской кликой, был совершён 21 апреля 1996 года против Президента Чеченской Республики Ичкерия Джохара Дудаева в момент обсуждения по телефону с посредником условий переговоров, предлагаемых Москвой. По рабочему положению Д.Дудаева был нанесён ракетно-бомбовый удар. На этот раз враг достиг цели: в результате полученных ран первый Президент Чеченской Республики Д.Дудаев скончался. Дала гIазот къобалдойла цуьнан! Таким образом, ещё раз проявились вероломство и уголовная сущность российской империи. Москва показала, что она не признаёт никаких правил и аргументов в вопросах удовлетворения своих великодержавно-шовинистических амбиций, кроме как силы, что неоднократно подчёркивал великий сын Чечении и Кавказа — Президент Чеченской Республики Джохар Дудаев. Чеченский народ, народы Кавказа и все люди доброй воли Земли понесли тяжёлую и невосполнимую утрату, лишившись одного из бесстрашных и последовательных борцов за торжество идеи независимости народов и демократического устройства государств. Цель нового международного террористического акта российской военщины ясна: сломить волю чеченского народа и поработить его. Но в этот час великой скорби мы, соратники и последователи Джохара Дудаева, заявляем, что мы только укрепились в ненависти к агрессору и его приспешникам в необходимости с ещё большей решительностью нести знамя Джохара до победного конца. Победа будет за нами! Мы призываем чеченский народ ещё

крепче сплотиться в своей борьбе по защите Отечества. Ещё раз повторяем для тех, кто лелеет надежду закабалить наш народ под предлогом каких-либо «особых статусов»: чеченский народ велик своим духом свободы, и Чеченское государство не нуждается в чьих бы то ни было «статусах». Только полное уважение к воле чеченского народа, выраженной на всенародных выборах Президента Чеченской Республики 27 октября 1991 года и отстаиваемой им на протяжении последних пяти лет, добрососедские намерения и добропорядочность в действиях могут послужить условиями каких-либо взаимоотношений с Российской Федерацией и другими странами. Ни ковровые бомбометания городов и сёл, ни «новые Самашки», ни столетние войны, тем более, вероломные акты международного бандитизма и государственного терроризма, планируемые и осуществляемые Москвой против лидеров, не поколеблет решимость чеченского народа освободить свою землю от российской нечисти. Силы и возможности чеченского народа неисчерпаемы и зависят только от Великого Аллаха.

АллахIу Акбар!

Дала къобалдойла нохчийн къоман гIазот!

ОБРАЩЕНИЕ

Ассамблеи общественно-политических движений и партий за независимость Чеченской Республики Ичкерия

Чеченцы! Братья и сестры!

Наш народ понёс тяжёлую утрату. Совершено вероломное убийство первого Президента Чеченской Республики Ичкерия Дудаева Джохара. Убийство совершено в ночь с 21-го на 22 апреля вблизи села Гехи-Чу в момент проведения сеанса связи с посредниками по переговорам о мирном урегулировании российско-чеченской войны. Этот акт государственного терроризма, теперь уже очевидный всему мировому сообществу, показал подлинное лицо высшего руководства России и раскрыл суть «секретной части» так называемого ельцинского «мирного плана», который заключается в физическом уничтожении государственных руководителей Чеченской Республики Ичкерия. Организаторы варварского акта просчитались. Им не удастся заставить чеченский народ свернуть с законного пути борьбы за своё независимое государство. Несостоятельны надежды врагов и на подрыв единства руководства Чеченской Республики Ичкерия. Невосполнимая утрата ещё больше сплотила все слои населения

Чеченской Республики Ичкерия. Знамя свободы и независимости чеченской нации достойно несёт сейчас верный соратник Д.Дудаева Вице-президент Зелимхан Яндарбиев. Чудовищный террористический акт убийства Президента Дудаева Джохара ещё раз подтверждает невозможность нахождения Чечении в составе российского государства. Ассамблея общественно-политических движений и партий обращается к чеченскому народу с призывом тесно сплотиться вокруг Президента, Правительства и Парламента Чеченской Республики Ичкерия и как один встать на защиту независимого государства и достойно продолжить дело, за которое отдал жизнь великий сын чеченского народа Дудаев Джохар. Будем же верны последним словам нашего первого Президента: «Начатое завершите…» («Долийнарг чекхдаккхалаш…»). Дала къобалдойла нохчийн къоман гІазот!

АллахІу Акбар!
АллахІу Акбар!
АллахІу Акбар!

ЗАЯВЛЕНИЕ

общественно-политического движения «Исламан некъ»

В ночь с 21 на 22 апреля 1996 года Российское государство совершило преступление, венчающее всю его безумную политику последних лет — убит первый Президент Чеченской Республики Ичкерия Джохар Дудаев. Убит несгибаемый борец за независимость своего народа, последовательный выразитель одного из главных принципов цивилизованного человечества — права нации на самоопределение и образование собственного независимого государства. Преступление официальной России тем очевиднее, что Президент Чечении убит именно в момент достижения всеобщего согласия на мирные переговоры и подкрепления мирного процесса подключением к нему солидных иностранных посредников. Убийством Президента Чечении официальная Россия окончательно разоблачила себя в абсолютной чуждости правилам чести, доброй воли, мирного сосуществования. Она разоблачила себя в абсолютной фальшивости своих мирных деклараций. Все помнят, как сразу после достижения первого мирного соглашения по блоку военных вопросов от 30 июля 1995 года в российских СМИ началась активная дискредитация этого документа под тем предлогом, что «у армии украли победу». И Россия решила добиться этой чудовищной «победы» над чеченским народом. Те самые Лидице,

Орадур, Хатынь, Сонгми, перед которыми цепенеет в скорби человечество, методично и с ужасной неотвратимостью повторяет в Чечении Российское государство. Даже вступление России в Совет Европы не смогло прервать эту войну, укрываемую от цивилизованного мира то ширмой «внутреннего дела России», то беспримерной ложью, клеветой на чеченцев, якобы, создавших поголовно преступные города, сёла, что оправдывает их полное уничтожение. И города, сёла уничтожаются полностью — где сразу, где в несколько приёмов, чтобы с поистине палаческой изощрённостью поначалу скрыть задуманную полноту уничтожения. Ставшие возможными встречи чеченского Президента с посредниками, тем более, с теми из них, кто находится вне контроля российской администрации, могли высветить всю незаконность притязаний России, преступность её способов исполнения своих замыслов. Участие Президента Чечении в переговорах, на которые Россия оказалась вынуждена допустить иностранных посредников, могло открыть всю неправомерность отказа России вообще рассматривать вопрос о праве Чечении на независимость. Выход чеченской проблемы даже на ту степень международного уровня, что возникла при встрече чеченского лидера с иностранными посредниками, создавал для России проблему перевода её заверений в своей верности международным гуманистическим конвенциям вразряд практических шагов. Теперь Россия избавляется от этой проблемы. Вслед за убийством Президента Дудаева совершена попытка убийства его преемника — Вице-президента Яндарбиева. Россия делает всё, чтобы представить чеченцев на международной арене абсолютно несостоятельной в смысле политической самоорганизации массой людей. Президент Дудаев высказывал конкретные соображения по спасению ростков демократии в России от возрождающегося тоталитаризма. Он также выразил потребность дополнения принятого способа решения судеб мира волей политических лидеров непременным участием иерархов мировых религий. Без этого Президент Дудаев считал идею гуманизации жизни на Земле несостоятельной. Как государственный деятель, Президент Дудаев показал всю объективную непреложность идеи национальной независимости, выдаваемой официальной Россией за блажь отдельных «сепаратистов». Своей поистине мученической миссией Президент Дудаев показал, что обретение национальной независимости — составная часть мирового цивилизационного процесса, диалектически единая с общемировым прогрессом свобода конкретного народа, конкретных людей. Сегодня нет с нами первого Президента Чеченской Республики Ичкерия

Джохара Дудаева, но остался его светлый образ, призывающий нас завершить дело построения независимого Чеченского государства, построению которого он отдал самое дорогое, что у него было — жизнь.

Дала гIазот къобалдойла цуьнан!

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ

на пресс-конференции для зарубежных средств массовой информации Зелимхана Яндарбиева при вступлении в должность Президента ЧРИ, Премьер-министра ЧРИ и Главнокомандующего ВС ЧРИ 24 апреля 1996 г. в селе Гехи-Чу ЧРИ.

Я приступаю к обязанностям, которые возложили на меня ГКО, ПЧР, КМ ЧРИ на основании Конституции ЧРИ, значит, от имени чеченского народа, с твёрдым осознанием необходимости возвращения на чеченскую землю мира, и во имя этого мира возглавляю Джихад, во имя Аллаха и свободы чеченского народа. Если руководство России считает благом для себя и российского народа продолжение русско-чеченской войны, — это их беда. Мы вынуждены принять вызов. Мы же не считаем эту войну не только благом, но даже терпимым явлением и, тем не менее, в Джихаде, на который толкнула эта война чеченский народ, видим благоприятную перспективу для возрождения чеченского народа и Кавказа. Доведя свои военные преступления против чеченского народа до крайнего беспредела, Россия толкнула чеченцев на этот единственный — спасительный путь Джихада. А Джихад на пути Аллаха — есть спасение для души, является верным, прямым путём к вечной блаженной жизни, очищающим, оздоравливающим, облагораживающим. Продолжение Россией войны укрепляет нас на этом пути. А любые силовые действия, дискриминации, ущемления нашей генетической, исторической доминанты духовных, морально-нравственных ценностей — Свободы народа и личности есть продолжение русско-чеченской войны. В том числе и попытка оставить на территории Чечении-Ичкерии даже след российского солдата-оккупанта. Кто хочет мира с чеченцами, должен учитывать, прежде всего, это. А компромисс, действительно, разумный, был, есть и остаётся, как неоднократно подчёркивал Джохар. Только его нужно искать с учётом главного для человека чести — чеченца: полного уважения его достоинства и Свободы. До сих пор же получалось, что к этому стремилась только чеченская сторона. Россия же считала для себя это не обязательным.

И в этом большая вина международного сообщества и международной политики, внушивших ей, России, безнаказанность за любые преступления. Нам выпало доказать миру и России, что есть в мире адекватное любому её преступлению наказание. Это не было нашей изначальной целью, тем более, самоцелью, но это стало необходимым и неизбежным элементом нашей священной, Отечественной войны. И устранить любые подобные мотивы действия чеченской стороны можно, только устранив причины, их породившие, то есть войну, в полном комплексе. А не частично или приостановив боевые действия. На этом стоял и Джохар. Все устремления, планы, лозунги, намерения Джохара Дудаева относительно российско-чеченских отношений и реалий проблемы, в том числе и возможных компромиссов, остаются в силе. И главное из них — священное право чеченского народа на свободу и независимость. Я должен ответить на цитируемую реплику главы РФ о том, что Дудаев хотел войны… и прочие демагогические измышления со стороны российского руководства. Нет, Дудаев не хотел войны! Более того, он упорно добивался предотвращения войны и обострения конфликта с Россией. А вот руководство России, в лице Ельцина и его окружения, упорно навязывало нам эту войну с 1991 года. Вспомним слова Лобова на Совете Безопасности РФ осенью 1994 года перед самым началом российской агрессии, что Ельцину нужна «маленькая победоносная война». Если же Ельцина толкнуло на русско-чеченскую войну его окружение, в том числе и чеченские марионетки, то это, опять же, его проблемы: как ему с ними поступать. Но ответственность лежит на нём — он Президент РФ, а не Дудаев или Яндарбиев. Коснёмся и проблемы характера и причин войны: настоящая русско-чеченская война не порождена нефтяными, мафиозными, экономическими мотивами, причинами. Война порождена идеологией русизма, о которой писалось ещё в начале XX века, великодержавно-шовинистическим, имперским характером России, являющейся сегодня (что с ней будет завтра — покажет время) угрозой не только любым народам и государствам, но и принципам, даже намёкам на гуманизм, свободу, честь и достоинство народа и личности, если они — народ и личность — хотят обладать этими достоинствами в их истинных формах, тем более, если они рабски не поклоняются России. Конфликт межгосударственный, международный, территориальный, что принципиально важно для поиска и нахождения путей его разрешения. Необходимо сказать несколько слов и о пороках правозащитного движения в мире. Это: — неспособность опираться на принципиальные основы конфликта, явления,

породившие нарушение прав человека, норм гуманизма, международного права; — привязанность к политическим режимам своих государств или блоков; — неспособность до конца отрешиться от своих национальных и религиозных привязанностей. К примеру: попытки повлиять на колоссальные нарушения норм гуманитарного права в Чечении в этой войне не могут иметь достаточного успеха, если правозащитные и гуманитарные организации — международные, региональные и национальные организации, каждый их член, не будут способны признать русско-чеченскую войну русско-чеченской войной, а не «внутренним делом России», стоять на фундаментальных основах международного права и, прежде всего, права народа на самоопределение. Но, если подходить к проблеме, исходя из основы основ настоящего и многих других подобных конфликтов, они должны сказать об истинной причине насилия и несправедливости в мире, где так много международных организаций, «обеспокоенных» состоянием межгосударственных, межнациональных отношений.

Мир в лице ведущих политиков, политических систем захлестнуло лицемерие. Под прикрытием и с именем Бога на устах мировые политики глаголят и творят ересь. А лицемерие — самое тяжкое преступление перед Богом. Относительно дальнейших взаимоотношений с Россией, в том числе и наших подходов к так называемой «программе» Б.Ельцина по мирному урегулированию русско-чеченского конфликта, должен сказать, что эта проблема будет рассматриваться руководством ЧРИ только после предварительных результатов следствия на предмет конкретной причастности политического руководства России к убийству Джохара Дудаева. Если оно совершено по прямому указанию Президента РФ или Премьер-министра после 31 марта 1996 года, никакой речи о переговорах быть не может. Если же нет — подходы будут разрабатываться на основе изложенного выше.

Приложение к первой книге

Статьи 1989–1991 и 1992 гг

Предлагаемые в настоящем приложении статьи написаны в 1989–1991 годах и, в то же время, печатались на страницах газет БАРТ, КАВКАЗ, а в настоящем виде они вошли в сборник политических статей под названием «Комментарий к навязчивым мыслям», который должен был быть издан в августе 1991 года в Сухумском издательстве. Но, в силу ряда технических причин, указанный сборник вышел в свет только в начале 1992 года, а до автора дошёл лишь один экземпляр из 15 тысяч. Да и получив весь тираж, не было смысла предлагать его читателю, ибо, неизвестно по чьей вине, он стал образцом издательско-полиграфического брака. Фактически, тираж книги оставался в Сухумской типографии до начала грузино-абхазской войны, которую правильно будет назвать грузино-абхазским эпизодом имперско-кавказской войны, продолжающейся по сей день. Абхазские друзья были очень расстроены таким итогом наших общих издательских потуг, и тираж был придержан, с целью перепечатать его. Но развитие общественно-политических процессов в известном русле сняло этот вопрос вообще с повестки дня. В настоящем сборнике эти статьи издаются буквально в том виде, в каком они предлагались читателю в Комментарии к навязчивым мыслям. Хотел на этом закончить аннотацию к приложению, но звонок из Сочи прервал меня на фразе «… буквально в том виде, в каком». Звонил Гурам ГУМБА, который сообщил, что в типографии города Сухуми нашли 14 800 экземпляров Комментария… Что это: случайность или работа провидения? Но аннотацию я оставляю без всяких изменений. Только добавлю, почему статьи включаются в настоящее издание — именно без корректировки на время. Цель проста: чтобы у читателей была возможность в сравнительно-сопоставимом плане анализировать и трактовать события, изложенные в очерке. В преддверии независимости. Иначе говоря, — ради объективной истины в постижении сути и формы этапа национально-освободительной борьбы чеченского народа.

Да поможет нам в этом всевышний!

г. Грозный, 29. 01. 1994 г.

Суть и аспекты национального единства

Единство — один из самых употребляемых на сегодня терминов во всех языках народов СССР. Да, пожалуй, и мира. Им обозначаются политические демократические издания, парламентские группы. Единство! — один из главных девизов возрождающихся наций, опорный лозунг борьбы, начертанный ярчайшими красками на всех знамёнах национально-освободительных движений. О единстве нации, народа, этнической группы, общественно-политического движения, любого малого или большого человеческого коллектива пекутся все, и всем его не хватает. В сознании многих этот термин приобрёл некоторые элементы фетишизации. Как только не ратовали за реализацию его смысла! Кто только из политиков, жонглируя им, не обвинял своего противника в сепаратизме или экстремизме! Какие только варианты не претерпевал он даже за период с апреля 1985 года! Но мало кто задумывался над тем, что термин единство каждый раз, сообразно контексту употребления и общественно-политической ситуации, требует своей конкретизации через прилагательное и только тогда начинает работать в требуемом смысле. Рассмотрим его в самом злободневном на сегодня сочетании — национальное единство. Каков смысл, содержание, направленность и действенность национального единства применительно к чеченскому народу? В чём оно выражается и от чего зависит? Нужно сначала определиться: есть ли национальное единство в нашем народе или нет? Что оно есть, видно даже невооружённым взглядом. Сегодня оно есть в любом народе или этнической среде на территории СССР, и зависит не только от внутринациональных факторов того или иного народа, сколько от всеобщей политико-экономической реальности, в которой оказались все мы, народы Советской империи.

Почему мы тогда кричим о необходимости национального единства, призываем бороться за то, что есть? Видимо, дело в качественном наполнении понятия единство. А оно должно быть сообразно своему времени, задачам, стоящим перед народом, и условиям, в которых он оказался на данный исторический отрезок своего развития. Для каждого периода национального развития есть свои специфические аспекты проблемы единства и его приоритетные определения. И только верно обозначив их, можно конкретизировать проблему. А без конкретизации любое понятие недейственно, можно сказать, даже антидейственно своему смыслу. Значит, применяя его так часто, как сегодня, но не конкретизируя в своём приоритетном определении, термин единство может иметь эффект бумеранга. Что не редко, отчасти, мы и наблюдаем.

Чеченский народ осознаёт, что он единый национальный организм с единой верой, обычаями, привычками, языком, психологическим складом мышления, историей и многим другим, отличающим его от других народов, но, вместе с тем, ему назойливо навязывают необходимость быть единым… Это равносильно тому, как человеку, сидящему на коне, твердить: Вам нужен конь, без коня не обойтись, пешком вы никуда не дойдёте…, то есть говорить, всё что угодно, но путём игнорирования наличного коня внушать сомнение в его наличности. И самый большой эффект, достигаемый таким путём, — это нерешительность к дальнейшему движению. Чеченский народ сегодня очень похож на такого всадника. Народ, естественно, недоумевает, оглядывается в поисках этого единства, и, наконец, внушает себе, что единство — нечто необыкновенное, исключительное состояние или явление, недоступное ему в силу врождённых этногенетических недостатков. А на самом деле оно есть лишь обыкновенное состояние любого здорового национального организма.

Когда мы конкретизируем понятие единство как национальное, оно включает в себя все качественные аспекты проблемы и, прежде всего, её основу — национальное согласие. Но национальное согласие может интуитивно осознаваться, не включаясь в орбиту сознательного действия интеллекта нации в том или ином направлении, и, может быть, осмысленно задействовано в сферу её жизнедеятельности. От степени осмысленности и зависит коэффициент полезного действия.

Наличие неосознанного, вернее, неосмысленного, самим народом национального согласия есть предкачественное состояние единства, которое может быть развито до качественного состояния и может быть реорганизовано противодействующими силами в национальное брожение, отчасти, и посредством метода прямого отрицания наличных его моментов, как мы указывали выше, что легко перерастёт в противостояние. На последнее, вероятно, и рассчитывают, по крайней мере, если не те, кто болтает об отсутствии у нас единства, — то во всяком случае, те, кто способствует этой болтовне и поощряет её.

Расчёт, более чем верный: чеченцы психологически не приемлют никакую микросреду, в которой нет согласия. На этот счёт есть масса пословиц. Нет худшей характеристики для чеченской семьи, чем обвинение в отсутствии семейного согласия. Такое отношение автоматически переносится на любое общественное мероприятие, группу единомышленников, политическую организацию. В этой связи, слухи о

противостоянии и грызне между общественно-политическими демократическими организациями республики, распускаемые спецслужбами, во-первых, не соответствуют действительности, а во-вторых, имеют тактический подрывной характер и далеко идущие цели.

Для того чтобы сегодняшнее национальное согласие стало действенной силой, должно быть обозначено приоритетное для данного исторического момента определение этого согласия, через которое оно может трансформироваться в новое качество — единство, способное сконцентрировать энергию народа на главном, стратегическом направлении необходимого действия. Национальное единство чеченского народа должно быть осознано и осмыслено нами как политическое единство, как политизированная осознанность момента. Последние десятилетия чеченский народ жил неполитической жизнью, отторгнутым от политических процессов, протекающих в мире (даже у себя в республике). Вместе с Советской властью, которая не была принята народным духом (на некоторые причины этого указал А. Солженицын в Архипелаге ГУЛАГ), были отвергнуты и институты государственной власти, особенно политические. Делалось это разными путями и методами. В начале 20 — х годов и в 30 — е годы неприятие власти носило откровенно противоборствующий характер: абречество, мятежи, как пишет А. Авторханов, даже восстания, как следствие внутреннего протеста против грубого, безнравственного, невежественного вторжения коммунистического варварства в мир национального духа. Возмущение тем, что сулившие равенство, братство, дружбу принесли самую худшую форму насилия — духовную, нравственную деградацию, переросло в физическую форму отпора. Народ, всю жизнь отдававший приоритет морально-нравственным институтам общества перед грубостью канцелярского стиля государства, и боровшийся с ними в царское время (поэтому, в немалой степени, поверивший обещаниям большевиков), не собирался сдаваться. Но силы были слишком неравные. Десятки тысяч лучших людей были физически уничтожены, а обессиленный чеченский народ выброшен в необъятные просторы Средней Азии — вовсе не для того, чтобы сегодня, на исходе XX века, он мог представлять политическую силу.

Тринадцать лет высылки не похоронили чеченский народ, потому что вся энергия оставшегося в живых костяка нации была брошена для дела физического выживания: на этом самом тайном и никем ещё не описанном фронте борьбы, в недрах самого бесчеловечного из всех насилий над человеком, защищая

последний форпост истинной чеченскости, полегли потенциальные политики конца пятидесятых, шестидесятых, семидесятых годов. Но они сделали в своей жизни самую большую политику — сохранили нацию, которая, кстати, все эти тридцать лет мало вспоминала о них, но и не забывала, а придёт время — воздвигнет в их честь бессмертный памятник. Конечно, осознав, что физическим противостоянием ему не устоять, народ из чувства самосохранения выбрал тактику пассивной борьбы. Он просто самоотстранился от чуждых государственных структур, занялся восстановлением своего экономического авторитета: всё было чётко поделено на наше, то есть признаваемое полноценным и подчинённое закону морали, можно сказать, юрисдикции негласного национального права, и на их (не наше), государственное, мыслимое как ничейное, кое в чём незаконное, которое можно было и приватизировать (самым правильным определением которого будет трофейное). К государственным институтам и политической сфере то же самое отношение: осваивать осваивали, но, в основном, как хорошую возможность расширения сферы материальной деятельности. Государство можно было и обмануть, и проигнорировать. Короче: ты меня не трогай, и я тебя не трону! Отказавшись от активной политической борьбы, народ тихо выживал, даже в самые мрачные свои дни уверенный в том, что Аллах Велик, и Он ничего не оставит не отомщённым! О том, что жизнь кардинальным образом изменится, я, например, слышал в конце семидесятых годов.

В виду того, что сам народ отказался от активной политической жизни, власть приняла правила игры: отказ от политической сферы в жизни республики не только поощрялся, но и стимулировался колониальными властями. Чеченец или ингуш мог совершить любое экономическое преступление, находясь на номенклатурной должности, и его продвигали в другую клетку на доске государственной политики. Мало того, именно кадры с грехами и имели преимущество в борьбе за высокое кресло, тем более, на роль марионетки в политической деятельности. Честных, безгрешных и принципиальных людей на советские и партийные посты не пускали. Бдели зорко. Хотя и случался недогляд. Иначе говоря, делалось всё, чтобы самосознание чеченского народа ориентировалось на что угодно, только не на политику. Только во второй половине семидесятых наше национальное самосознание стало ощущать неестественность своего состояния. Скорее всего, по наитию, чем осмысленно, делались первые шаги в сознательную политическую борьбу отдельными смельчаками.

Хотя они и носили челобитный характер, но

свидетельствовали о качественных процессах в национальной психике. Это был уже период, когда народ начал достигать некоторой экономической самореабилитации, стали высвобождаться силы для политической жизни. Кроме того, стимулирующими факторами таких процессов были национальные проблемы и политические преступления колониальных властей. В этом ряду стоит проблема памятника Ермолову, который долгие годы детонировал взрывы политического протеста в среде национальной интеллигенции и студенчества. Культурная, историческая дискриминация, гонения на деятелей литературы и искусства, на общественных деятелей прошлого — всё откладывалось в основу будущего взрыва против политического бесправия.

Самым значимым и, пожалуй, политически зрелым, смелым действием за весь период так называемого застоя было политическое восстание ингушей в январе 1973 года. Его политизирующее воздействие на массы было огромным, в этом и было основное значение. Не только ингуши, но и многие чеченцы прошли эту школу политического всеобуча. И реальные плоды не заставили долго ждать — и положительные, и отрицательные. Последние, опять-таки, в силу исторических предпосылок, имели значение стимулятора новых действий. Власовское десятилетие в этом плане стоило республике дорого, но…

К счастью, политическая жизнь, как и вообще жизнь в республике, протекала не изолированно от всеимперской — она, в свою очередь, была только звеном в цепи всеисторического развития мира. Мы тоже, медленно, но верно, двигались к политической полноценности. В результате же имеем то, что имеем. Естественно, самосознание, дезориентированное в стратегическом плане и физически истощённое, не может так быстро освободиться от инерции пассивной борьбы, неполитического восприятия политического мира. Этим и пользуются, ибо именно политический аспект развития и определяет наш сегодняшний день. А степень политического единства, политическая неполноценность единства народа определяет его национальное самосознание, успех в борьбе за национально-государственное устройство, свободное, независимое политическое, экономическое, культурное развитие. Мир политизирован, и в этом качестве независим от нас. Более того, мы, как и все народы, целиком и полностью зависимы от этой политизации. Пытаться сегодня навязать народу неполитические средства и правила борьбы, неполитические структуры развития и взаимодействия с миром равносильно попыткам разводить морскую рыбу в аквариуме с пресной водой,

поставив его посреди океана. Это тоже, практически, возможно, но не имеет перспективы. Только политической диверсией или, в лучшем случае, политическим идиотизмом можно назвать попытки некоторых деятелей отрицать сегодня необходимость политических организаций в общественных структурах нашего народа. Их апелляции, главным образом, к тому, что в прошлом наш народ жил без политических партий, вызывает лишь снисходительную улыбку. Так, в определённые моменты своего прошлого все народы жили без политических партий, более того, кое-кто и по деревьям лазил.

Но мы же не собираемся туда возвращаться. Наоборот, все ратуем за развитие. А развитие, как известно, есть движение, и национальное развитие невозможно без политического. Ведь, не отказываемся же мы от транспорта из-за того, что в прошлом ходили пешком. Причина тут, видимо, иная.

В политизированном мире просто невозможно дышать деполитизированным воздухом. Такая попытка неминуемо приведёт к параличу национального организма. Да, были в развитии каждого народа этапы, его естественное развитие не требовало политических механизмов, а структуры саморегулирования были чисто традиционными. Но это было обусловлено иными социально-экономическими условиями, доклассовыми (или догосударственными) формами общественного развития или периодом самовосстановления после исторических катаклизмов, разрушивших тот или иной национально-государственный организм, когда физическое, экономическое и моральное истощение этноса требовало одного — выжить физически. Последний такой период для чеченского народа длился более тридцати лет, начиная с 1944 года. Нет, пожалуй, он длился больше века: с 1859 года Чечения была физически истощена Русско-Кавказской войной и на время сложила оружие. Во всех иных случаях, даже в доисторической государственности, существовали различные виды политических группировок. Разве что назывались они по-другому. Но важна не форма, тем более, название, а суть. В современном мире эти группировки оформились в чёткие структуры, которые выработали политическое развитие мира, что диктуют динамика и сложность процессов развития общества в его политическом, экономическом, культурном и этническом выражении.

Сегодня очевидно, что ни один народ не может нормально развиваться без своей государственности. Чем совершеннее форма государства, тем интенсивнее развитие. А совершенство государственности находится в прямой зависимости от степени независимости народа, образующего данное государство, и прямо

пропорционально совершенству политической системы. Это — аксиома даже для тех, кто кричит о ненужности политических партий. Но одно дело сознавать, другое — осмыслить. Говорить сегодня о современном национальном государстве и мыслить его без политической оснастки, которую выработал весь цивилизованный мир, и опыт которого доказывает её действенность, — по меньшей мере, наивно. Если быть исторически объективным, зарождение национальных партий у нас началось многие десятилетия назад, и более или менее чётко обозначилось после октябрьского переворота. Так называемый Атагинский национальный совет был политической организацией. Именно политические расхождения были причиной размежевания между ним и Шериповым Асланбеком, примкнувшим к большевикам. Надо заметить, именно отсутствие чётких структур, закреплённых уставом, во многом способствовало поражению названного совета в борьбе за влияние на массы. Политический строй является мозговым центром государства, от его совершенства зависит динамика развития, а стимулирует его совершенствование многопартийность. Говоря иначе — без государства, значит, и без политических атрибутов, сегодня может существовать, то есть развиваться, только народ, ещё не сложившийся как единый национальный организм и находящийся в архаической стадии развития. Но мы же мыслим себя развитым народом с многотысячелетней историей, а обозримый период нашего прошлого, с полным на то основанием, мыслим как период национально-государственного самовосстановления, проходящий через неизбежные этапы. Следовательно, нам необходимо выбирать: развиваться ли нам дальше в направлении государственного самовосстановления или же существовать с перспективой скатиться к национальной деградации и превратиться в атрофированную массу, какой хочет видеть нас имперский центр, и на осуществление чего он не жалел ни средств, ни сил. Уверен, что все выберут путь развития. Значит, мы выбираем путь политической организации нации, а это — политические партии, как бы кто их не именовал.

Необходимость выбора в организации общественных структур нации между традиционными и новыми формами, предлагаемыми характером и условиями общественного развития, — это вовсе не происки авантюристов и не амбиции групп, преследующих свои узкокорыстные интересы, а условия включения нации в общемировой механизм организации и регулирования социально-политической и экономической структуры государства, особенно при переходе к демократическим формам правления. Этот вопрос достаточно

исследован в политической науке. В каждом обществе, после того, как выявлены его противоречия, решающую роль играет осознание их людьми, организованными в политические группы. Это особенно верно, когда речь идёт о людях и группах, намеревающихся изменить ту социальную среду, в которой им приходится действовать, — указывает Джузеппе Боффа, автор выдающегося труда по истории СССР. (См. Джузеппе Боффа История Советского Союза, с. 27.)

Это, можно сказать, универсальный принцип организации политической борьбы, диктуемый самой жизнью, временем, социально-политическими условиями, порождёнными ими проблемами и, наконец, характером государственных структур. Тут никто ничего не выдумал и выдумать не мог.

Было время, были условия, когда чеченское общество функционировало посредством чисто тейповых структур. Но оно не было столь политически наэлектризованным и не находилось под политическим воздействием извне, а структуры его были сильно разряжены, и их затребованность самой общественной жизнью не носила систематического характера. Сегодня качественно иная ситуация. Уже полтораста лет традиционные структуры общественного механизма работают в тесной, в некоторой степени, даже принудительной увязке со структурами мощной европеизированной государственной машины. К этому добавилась необходимость создания национального независимого государства, реализация которой возможна только через политическую борьбу. Причин и условий, требующих переоснастки общественных структур, ещё много. Об этом можно будет говорить отдельно. Сказанного достаточно, чтобы понять эволюционный характер политических организаций по сравнению с родовыми институтами.

Да, политическая организация (партия) выступает своего рода антитезой родовым структурам, непременно и то, что она будет иметь на себе родовые пятна последних. И вовсе не безболезненно пройдёт этот качественный переход. Но неизбежность и необходимость налицо, ибо политика есть концентрированное выражение экономики, а тейповые структуры породили бы, вернее, усугубили бы тенденцию тейповых интересов в той или иной сфере экономической жизни, что не только чревато родовой монополизацией, но и парализовало бы саму экономику в государственном её выражении, породило бы хаос. Радетели неполитических форм и методов организации общественного развития, видимо, на инерции убегания к корням (что само по себе хорошо, но не во всех конкретных случаях) не успели ещё осмыслить эту сторону вопроса. Помешала ещё

отчуждённость от черновой политической деятельности в низах общественной жизни. Если выразиться словами историка-экономиста С.-Х. Абумуслимова: отвергнув политическую борьбу через политические организации, нашему народу придётся пожинать горькие плоды тейповых усобиц, именно нацеленных на обладание политико-экономической властью. А это пагубно для всего народа.

Итак, вопрос должен стоять не в плане: нужны нам или нет политические партии, а как органичнее вписать их в общественное сознание народа. Конечно, это порождает массу новых вопросов, и ситуация обретает новую динамику развития. Но это рационалистически фатальная неизбежность, диктуемая логикой общественно-политического развития. Закономерно встаёт проблема: как соотнести необходимость политического единства нации и необходимость политических партий, что очень непросто сделать в нашем обществе, где упорно насаждается мнение: если много общественно-политических организаций, значит, между ними нет согласия. Отсюда, естественно, напрашивается единственный вывод, что вновь создающиеся демократические организации разобщают народ. Это иезуитски коварно настроенная ловушка обывательского, политически невежественного сознания. Особую опасность таит в себе приём политической дискредитации идей многопартийности через параллель между новыми партиями и КПСС, дискредитировавшей себя перед всем миром как организатора всех мыслимых и немыслимых преступлений XX века.

Для КГБ самым удобным контингентом при проведении этой диверсии против демократических партий оказались некоторые религиозные авторитеты. Они уже признают и подчеркивают, что КПСС натворила много бед народу, а затем уже проводят главную мысль: хватит нам одной партии, нечего создавать ещё новые. Новые преподносятся как идентичные компартии — преступные только лишь тому, что называются партиями. Этот же приём распространён и среди части интеллигентствующей псевдодемократии, выступающей радетельницей неполитической структуры общества. И те, и эти ни словом не заикаются о том, что областной комитет имперской партии должен быть распущен.

Напротив, своими безответственными и политически невежественными словопрениями выгораживают КПСС от справедливой критики.

Во-первых, многопартийность, как убедительно демонстрирует развитой мир, не только не отрицает политическое единство народа, а, наоборот, формирует и развивает его. Во-вторых, мы говорим о политических партиях,

опирающихся на родной национальный организм. Национальные партии типа КПСС, конечно, для чеченского и любого другого народа, находящегося в подобном ему положении, не были и не могут быть стимулирующей силой национального политического единства.

Последнее нельзя трактовать как отрицание межпартийной интеграции народов в современном мире. Наоборот, максимальная интегрированность политических партий и систем, народов друг в друга напрочь исключает слияние, мыслится политической перспективой современности. Могут возразить: КПСС тоже состоит из интегрированных национальных партий. В чём разница между интеграцией партий и имперскостью структур? В чём ошибка большевиков? Кстати, её сегодня повторяют все вновь возникшие партии России, а под видом объединения всех демократических сил Союза делается новая попытка создать новую имперскую партию. Ошибка большевиков состоит в том, что они подменили суть межпартийной интеграции слиянием партии разных народов. Попросту говоря, тогда такого понятия и не существовало, и сама проблема межпартийной интеграции тоже не стояла и не мыслилась. То есть была создана РСДРП, подразумевавшаяся, в основном, как партия, выражающая интересы русского народа. Затем, как её звенья, создавались национальные по форме (территориально), а по сути — интернациональные местные организации.

В период борьбы за власть, когда она мыслилась как всеобщее национальное освобождение из-под гнёта царизма, порой даже укрепляло партию большевиков. Но после завоевания власти большевиками сразу же обнаружились непримиримые противоречия между имперским характером РСДРП и успевшими уже стать более или менее национальными её организациями. Период общности их целей был закончен, ибо вопрос завоевания власти вообще — основной для русской её части, был решён полностью, а главный для национальных организаций вопрос — национальное освобождение народов, как вдруг выяснилось, только стал первым пунктом программы этих организаций. Что можно и возможно было в мононациональном государстве — невозможно и недоступно бывает в многонациональном. Вспомним слова А. Авторханова о том, что Ленина интересовало не создание независимых национальных государств, а создание национальных коммунистических государств, подчинённых единому центру. Если разность задач между русской частью большевиков и национальной частью местных организаций в какой-либо республике выявилась не сразу, то это объясняется только тем, что в подавляющем своём большинстве национальные

организации состояли из русских. И как только национальный состав в них начинал превалировать, эти противоречия неизбежно обнажались. Следствием чего, как правило, были частые чистки на местах и репрессии.

Поведение большевиков вытекало из тактических заготовок, сделанных ими ещё задолго до начала революционных событий, исходя из многонационального характера империи. Вот как комментирует А. Авторханов одно из совещаний РСДРП в феврале 1913 года: «Совещание отметило, что в предстоящей революции малые нерусские народы России будут играть важную роль. Надо заручиться их поддержкой в пользу партии. Для этого совещание рекомендовало, а ЦК утвердил как главный лозунг по национальному вопросу следующие положения: признание права угнетённых царской монархией и нацией на самоопределение, т. е. на отделение и образование самостоятельного государства. Тут же ЦК делало оговорку, сводящую на нет только что объявленное право нации на самоопределение, говоря, что право нельзя смешивать с целесообразностью и что партия будет решать национальный вопрос каждый раз конкретно, в интересах классовой борьбы пролетариата за социализм».[2]«Ленин на все явления жизни — национальные или интернациональные — смотрел с одной единственной точки зрения: насколько данное явление приближает или удаляет его от власти…как использовать данное явление или бедствие в интересах завоевания власти. Если возникла коллизия между интересами существования нации и интересами борьбы за власть, большевизм предпочитал интересы борьбы за власть».[3]«Национальный вопрос всегда был функциональной величиной генеральной стратегии большевизма. Таким он был на путях завоевания власти до революции. Таким он остаётся на путях удержания и укрепления этой власти после революции. Поэтому постановка национального вопроса, подход к нему, характер его решения менялись в зависимости от изменения стратегии партии и её ближайших целей. Таким образом, национальная политика партии, в строгом смысле этого слова, не была даже политикой вообще, а была тактикой партии, которая менялась каждый раз, когда менялась общая политика партии». Так характеризует А. Авторханов отношение большевистской партии к решению проблем национальных меньшинств Российской империи в другой своей книге Империя Кремля.

Отношение большевиков к национальным структурам внутри своей партии говорит только об эволюции такого взгляда, сообразно времени и ситуации. В той же Империи Кремля А. Авторханов на примере Украины указывает на причины и

следствия отсутствия до последнего момента национальных компартий в национальных республиках СССР.

«Когда Центральная Рада Четвёртым Универсалом от 22 января 1918 года провозгласила независимость Украины, украинские коммунисты не имели своей организации и, вряд ли, чувствовали её необходимость. Однако же русский центр не дремал. Большевики мгновенно оценили ситуацию. Обратимся к указанной книге:

«Спросят, где же была во время этих судьбоносных для Украины событий украинская коммунистическая партия? Да нигде. Такой партии вообще не было. Были отдельные большевистские группы, состоявшие преимущественно из русских, в промышленных районах. Парадоксально, но факт — украинской коммунистической партии нет до сих пор, есть коммунистическая партия Украины. Для того, кто не силён в знаниях национальной философии большевиков, тут как будто никакой разницы нет — КПУ или УКП. Однако для большевизма разница гигантская: большевики никогда не признавали существования в России (то есть в СССР. - З. Я.) национальных большевистских партий среди нерусских наций. Были лишь территориальные организации, прямо подчинённые раньше РСДРП, РКП(б), ВКП(б), а теперь КПСС. Есть украинский народ, есть украинский язык, есть даже Украинская Советская Социалистическая Республика, но нет украинской коммунистической партии, как нет русской, грузинской, армянской, узбекской и т. п. компартий, а есть коммунистическая партия Грузии, компартия Армении, компартия Узбекистана.

Это сделано для того, чтобы подчеркнуть, что все они не национальные, а территориальные организации, руководящие своими республиками, в качестве филиалов московского ЦК партии (единственная затея создать УКП принадлежала социалисту и самостийнику Владимиру Винниченку, когда он с группой с таким названием в 1920 году вошёл в состав украинского Совнаркома как заместитель председателя правительства, но, узнав, с кем имеет дело, убежал в том же году на Запад). Если, например, украинцы или грузины говорят наша партия, то они имеют в виду только КПСС».[4]

Основная опасность, таящаяся в любой национальной партии, в том числе и компартии, для любой империи (вернее, партии нации, находящейся в колониальной зависимости) — это осознание политически организованной группой необходимости решать задачи, стоящие перед её народом, в максимальной независимости, особенно от имперского центра и его структур.

Поэтому и недопустимо создание такой партии, даже если она классически коммунистическая. Ленинская гвардия прибегала для этого к любым средствам и действиям. «В 1917 году, когда она пришла к власти, в состав Центральной Рады входили все национал-демократические и социалистические партии Украины, среди которых не было только одной партии — партии большевиков Украины, ибо никому из украинцев и в голову не приходило создать такую партию. Её создали только в июле 1918 года на первом съезде КП(б) Украины, который проходил не на Украине, а в Москве. В последнем факте — вся зловещая символика новой эпохи, положившей начало образованию новой империи — Советской империи. На этом съезде лжеукраинцев присутствовало 212 делегатов, из которых больше половины были русскими, евреями, поляками, латышами. Остальные были обрусевшими украинцами с имперским (рабским. — З. Я.) мышлением. Смешно сейчас читать писания советских историков, когда они обоймами перечисляют активных украинских коммунистических деятелей того времени, среди которых такие украинцы, как Ворошилов, Орджоникидзе, Гамарник, Феликс Кон, Дзержинский и другие (как похоже на Чечено-Ингушетию, когда в любой обойме коммунистов того периода встретишь кого угодно, но не чеченцев и ингушей, кроме ставших дежурными фамилий А. Шерипова и Г. Ахриева. — З. Я.), а те, кто были действительно украинцами (Чубарь, Затонский, Скрыпник, Любченко, Гринько и др.) были ликвидированы в последствии как шпионы и буржуазные националисты. Конечно, инквизиция Сталина была вполне интернациональной, и он в те годы никого не уничтожал, руководствуясь лишь одним расовым признаком. Однако анализ жертв Большого террора 30 — х годов показывает, что именно среди украинской партийной и беспартийной интеллигенции жертв террора было в несколько раз больше (а в Чечении почти поголовно истреблялись чеченцы. — З. Я.), чем в центральных областях России. (А. Авторханов Империя Кремля.)

Теперь мы подошли, пожалуй, к самому важному для нас моменту анализа национальных организаций КПСС:

«В установлении Советской власти на Украине, вернее, в аннексии Украинской Народной Республики Советской Россией, украинские коммунисты сыграли двойственную роль: с одной стороны, они верили Ленину, что Украина, даже советизированная, останется независимой республикой (как верят наивные чеченцы сегодня демократическому руководству России во главе с Ельциным и Хасбулатовым, последний из коих является новоимперской наживой в новой тактике старой национальной политики единой неделимой России. — З. Я.), а с другой стороны,

по поручению Москвы, они фактически держали курс на систематическое выкорчёвывание корней украинской национальной идеи и её носителей».[5]

Иначе говоря, коммунистическая партия Украины была создана с подрывной целью, чтобы не допустить самоопределения Украины в независимое государство и провести эту антиправовую акцию под видом победы коммунистической идеи в национальном самосознании народа.

Способствующую этому роль сыграло, как раз, и политическое невежество масс украинского народа. Подобная тактика применялась большевиками абсолютно во всех национальных республиках разваливающейся Российской империи. Применяется она и до сих пор. Не претерпела существенных изменений и роль национальных компартий в национальных республиках, хотя некоторую панику в монолитность КПСС внесло отделение компартий балтийских республик, Грузии и потеря ими власти. Сильнее оказался её плацдарм в автономных образованиях. Конечно, здешние обкомы тоже перестраиваются. Если раньше, например, обком КПСС Чечено-Ингушетии выполнял задачу идеологического диктатора по отношению к коренному народу, то сегодня он является, по существу, пятой колонной в процессах национального возрождения, главным направлением удара которой является фронт национально-освободительной борьбы в этих процессах. Несколько в иной плоскости рассматривает вопрос о национальных компартиях Д. Боффа, но его вывод подтверждает анализ внутрипартийных процессов РСДРП(б), ВКП(б), КПСС, сделанный А. Авторхановым:

«Большевики никогда не высказывались в пользу федерального принципа в организации партии.

Идея эта была окончательно отвергнута в 1919 году на VIII съезде, где вновь получила одобрение твёрдая объединительная позиция, и центральные комитеты национальных компартий были приравнены к простым областным комитетам РКП(б). Растущий централизм усилил эту тенденцию. Когда в 1920–1921 гг. образовались азербайджанская, армянская и грузинская компартии, то они были поставлены в подчинение не только Центральному Комитету в Москве, но, кроме того, и его региональному бюро для Кавказа — Кавбюро, которым руководил тогда Орджоникидзе. Весной 1920 г. ЦК украинской компартии, выбранный, правда, лишь незначительным большинством голосов IV конференции КП(б)У после острого внутрипартийного конфликта был распущен московским центром».[6]

Еще более сложную эволюцию проделали партийные

организации в Туркестане. «…Не удивительны поэтому резкие колебания численности: от первоначальных 2 тыс. человек до 57 тыс. к концу 1919 г., затем сокращение почти наполовину и снова рост до 42 тыс., потом ещё сокращение в результате следующей чистки 10 тыс». (там же).

Не будем занимать место и время, приводя цитаты из фундаментального труда по истории Советского Союза известного английского советолога Эдварда Карра, который, рассматривая единственные проблемы, приходит к идентичным выводам о природе и характере компартии России. Желающих отошлём к изданию:

Эдвард Карр. История Советской России. Большевистская революция 1917–1923. Книга 1. Такова борьба русских большевиков за имперские структуры своей партии, её цена и последствия.

Кстати, за них в будущем немало пришлось расплачиваться и самим русским большевикам. Перед историей одинаково сурово караются любые неверные действия — и умышленные, и неумышленные. Верховный суд истории не квалифицирует их по степени криминальности: выносит приговор по общему результату. Нам достаточно того, что сегодня КПСС является имперской партией, чтобы оценить её роль в сегодняшних политических процессах и сделать соответствующие выводы.

Закон несовместимости целей и задач действует в любой политической среде, где есть различие национальных интересов. Наднациональные партии, как бы они не назывались, были и будут имперскими, и они одинаково нетерпимо относятся к независимым национальным партиям, всячески стараясь поглотить, а то и просто ликвидировать их. Демократическая партия России уже сделала несколько таких попыток под разными предлогами и лозунгами консолидации демократических сил России, посредством различных форумов, в том числе, и созданием региональных центров. Основной курс всё тот же КПСС-овский, то есть слияние… А что это такое, мы говорили выше. Почему возможно межпартийное слияние в мононациональном государстве, но противопоказано в многонациональном образовании, где каждый народ претендует на своё собственное государство?

Поскольку принцип политической борьбы зиждется на доминировании политической программы другой, то любое слияние партий различных народов привело бы неизбежно к доминированию национальных интересов одной части над национальными интересами другой.

Вследствие этого во главе партии, образовавшейся слиянием

партий разных национальностей, становится национально многочисленная группа, обретающая имперский характер.

Опять-таки, яркий тому пример КПСС, которая сегодня, даже при самом искреннем своём желании, не в состоянии изменить характер своих политических структур, ставших после Октября механизмом национально-политического подавления самосознания народов. Против таких неизбежных аномалий в имперской партии единственно верным средством является отделение национальных организаций от центральных структур, образование абсолютно независимых структур, нацеленных на выполнение национальных задач. По этому пути пошли, как мы отмечали, в балтийских республиках и в Грузии — и это стало важным, во многом, решающим моментом в достижении политического единства народами этих республик. Сразу же после отделения компартий этих республик от КПСС выявилась их неспособность к политическому лидерству при отсутствии поддержки имперского центра — ЦК КПСС. Итак, о национально-политическом единстве сегодня мы можем говорить только в отношении мононационального организма, и обеспечивается оно во многом межпартийным единством. Как явствует из опыта, республиканская организация КПСС не может быть политическим выразителем национальных проблем чеченского и ингушского народов.

Не может — в силу объективной зависимости от имперского центра. Следовательно, нужна другая политическая сила, способная обеспечить выражение национальных интересов, и ею может стать только новая партия, зародившаяся на новой национальной почве и опирающаяся на неё. Именно такая партия и сможет объединить вокруг себя общественно-политические силы республики для политического единства, что явится новой ступенью национального согласия и межнационального доверия.

Конечно, в плане развития политических структур на межкавказской основе встаёт вопрос межпартийной интеграции политических партий Кавказа. И это уже вопрос давно назревший, могущий стать мощным внешним фактором национального единства как каждого народа Кавказа в отдельности, так и в целом, уже как основной внутрикавказский фактор. Но это уже отдельная тема.

Не будем спешить: в отличие от империи, которая рушится, у нас впереди целая вечность. Мы не будем откладывать и начало отсчёта нашей вечности, для чего необходимо всем, единым фронтом, действовать во имя её.

Июнь 1991 г.

Да, сегодня, кажется, объективнее будет признать закономерность состояния, в котором очутились наши народы, то есть Кавказ. Но эта закономерность неестественна, она следствие не развития нашего и даже не революционных скачков, как нам вдалбливали, а эволюционного движения — протаскивания наших народов через неестественные им формы бытия, чуждые революции, под чужими знамёнами борьбы. Да, наша неестественная закономерность обретена нами (навязана нам) вследствие насильственного включения наших народов — их бытия и духа — в систему исторического, мировоззренческого социально-политического и экономического развития русского народа.

Соприкосновение Кавказа с Россией, начавшееся сотни лет назад, сегодня, как никогда раньше, обнаруживает свои перманентные противоречия, которые выдавались коммунистической идеологией за классовую борьбу бывших полудиких народов, благодаря прогрессивной роли завоевательской политики империи и Октябрю, включённых в процесс ломки старого мира. Марксистко-ленинская диалектика прекрасно усвоила, что при соприкосновении народы имеют тенденцию сближаться, но она совершенно не узрела перманентный характер национальных особенностей, которые при длительном их игнорировании неизбежно переходят в противоречия. А противоречия между такими постоянными величинами, как народы и их особенности, неизбежно имеют устойчивый характер.

Сегодня это можно вычислить. Но для этого необходимо отказаться от ленинско-сталинских догм о неизбежности слияния наций, тем более, искусственного слияния. Развитие мира показывает, что этнические группы, сложившиеся в нации, не могут сливаться с другими, а их развитие всегда сопровождается ростом национального самосознания, которое, освобождаясь от рудиментарных наростов обособленности, стремится к максимальному сближению с другими, вместе с тем, национальной независимости, переходящей зачастую в разнообразные формы борьбы. Кавказ может служить живым и ярчайшим примером. История Кавказа — история развития кавказской расы, с множеством сближений и обособлений этнических групп донациональных формаций, и есть доказательство неистребимости любого национального духа.

«Лишь в кавказской расе достигает дух абсолютной идентичности с самим собой, лишь здесь вступает дух в

совершенное противопоставление с природой, познаёт самого себя в своей абсолютной независимости, освобождается от блуждания между двумя крайностями, достигает самоопределения, развития своей сущности и тем рождает мировую историю. Прогресс мировой истории начинается с пути кавказской расы», — говорит Гегель в Философии духа. К сожалению, ни историческая, ни философская мысль современного Кавказа ещё не достигла подобной глубины самопостижения. Хотя действия кавказцев говорят об интуитивном ощущении нами своего феномена.

В мире нет односторонних процессов, не исключение и Кавказ. Но плюсы и минусы далёкой и ближней истории этого уникального во всех отношениях края не осмыслены нашими народами, значит, и не задействованы в полной мере ими порождённые факторы. Свои геополитические преимущества кавказцы чувствовали подсознательно, что являлось фактором их стойкости, способности сохранить себя в самых экстремальных условиях. Более самих кавказцев Кавказ осмысливали евроазиатские народы, особенно Россия. Этим и объясняется та планомерность, настойчивость, жёсткость и последовательность, которой придерживается Россия при любом государственном строе и режиме в вопросе обладания Кавказом. Одной из многих причин такого настойчивого отношения к Кавказу является пограничность нашего края — геополитическая и этническая. Вспомним историю завоевательских походов на Кавказ — они охватывают практически все четыре стороны света, а наиболее активно посягали на Кавказ с севера и юга. Уникальность Кавказа усиливается и тем, что здесь не только в плане культуры, но и этнически сошлись Европа и Азия, Запад и Восток, слившиеся в понятие кавказскость. Кавказ, таким образом, лежит между и в пределах двух континентов — политически и даже географически. Между Западом и Востоком. Это исключительное преимущество нам предстоит осмыслить не только в этнокультурном, но и с философской стороны.

В мире трудно найти два соседских народа, которые в обозримом периоде истории не имели военных столкновений с завоевательской целью. Исключение можно сделать только Кавказу, народы которого, как престижность, осознают свою единую кавказскость. Иначе говоря, Кавказ в сознании человечества воспринимается и живёт как отдельный континент со всеми присущими ему особенностями и вытекающими отсюда обстоятельствами. Может, поэтому и был этот непризнанный континент так стоек в своей борьбе за свободу — у Кавказа было сознание единства, которое порою не так крепко у отдельных

даже народов. Более того, вполне закономерным кажется то, что кавказскость иногда может мыслиться не расовым признаком, а в какой-то мере, даже национальным. Умозрительно это не только допустимо, но и напрашивается.

А. Авторханов говорит об этом вполне утвердительно: «Несмотря на диалектические различия в языке и даже наличие отдельных племён, северокавказцы-горцы составляют, по данным истории культуры и этнографии, в сущности единый народ, состоящий из родственных между собой племён»[7]

То же самое можно сказать и в отношении всего Кавказа, включая и народы некавказского происхождения, ибо сегодня они достаточно окавказчены во всех отношениях. Именно с точки зрения кавказскости и необходимо рассматривать сегодня любые политические процессы на Кавказе и любые идеи обустройства в национально-государственном плане. Это будет нашей точкой опоры в борьбе за национальное возрождение. Плюс к этому исключительная приверженность к идеалу свободы. Свободы и личной, и национальной, не желающей признать даже условных рамок, ограничивающих её. Сочетание индивидуальной и коллективной свобод, максимализм независимости, который цивилизаторской России казался дикостью, а на самом деле является концентрированным выражением свободного духа, есть кавказский характер.

Однако нельзя отрицать и наличие деформации в кавказском самосознании, возникшей вследствие российской и советской имперской политики. Тяжёлые, вплоть до геноцида, формы этой политики в прошлом общеизвестны, и нет необходимости их напоминать. Нам важны сегодняшние факторы и формы. Идея национального возрождения является сегодня всеобщей в мире. Но для народов советской империи, тем более, для Кавказа, она должна быть осмыслена и осуществляться через национальное освобождение, иначе она останется неосуществимой. Более того, национальное освобождение должно мыслиться не только в узконациональном, традиционном понимании, но во всекавказском контексте.

Это тем более важно подчеркнуть на фоне кавказского сепаратизма, который проповедуют некоторые представители кавказских народов, явно с подачи имперского центра. Заблуждения, подобные тому, что какой-либо кавказский народ может достичь свободы и возрождения в отрыве от остальных, игнорируя единство Кавказа, есть заблуждения роковые, а в отношении судеб Кавказа они носят подрывной, стратегический характер. Эти заблуждения провоцируются и поддерживаются имперским центром, опираясь на межнациональные кавказские

конфликты (ингушско-осетинский и ему подобные), создавая при этом у обеих сторон иллюзии, что решение данной проблемы возможно и всецело зависит от России, так как является её внутренней проблемой. И обе стороны наперегонки, перебивая друг друга, бросаются в имперские объятия, тем самым, разрывая кавказский круг. Обе стороны видят только этот путь и не ведают, как он пагубен, прежде всего, для них самих, не говоря о том, что есть другой — верный путь: решать свои проблемы через общекавказский дом (конечно, сначала обустроив этот дом). Но как это сделать? Вот вопрос вопросов для кавказцев. Для этого, в первую очередь, Кавказ должен посмотреть на себя: каждая кавказская республика должна осознать, что она является историческим членом Кавказского государства, функционирование которого прервано на время. Затем все дальнейшие действия должны быть направлены на то, чтобы наладить структуры этого единства — и политические, и экономические, и культурные. Должны быть выявлены как факторы, работающие на единство, так и факторы, разрывающие это единство. Особое внимание должно быть уделено религиозному фактору, ибо он может стать как объединяющим, так и разъединяющим. Если учесть, что имперский центр его и использует во вторую очередь — противопоставляя мусульман и христиан, то работа должна вестись не в плане создания приоритета одной из религий, а в плане объединения их потенциала, что, опять-таки, возможно сделать только на идее кавказскости.

Я — кавказец. Вот позиция сегодняшнего патриота любой кавказской национальности, вот его политические приоритеты, его лозунг и идейная опора. Кавказскость — вот наша национальность в деле национального освобождения. А азербайджанцами, абхазами, грузинами, армянами, осетинами, абазинами, ингушами и чеченцами, народами Дагестана и даже казаками мы будем после, когда освободим Кавказ. Или не будем никогда. Альтернатива кавказскости одна — ассимилированная, безликая народная масса коммунистической империи. Я выбираю — КАВКАЗСКОСТЬ.

1990 г…

Евроазиатскость, или мысли по поводу…

Читая «Империю Кремля» Абдурахмана Авторханова, я невольно остановился на его мыслях о природе русского характера. Позволю себе процитировать несколько фраз:

> «Расширение Руси привело к сужению, а потом и к ликвидации свободы русского человека. Человек, который хотел осчастливить других, стал самым несчастливым человеком в мире» (стр. 354).
>
> «Обещанный рай на Земле обернулся величайшим в истории обманом. Однако великий народ не имеет права пользоваться привилегией быть обманутым. Надевая цепи на самого себя, он не смеет заковывать в них другие народы… Более того, на русском народе лежит ответственность за его прямо-таки сказочное терпение» (стр. 355).

Пребывая под обаянием этих мыслей, я, тем не менее, ловил себя на том, что продолжал внутренне полемизировать с ними. На это даёт мне право (хочется на это надеяться) мой собственный опыт и мои далеко не сторонние наблюдения над жизнью малого народа в империи в течение последних десятилетий. Так или иначе, родились эти заметки.

Многовековая история Российского государства достаточно богата анахронизмами перманентного характера, переходящими в разнообразные комплексы субэтнического развития, что ставит в затруднение, если не сказать больше, сознание европейцев, привыкших к ясности и чёткой логике поступков и их мотивации как личности или индивидуума, так и национального характера. В том или ином понимании эти анахронизмы общественного развития или производные от них проявления частного характера отмечались многими выдающимися умами, пристально следившими за колоссом на глиняных ногах, который оказался достаточно устойчивым именно в политико-экономическом плане, который, более всего, и имел в виду великий французский просветитель, формулируя свой скептицизм.

Если поставить целью проследить анахронический ряд в судьбе государства Российского, наверное, целесообразнее будет начинать с географического фактора- евроазиатскости территории. Закономерно, что это, в свою очередь, порождает социально-политический анахронизм: евроазиатскость и жизненного уклада, и экономического устройства, и политико-государственных структур, и характера власти, независимо от её идейно-политической платформы, что опять порождает психологический анахронизм — евроазиатскость.

Проследив историю России именно в этом плане, мы придём к не совсем безосновательному заключению, что бич её евроазиатскости, особенно со времён татаро-монгольского владычества на Руси, и является главным элементом некоей её

загадочности для стороннего наблюдателя. От Ивана Грозного, который ввёл на Руси институт царей, до Николая II, который подвёл под него трагическую черту, ни один монарх не может похвастаться тем, что ему удалось освободить свою страну от этого порока. Хотя нелишне будет заметить, что все они неосознанно сознавали его и боролись с ним самым решительным образом. Самой яркой фигурой в этом плане является самый великий реформатор России Пётр I. Сочетание европейской решительности в реформах с азиатской деспотией в их проведении и в самом правлении народом до сих пор охраняет завесу таинственности его природы. Так и вся династия Романовых, и Россия, творившая их, и общество, творимое ими, с загадочностью русской души.

Эта загадочность или загадочная закономерность и толкнула российскую громадину в пучину октябрьского переворота, идейным знаменем которого оказалось не стремление к социальному освобождению, как предполагали непосредственные исполнители кровавого действа, а всеобщее переустройство мира на базе недочитанного до конца Капитала К. Маркса. И в этом смысле ещё рано гадать: что оказалось сильнее — мировая история или российская евроазиатскость. Спор далеко не закончен.

Конечно, мир давно себе уяснил, что Россию уже не отгадать, что умом Россию не понять и аршином общим не измерить. Не измерить именно потому, что она размыла свои границы не только этнически, но и географически. Размыла, конечно, в попытке переварить и чужие пространства, и чужие народы — и возродиться в новом качестве. Здесь вырисовывается мысль, что Россия всю тысячу лет своего государственного развития никогда не пользовалась внутренним потенциалом, не занималась саморазвитием, наращиванием своего опыта, выработкой своих законов, а пыталась перенять чужое, готовое, наработанное чужим опытом. Именно поэтому её реформаторство бывало недолговечным, заводило в тупики не только её саму, но и всех, кто волей истории оказывался в фарватере её исторического движения. Каждый поворот её мыслился шагом, движением вперёд, но оказывался только зигзагом перед очередным виражом к чужому опыту. Конечно, наблюдая со стороны, европейскому педанту трудно принять поэтическую формулу: в Россию можно только верить, ибо он видел, что как раз этого нельзя делать. Ведь, верить нужно во что-то ясное, предсказуемое, но никогда в загадочное, о котором, как о некоем божьем даре, избранности, кричит её передовая общественная мысль.

Россия не только сама тяготеет к принципу развития через

чужой опыт и модели, но и прививает такой характер народам, оказавшимися под её крылом. По сути, такое развитие не что иное, как разновидность ассимиляции, причём, весьма эффективной, ибо воздействует на корневую систему нации — философию, психологию уклада, политико-экономическую систему мировоззрения, постепенно деформируя мировоззренческую систему. Коварным оружием в современных ассимиляционных процессах, стимулируемых имперским центром, являются разнообразные формы коллективизма, к которым вечно тяготела Россия. Чтобы понять неприемлемость культа коллективизма для чеченского духа, до-статочно будет отметить одну из ярких черт характера чеченца — индивидуализм, который принято было до сих пор порицать. Коллективизм, тем более, в его идеологизированных формах, в том числе и социализм, названный Ф. Хайеком частным случаем коллективизма, и индивидуализм — вещи несовместимые. Ф. Хайек хорошо иллюстрирует это в своей книге «Дорога к рабству», указывая на то, что «в основе современного цивилизованного мира лежит именно индивидуализм, уходящий корнями в христианство и античную философию, который, впервые получил полное выражение в период Ренессанса и положил начало той целостности, которую мы называем теперь западной цивилизацией. (Вопросы философии», 10, 1990, с. 121.)

Следует только добавить, что ознакомление с Кораном позволило бы уважаемому автору с не меньшим основанием дополнить свой вывод тем, что в этой божественной книге проповедуются принципы взаимодействия индивидуальной и коллективной свобод.

«Его (фундамента западной цивилизации. — З. Я.) основной чертой является уважение к личности как таковой, т. е. признание абсолютного суверенитета взглядов и наклонностей человека в среде его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования, — развивает свою мысль Ф. Хайек. — Я не хочу употреблять слово свобода для обозначения ценностей, господствующих в эту эпоху: значение его сегодня слишком размыто от частого и не только всегда уместного употребления. Терпимость — вот, может быть, самое точное слово. Оно вполне передаёт смысл идеалов и ценностей, находящихся в течение этих столетий в зените и лишь недавно начавших клониться к закату, чтобы совсем исчезнуть с появлением тоталитарного государства». (Там же.). Для полноты параллели добавим, что в характере чеченского народа индивидуальное я всегда уравновешивалось именно терпимостью, вернее, терпеливостью

(собар), которую сравнивали с величавостью горы.

Именно привычка искать на стороне свой жребий, тяга к чужому, в том числе и общественно-политическому опыту, заставили Россию прибегнуть на очередном повороте судьбы к столь иллюзорной идее коммунистического рая, выработанной чисто европейской мыслью, но ею даже не принятой к программному действию, ввиду её исторической несостоятельности. Что Россию уже никому не отгадать, блестяще подтвердила и эпоха горбачёвской перестройки, что является прекрасной иллюстрацией её евроазиатскости.

Могут возразить: мол, азиаты проживают в довольно большом количестве в составе любого развитого европейского государства и на американском континенте, и не порождают подобной проблемы анахронизма. Да, достаточно европейцев проживает и в азиатских странах. Но в качестве просто диаспоры того или иного государства, в своём этнокультурном, этнополитическом микроклимате, не претендуя на государственную концептуальность своего мировоззрения. Но географически и в полном объёме Европа и Азия соединились лишь в России. Самое главное: этносы, составляющие её народонаселение, проживают на своих исконных территориях, и каждый этнос претендует на то, что его мировоззрение и должно определять государственную политику.

Выявляется ещё одна грань анахронизма: каждый из народов, входящих в Российское государство, оказывается включённым в своей действительности в двойную систему координат политико-экономической жизни. Эти, фактически, две системы, накладываемые друг на друга, образовывают этнопсихологическое поле, отрицающее в отдельности и европейскую, и азиатскую системы.

В такой системе ценностных и временно-пространственных координат идея, опосредованная общечеловеческой мечтой о земном рае, естественно, и могла надолго привиться, так как она мировоззренчески помогала европейской и азиатской системам нейтрализовать друг друга, создавая иллюзию признания за каждой из них приоритета в неразрешимом споре. Но над обеими системами довлеет третья — русская, феномен русского самосознания, и этнически, и географически разделившегося на европейскую и азиатскую части и, вместе с тем, пытающегося остаться в своей первозданной природе. Что невозможно.

Если из всего сказанного сделать вывод о природе и характере Российской государственности, можно отметить, что правители России всегда тяготели к абсолютному: например, к абсолютной монархии, как и народ к абсолютно доброму царю,

чему и способствовала евроазиатскость. Если евроазиатскость для первых была препятствием в реализации потенциальных качеств, то для вторых она была генератором мировоззренческого хаоса — источника всех бед, значит, и бед всех народов, включённых в орбиту политического влияния государства Российского. Долготерпение русского народа, таким образом, давило на другие народы, потому что являлось объективным препятствием на пути их национальной борьбы за независимость. Потому и понадобилось целых семьдесят лет, чтобы встряхнуться. А сколько лет понадобится, чтобы отряхнуться от этой евроазиатской архаичности, — неизвестно. Тем более, что большевизм очень хорошо вписывается в евроазиатскость самосознания среднего советского человека любой национальности.

Эволюция правления Горбачёва в сторону абсолютизации президентского правления говорит о том, что этногеографический дуализм природы государства Российского, вернее, СССР, не стал родным признаком и, вряд ли, станет им. Настойчиво заявляет о себе необходимость нахождения новой формы взаимоотношений этносов и двух континентов в рамках пространства, занимаемого нынешним СССР, которая примирила бы эти два естественных начала, противопоставленных неестественностью нынешнего их положения, что возможно сделать только путём освобождения народов, которое сделает более пространственной и географическую сетку каждого этноса, и систему координат межэтнического взаимодействия.

Путь к этому лежит через независимые государства народов, населяющих империю Кремля, в том числе единую и неделимую Россию, которая, с укреплением своих позиций суверенного государства в обновлённом Союзе, становится, по существу, основным фронтом против национального освобождения. Это, фактически, открытие второго фронта империи.

1990 г.

Истоки (национальный вопрос: проблемы и суждения)

Перестроечный этап внутреннего развития СССР не только можно, но и нужно охарактеризовать ещё и как кризис доверия к России. Как ни парадоксально, это происходит на фоне демократизации в целом общественно-политической жизни и укрепления её международного авторитета, основанного не на военной силе, а на признании на деле и принятии для действий во внутригосударственной жизни и международной арене

принципов и норм международного права, от которых так долго мы закрывались и открещивались выдуманными коммунистическими идеалами и социалистическими ценностями, обесценивающими нас как людей разумных. Вот, казалось, что со всем этим скоро будет покончено, основные рычаги для этого уже задействованы. А межнационального согласия, всё же, нет, и процессы национального возрождения только достигают своего апогея. И чем дальше, тем сильнее народы отталкиваются не только от ненавистного центра, но и от самой России, которая сама бьётся ещё в силках сверхцентрализованных политико-экономических структур советской империи.

Вроде бы, борьба России за демократические принципы и институты власти, тем более, её реальные шаги и достижения в этом направлении, оказывает благотворное влияние на политические процессы в других республиках империи, независимо от степени автономности их от центра. Тому примером сегодня может служить тот факт, что только с укреплением в российском руководстве демократических сил обрели реальную силу акты государственного суверенитета даже в республиках Балтии и Закавказья, являющихся флагманами в борьбе за национально-государственную независимость. Именно борьба русского народа за возрождение своей государственности в её конкретных атрибутах и естественных границах открыла народам окраин РСФСР простор для действий в своих национальных интересах. Ко всему сказанному можно добавить ещё и то, что все народы империи прекрасно понимают и осознают приоритет России в формировании политических процессов на всей одной шестой части Земли, да и во всей Восточной Европе. Осознают умом и сердцем. Всё равно кризис доверия к ней — факт очевидный для всего мирового сообщества. Говорить о скором его преодолении тоже не приходится. Наоборот, в некоторых аспектах есть основание говорить об углублении его форм, особенно в политическом плане, со стороны народов автономий РСФСР.

Такое положение, действительно, не назовёшь иначе, как парадоксальным. Но, всмотревшись внимательнее, мы приходим к выводу, что всё закономерно: болезнь нашего общественного развития, долгое время загонявшаяся вовнутрь, и, наконец, вырвавшаяся наружу, провоцирует разнородные воспалительные процессы — от социально-политических, экономических и культурных до национальных. Бациллы недоверия долгое время изнутри отравляли государственный и общенародный организм страны, а внешне всё было хорошо. Скрывая, то есть, пытаясь скрывать внутренние недуги, доведя организм до крайнего

истощения, и вдруг опомнившись, у нас попытались лечить его примочками. Но попытки оказались тщетными. Поняв это, наконец, применили демократические пилюли, но такими малыми дозами, что недуг в такой-то мере начал приспосабливаться к новой ситуации.

Это был начальный период перестройки, 1985–1986 годы. Как только увеличили дозу и разнообразили средства, вся внутренняя отрава вылезла на поверхность, и предстала перед нашими глазами в виде всевозможных политических, экономических, экологических, культурных и межнациональных гнойников и болячек. Картина оказалась настолько неприглядной, что и руководство страны, и народ, чуть было, не растерялись. Самым большим недугом оказался кризис межнационального доверия, особенно к России, как лидеру в союзе равных.

Кажется, в России, вернее, в Москве, высший эшелон власти не совсем понял причину кризиса и начал политику спасения доброго имени русского народа. Спасение именно от тех, кто прекрасно понимал, что сам по себе русский народ не является причиной всех этих бед. Во всём виновата подрусифицированная политика верхов.

Поставив неправильный диагноз, лекари спровоцировали новую волну аллергии национальных чувств других народов страны. Как следствие, возникли районы противостояния в национальных регионах коренных и некоренных жителей (во главе с русскими). Интерфронты в республиках Балтии и Молдавии возникли не изнутри, и вовсе не самостоятельно.

Затем они были трансформированы в общие, более позорные для политики центра Комитеты национального спасения. Все эти новшества были санкционированы сверху, где процессы демократизации в этих и других регионах страны, были приняты как посягательство на законные права всевластия подрусифицированной административно-командной имперской системы власти. Угроза была центром распознана правильно, но неправильно осмыслена, и меры воздействия оказались недействительными, то есть вызвали обратное действие ожидаемому — напряжённость нагнетается. Лихорадочно моделируются очаги напряжённости, чрезвычайные ситуации.

Подыскиваются экстремисты, сепаратисты. Трубя о правах человека, попираются права целых народов. Шагая к правовому государству, нагнетается бесправие. Путь к свободе, по-прежнему, тернист и кровав. И мир ещё раз убеждается в том, что политика, действительно, грязное дело, если её делать грязными руками и каменным сердцем.

Возня по поводу кровавых боёв в Грузии, Баку, Фергане,

вынесенная на телеэкраны всей империи, ещё раз подтверждает старую истину: прав тот, у кого больше прав, то есть силы. Уже в открытую, под неправильный диагноз, пытаются подвести соответствующий недуг. Делается ли это, чтобы скрыть некомпетентность врачевателей вконец расстроенного имперского организма или из-за политической недальновидности и иного невежества, но ситуация налицо: русский народ вновь и вновь оказывается противопоставленным другим, коренным народам в любом регионе страны, где процессы демократизации начинают обретать глубинный, исторически необратимый характер. Не противостоящим, а противопоставленным! Значит, кем-то! Искусственно вычленяя из региональных интересы русскоязычного населения, драматизируя неизбежные временные трудности перестроечных процессов, в национальных республиках создаются буферные проблемы, о которые начинают расшибаться стремительные потоки демократизации. Легче всего такая политика проворачивается в автономных образованиях страны, где национальный организм намного слабее, чем в Балтии и Молдове, Армении и Грузии, где разрыв между национальным правительством и народом фактически, пропасть, а язык и культура почти истощены в борьбе с инородными напластованиями, методично прививавшимися десятилетиями советской действительности, что, отчасти, в свою очередь, и есть причина кризиса доверия России сегодня.

С уверенностью можно сказать, что каждый мыслящий человек, сколько-нибудь соприкасающийся с политикой, задаёт себе ряд вопросов: Почему кризис углубляется, как его излечить? Какую позицию занять в вопросах взаимоотношений национальной республики с центрами — и РСФСР, и СССР? Вопрос порождаёт вопрос, ибо проблемы закладывались не год и не один десяток лет, а иные даже веками. Реакция на них — и со стороны народа, борющегося за национальное возрождение, восстановление своей государственности в полной форме, и имперского центра в лице российского или союзного правительства, медленно или лишь под всеобщим давлением уступающего ему в борьбе, — не может быть однозначной, она будет меняться в зависимости от конкретной ситуации. Не раз будут меняться ещё позиции обеих сторон по довольно прояснённым вопросам. Борьба будет вязкая, упорная, хотя исход её (это не вызывает сомнения) будет в пользу борющихся за национальное возрождение. Об этом говорит весь ход исторического развития мирового сообщества.

История человечества имеет непреклонное правило — двигаться в сторону развития общечеловеческого сознания,

приоритета общечеловеческих ценностей, но, непременно, через сознание конкретного человека, обретающего значимость и наибольшую перспективу интеллектуального, духовного самовыражения только через определенную национальную культуру, духовность, самосознание. Всё это обеспечивается народу свободой внутреннего и внешнего развития. Наиболее передовой и цивилизованной политико-экономической формой такой свободы для любого народа на сегодня является национальная государственность — независимое государство, во внутренней и внешней политике нацеленное на максимальное обеспечение нужд своего народа.

Конечно, это осуществимо в сегодняшнем мире только при гармоничном взаимодействии с остальным миром. В этой аксиоме развития мира, отчасти, кроется генезис кризиса доверия к России.

К месту отметить, что такие формы кризиса переживали все центры разрушившихся (вернее, разрушенных историческим развитием) империй, и их народы (народы, на эксплуатируемой силе которых держались империи) оказывались в таком же незавидном, но закономерном положении, в каком сегодня оказался и русский народ. Мощь любой империи играет двоякую роль для имперского народа: во-первых, вплотную вписывает этот народ в мировую цивилизацию; во-вторых, истощает его организм в постоянной работе с колониальными народами, в борьбе, большей своей частью, слепой, неосознанной, вынужденной в силу исторических обстоятельств, которая, в конце концов, переходит в амбиции и комплекс имперской нации, сопряжённые с апатией национального развития, что наиболее остро ощущается накануне развала империи.

Таким образом, можно сказать, что империя — одна из естественных форм развития человечества, и роль многочисленной нации в историческом плане незавидна, ибо для нации труднее всего её перенести, в связи с тем, что она преходяща, как и всё в этом мире. Осознание неизбежности и необходимости на определённом этапе исторического развития отказываться от исторической обузы, возложенной на него мировой цивилизацией, является для имперского народа моментом самоосвобождения, самоочищения от исторических комплексов. Кроме того, это будет моментом перехода данной нации, народа к истинно гармоничному взаимодействию с миром и путём к возрождению, генезис свободы самого несвободного в империи народа. Аксиома мир не терпит пустоты звучит ещё и по-другому: мир устремлён к равновесию, в том числе, и в мировом сообществе народов. Кризис и есть нарушение этого

равновесия. Мы обозначили внешние условия, питающие кризис доверия к России, причины глобального характера. Ну, а каковы внутренние условия, причины частного характера? В современном аспекте это можно представить так: упорное манипулирование центром русским вопросом в национальных республиках: возрождающиеся в недрах русской общественности национально-патриотические, порой открыто фашистского толка организации, в немалой степени влияющие на реанимацию в кругах русской демократии амбиций великодержавного шовинизма. Другое — наличие этнонейтрального пласта в народонаселении страны, как следствие политики слияния наций. В национальных республиках именно этот пласт является питательной средой для национал-нигилизма и рассадником псевдокультуры.

Существенную роль играют экономический кризис и попытки центра превратить его в политический аргумент в борьбе против национально-освободительного движения народов, стоящих на позиции отделения от СССР.

Ещё один важный фактор — территориальные проблемы между республиками и народами автономий, как следствие имперской перекройки этнотерриториальной карты за советский период.

Сюда же можно отнести проблемы национально-государственного и национально-культурного возрождения народов и этнических групп, а также фактическое нежелание центра признать приоритетными в национальной политике проблемы государственного возрождения малочисленных народов, находящихся в положении унизительной и дискриминационной второсортности, и процесс интенсивного развития проснувшегося национального самосознания, которое приходит в непримиримое противоречие с местом, отведённым ему в мировом историческом процессе подрусифицированной политикой.

В более конкретном плане межнациональный аспект проблемы понимается следующим образом: в начальный период перестройки центр, не решившись на коренную децентрализацию управления империей и действительную интернационализацию в союзной правительственной иерархии, спровоцировал центробежные процессы, прежде всего, у союзных республик, которые, несмотря на некоторую автономность, находились под политическим, экономическим и психологическим прессом вассальности. В новой ситуации их невозможно было увязать с принципами равноправия, начертанными на знамени многонационального государства. Чувствуя нежелание Москвы

коренным образом изменить ситуацию, республики вынуждены были идти на крайние меры, на что центр ответил кровопролитием.

Вторым аспектом является пресловутая автономизация, которая уже давно несовместима с насущными потребностями национально-государственного развития малочисленных народов и фактически является главным рычагом ассимиляции их в союзно-державных, а затем и в имперских нациях. Настойчивое нежелание руководства РСФСР обозначить исконные границы русского государства через создание в Федерации русской республики, на равных с малочисленными народами правах, узаконивает державное положение русского народа, что явится вечным генератором национального неравенства. А это означает консервацию межнациональных проблем для очередного витка истории, гарантируя вечное клеймо притеснителя русскому народу, что во всё более демократизирующемся мире ставит его в весьма незавидное положение.

Некоторый свет на причины нежелания российских демократов уравновесить все части федерации, которая преподносится ими как рай для ранее обиженных, но ныне великодушно реабилитированных малочисленных народов, проливает и интервью председателя Демократической партии России Н. Травкина:

> «Дальняя цель ДПР — Россия, устроенная не по национально-территориальному, а по административно-территориальному принципу. Автономий в будущем быть не должно. Иначе их придётся нарезать более сотни, и только русские не будут иметь своей Земли».

Если учесть, что парламент и президент России являются орудиями их политики, нетрудно себе представить: на каких принципах строится будущее равноправие российских народов, если они пожелают остаться таковыми.

Но современные аспекты кризиса доверия к России — лишь видимая часть айсберга. Его скрытая часть находится в глубоких водах океана истории, куда мы и попытаемся заглянуть. Российская империя ещё в прошлые века (с самой своей древности) принимала в свои объятия другие народы и племена. Вспомним походы русских князей; затем Ермака, завоевавшего Сибирь; взятие Иваном Грозным Казани и присоединение других земель; эпоху Екатерины. Даже легендарный Суворов приложил к этому руку. Вспомним также кавказскую эпопею XVIII и XIX веков, на вершине славы которой возвышаются такие фигуры, как Ермолов, которого никогда не покидало чувство, что он

россиянин и мечтал осчастливить Кавказ тем, что выставит голову последнего чеченца в музее; князь Барятинский, который, всё-таки, вонзил когти двуглавого имперского орла в сердце кавказской вольности, а на трёхгранных русских штыках принёс народам Кавказа цивилизацию крепостной России и милость своего императора… У каждого так называемого сегодня советского народа были и свои ермоловы, и свои барятинские.

Российская национальная политика прошлых веков отличалась от современной, прежде всего, разнообразием средств и методов: одних она обнимала мечом и картечью, других — дружественными вердиктами (типа Переяславской рады и Георгиевского трактата), по которым в её объятиях оказались Украина и Грузия, в отношении которых тоже было обещано равноправие, но получили они колониальный статус. По-другому тогда Россия не умела, и мировой опыт не позволял. Правда, миру вешалось о цивилизаторской роли жандарма Европы. Судя по некоторым источникам не только российской историографии, но и европейским, этому верили, уверовали даже в дикость свободы на том лишь основании, что обладатели не хотели менять её на крепостное право.

Россия всегда умела обещать народам свободы, но выражалась она в не совсем приглядных формах. Например, для Кавказа в нескольких переселениях в Турцию в XIX веке и в поголовном выселении в XX веке. Частично такие же прелести испытали и народы Балтии, украинцы, а о самих русских говорить не будем, так как относительно них всегда действовало в России крепостное право (рабство), хотя на их хребте и стояла сама империя во все времени, да и поныне стоит… Отчасти, эти фактические различия между обещаниями, данными Россией при принятии других народов под своё великодержавное крыло, и фактическим положением, в котором оказывались младшие братья после этого, и привело в конечном итоге к Февральской революции 1917 года, которая завершилась октябрьским переворотом большевиков. Но переворот не только не снял противоречия в национальном вопросе имперской политики, а наоборот, он только и поставил этот вопрос в полном его объёме. Трудно давалась пролетарским вождям наука равенства всех народов необъятной империи. То ли средства и методы (наган и декрет) не те были, то ли природная тяга к барству одолела, но наука эта так и осталась не освоенной большевиками, хотя Ленин и многие его соратники коренным образом пересмотрели свои взгляды на национальный вопрос.

Если Ленин хоть краешком глаза сумел увидеть ту бездонную пропасть, куда толкает Россию сталинский вариант

автономизация, то Сталин не только не увидел, но и не захотел увидеть это, а сделал всё возможное, чтобы заложить незыблемые основы для скатывания России в пропасть отчуждения от малочисленных народов. Но оба вождя, фактически, действовали в одном и том же направлении. Вина Ленина в этом вопросе даже более тяжкая, ибо он был символом новой эпохи, которая осветила путь народам к свободе под знаменем Октября. И достигалось это теми исключительными качествами, которыми он обладал, а именно тем, что «больше великодержавник, чем все русские цари вместе взятые, больше империалист, чем любой император в истории, Ленин, однако, не был русским шовинистом. Это было его колоссальным личным преимуществом, как политического деятеля в многонациональном государстве»..[8]

Эти качества позволяли вождю большевизма завоёвывать симпатии угнетённых народов и сдерживать свою имперскую натуру до конкретных исторических обстоятельств, которые бы востребовали их. Сталин шёл, действительно, верным путём. Верным и проторённым путём шли к ленинской цели и другие вожди. Все они провозглашали единство, равенство и расцвет нации в Союзе советских республик с правом на самоопределение всех без исключения народов бывшей царской империи, обещанным большевиками. Кто из угнетённых народов мог заподозрить большевиков, тем более, Ленина, в том, что их «интересует не создание национальных независимых государств, а создание марксистских национальных государств (колоний под видом автономных и союзных республик. — З. Я.), зависящих от одного марксистского центра», что «Ленин признаёт, и то условно, право нации на самоопределение при капитализме, но Ленин категорически отрицает право наций на самоопределение при социализме»..[9]

Поверившие в обещания большевиков народы сначала поддержали Октябрьский переворот, затем отстояли его своей кровью. Народам и деваться некуда было, ибо возврат к старому режиму ничего хорошего не сулил, а новое всегда заманчиво. Но разочарования ждать пришлось недолго: чуть укрепившись, большевики, опять-таки, во главе с гегемоном от «старшего» брата, перебили цвет русской и национальной интеллигенции, которая своим особым историческим чутьём определила, что замес на народной крови не может привести к добру. Вина национальной интеллигенции, как раз, и была в том, что она пыталась создать независимые национальные государства. Но местные большевики не мыслили себя и свой народ вне России, и опять народы были отданы под её власть, называющуюся уже

новой. Народы, в большей части, поверили местным и пришлым большевикам.

Конечно, свою роль сыграл и фактор тягот и лишений, перенесённых за период братоубийственной войны: людям хотелось установления стабильной власти, а советская ещё называла себя и народной.

Невежественные в политическом отношении массы не могли понять, что отсталая, безграмотная, бездуховная (после гражданской бойни над передовой своей частью) Россия не в состоянии сделать их равноправными. Для этого не было ни политических, ни экономических, ни культурных предпосылок. Обещанные народам свобода и равноправие были заменены суррогатом социалистического лицемерия и лозунгов, нивелирующих всё под единый подрусифицированный характер будущего рая. Опричники мифического коммунизма действовали чётко: ни поступка, ни мысли, ни вздоха, не соответствующих слову кремлёвского вождя, не допускалось. Подслушать, подсмотреть, донести на коллегу, на брата, на соседа значило — проявить комбдительность, соцсознательность, совпатриотизм. В национальных окраинах империи людей даже провоцировали на естественные национальные идеи, а затем всё это предъявлялось как обвинение в национализме и контрреволюционности. Осознав ситуацию, народы попытались противопоставить образовавшейся чудовищной машине какие-то традиционные формы самоорганизации, самосохранения, приходилось прибегать и к вооружённой защите, но силы были слишком неравные. Годы коллективизации, тридцать седьмой год и сороковые годы вместе с войной перемололи десятки миллионов жизней, а иные народы оказались подрубленными под корень и выброшенными на вымирание за тридевять земель от родных мест.

Затем были годы тихого геноцида всего национального, названные сегодня застойным периодом. В стране все усилия были направлены на то, чтобы унифицировать всё под единую общесоветскую культуру и экономику, советский образ жизни — и делалось это посредством русского языка, под знаком самой передовой русской культуры и так далее. Помнится, как в 1987 году на вечере встречи с А. Приставкиным в публичной библиотеке имени Некрасова был задан вопрос Анатолию Игнатьевичу. Записка гласила: «Вы говорили о необходимости развивать культуру, историю чеченцев, крымских татар и других малочисленных народов. Вы серьёзно так считаете или это было сказано для политической конъюнктуры?» Когда А. Приставкин с некоторым удивлением ответил, что он, действительно, считает необходимым самым серьёзным образом возрождать и развивать

культуру, историю всех малочисленных народов СССР, объявился и автор записки — молодой человек, лет двадцати пяти-восьми, элегантный, интеллигентный. Он представился, подчеркнул, что является членом «Памяти» и заявил, что считает совершенно недопустимым заниматься развитием каких-то там чеченцев, татар: у них ничего не было и нет — культуру имеют только русские, науку развивали только русские, историю творили только русские, об этом и должна идти речь. Добавив ещё что-то в таком духе, он покинул зал вместе, как мне показалось, с матерью, которая была решительным сторонником сына. Сразу же в зале выявились другие сторонники его (двое из них были ветеранами войны) и столь же решительные противники. Помню, как был неприятно озадачен Ст. Лесневский, пригласивший меня на этот вечер, а также группа старых интеллигентов, узнавших, что я представитель именно чеченского народа, трагедия которого описана в повести «Ночевала тучка золотая». Одна женщина преклонных лет, с чертами Анны Андреевны Ахматовой, даже прослезилась и сказала, что считает своим долгом попросить прощения у чеченского народа за тяготы, которые принёс ему её родной русский народ. Конечно, это было искреннее побуждение доброй души, хотя не все сочувствующие мне в тот момент, может, разделяли столь однозначную оценку роли русского народа в бедах малочисленных народов. Да я и сам не мог принять её столь однозначно, и был взволнован.

Но главной движущей силой во всех исторических процессах и в российской, и в советской империях был русский народ. Да, политику творил не народ, но претворялась она в жизнь именно мощью народа: где, открыто проповедуя его мессианскую роль (в это немалую долю внесли величайшие умы России); где, искусно играя на вековых чаяниях народа обрести простое человеческое счастье, построить рай на Земле (на такой почве была принята и идея коммунизма); где и силой. Главным движущим и несущим моментом в сталинской системе был механизм деления народов на главный, второстепенные и третьестепенные, во главе которых был формально поставлен русский народ, именем которого разыгрывалась национальная карта страны.

Конечно, в нашей оценке исторической роли русского народа в исторических судьбах народов страны неизбежно присутствует и доля субъективизма, но объективный взгляд народов, устремившихся сегодня к национальной независимости, препятствием на пути которых стоит всё та же Российская империя в виде СССР или РСФСР, с русским вопросом в каждой национальной республике, соответствует именно такому пониманию ситуации. Но и в таком понимании почти полностью

отсутствует желание поставить русских перед судом истории, что было бы крайне несправедливо: речь идёт о честном взгляде на историю империи, со всеми вытекающими отсюда последствиями, как осмысление ситуации в перспективном для каждого народа плане, переосмысление позиций, выработка нового мышления и подходов к межнациональным проблемам, для чего, в первую очередь, должны быть преодолены два барьера в национальном самосознании и русского, и других народов — это рецидивы имперского мышления, которые нет-нет, но дают о себе знать в критических ситуациях, и комплекс неполноценности, привитый самосознанию малочисленных народов реальным ходом событий нашей общей истории. И первый, и второй барьеры одинаково препятствуют и русским, и малочисленным (условно) народам, отчасти, являясь стимуляторами кризиса доверия к России.

Следует добавить, что в наше смутное время в среде русской общественности есть достаточно мощные силы, конечно, политического характера, которые приняли своё формальное имперское положение за действительное (та же Память и некоторые политические партии вместе с коммунистами России) или, может, возжаждали сделать её таковой, что, опять-таки, усиливает кризис доверия. Нельзя забывать: если даже им сегодня удастся подавить национально-патриотические движения или очередным обманом, посредством политических нововведений, как, например, расширенное толкование автономии, формальным признанием Декларации о государственном суверенитете нации в рамках его государства, то историческое развитие всё равно приведёт империю к очередному кризису в национальном вопросе, значит, — и в политической, и экономической системе. Только тогда это будет не просто кризис, а катастрофа, прежде всего, для России (возможно, что только для неё). На третий раз народы не обманутся, да и мир будет не тот. Если, конечно, до этого империя физически не уничтожит эти народы, что тоже, практически, невозможно…

Надо признать, изменения в имперской политике СССР произошли неимоверно большие и достаточно радикальные для политического мышления обывателя. Но, с точки зрения большой политики, произошли лишь неконцептуальные, тактические изменения, а сама концепция и стратегия имперского центра не претерпели существенных изменений. Это ни в коем случае не означает, что положение вещей будет законсервировано на сегодняшнем политическом уровне. До финала ещё далеко, но он предвидится оптимистичным. Укрепление внутри страны и внешнеполитической роли России, конечно, придаёт дополнительные импульсы политическим процессам не только в

самой империи, но и во всём мире. Кроме того, это расширяет возможности маневра внутри самой империи, особенно в национальной политике: фактически, образовываются два центра. Приход к власти в РСФСР демократов и Ельцина, затем и подкрепление его позиции президентскими выборами, несомненно, говорит о том, что кризис доверия может быть преодолён, но пути и условия его преодоления остаются все те же: признание за каждым народом права на национальную независимость и реализация этого права. Любые другие решения будут лишь промежуточными.

Многие многосторонние и многослойные процессы, протекавшие с начала перестройки, получили политическую увязку в моменте укрепления политического суверенитета Российского государства. Вместе с тем, качественно изменилась ситуация и внутри самой РСФСР: народы колониального статуса оказались на временном перепутье, видение ими путей решения своих национальных проблем разделилось. Часть из них стоит за национально-освободительными движениями, часть — за приверженцами пророссийской ориентации в новом демократическом качестве Российской империи (не все осознают, что империи могут быть и в качестве демократического государства); часть ещё не решила, за кем ей идти. И это перепутье чревато для наших народов новыми осложнениями. Идея национальной независимости становится базовой в политическом самосознании народов колониального статуса, и она имеет свойство материализоваться посредством борьбы. Значит, борьба только начинается, а её истоки мы отметили.

1989, май 1991 г.

Корни…

Всё-таки, почему народы нашей страны устремились, как модно стало выражаться, каждый в свою хату? Сегодня ли это началось? Наконец, в свою ли хату устремились эти народы? Кажется, такой вопросительный ряд обрекает нас на безответность. Но вопрос не всегда является только вопросом. Всё же, сегодня мало кого удовлетворяет ответ в форме риторического вопроса. Настало время собирать камни — не для отдельных личностей, а целых народов.

Исходя из библейского: вначале было слово, начнём со слов, десятилетиями довлевших над нашим сознанием, худо-бедно формируя его в определённом направлении, ибо это, в какой-то мере, определяет способность нашего общества воспринимать сегодняшние процессы в динамике, логике перспективы.

Десятками лет мы жонглировали приставками и суффиксами интернациональной терминологии русского языка, не меняя их сути ни при каких обстоятельствах, этапах и эпохах социалистического строительства, лишь каждый раз приспосабливая их к уровню мышления новых и новых выдающихся деятелей партии и государства, всё величие коих зависело от места в партийной иерархии, а пиком мыслимых и немыслимых мечтаний был пост генсека. Мы мало заботились о конкретном наполнении терминов. Жонглёры менялись, а уважаемая публика трепетала аплодисментами, в основном, бурными и продолжительными, особенно после очередной медали, каждого ордена или звёздочки, пристёгиваемых любимцем публики на свою отеческую грудь. Но отцы и вожди народа приходили и уходили, а народы оставались, потому что жизнь не могла прерваться. Хотя мы и думали, что ничего не меняется, народы, оказывается, менялись, развивались и не обязательно по чьей-либо указке.

Интернационализм, братство, равенство, дружба народов (и не меньше, но только не с кем хочешь, а с кем можно), счастье (всеобщее, так как мы не индивидуалисты, а люди коллективного разума), светлое будущее (коммунизм) — терминологический набор был чёткий, в красивых упаковках и бутафорски лёгок. Потому, видимо, и казались жонглёры исполинами. Хотя многие из публики понимали, что к чему. Но всем хотелось надеяться на лучшее, верить в достижимость одним махом вселенского счастья и таким библейским путём: Будь! тем более, если обосновывается это теорией и практикой (в этом тоже мы не сомневались) самого передового учения о переустройстве мира, доставшегося двадцатому веку (вовсе не совершенному, к тому же, и загнивающему). Тут ещё помогала и наша природная лень, которая не давала заглянуть в её многотомность, стоящую на книжных полках, и сверить верную дорогу, по которой так уверенно идём, с начертаниями вождей учения.

Таким образом, термины оказались единственно реальной движущей силой на пути нашего прогресса, то есть и движущей силой, и целью нашего движения, и формой, воплощавшей наши мечты. Порой и друг друга мы начинали воспринимать в цитатах из докладов на торжественных собраниях, в цвете почётных грамот, пяти — и десяти рублёвых премий на праздники, мгновенно воплощаемых в поллитровки, чтобы отметить свои успехи. А жизнь, разделённая на героические пятилетки (то есть расчленённая), уже чувствовалась и измерялась не днями, а их годами — начальными, основными, переломными, решающими и завершающими. Мыслили, как водилось, крупно, масштабно, по

социалистически, перспективно и, конечно, интернационально, потому что государство наше было многонациональным, и сам Бог велел быть флагманом интернационализма. Наша бутафория, которая была самая и самая, позволяла…

Самым модным словом в нашем лексиконе оказалось интернационализм, а также всевозможные производные от него. И как всякое модное, оно стало диктовать свои условия, и как всякий диктат, оно стало навязчивым, и как всякое навязчивое, оно стало превращаться в свою противоположность, то есть выполнять функции, прямо противоположные своей сути. Оно стало и ярлыком, и ярлыгой, и кнутом, и пряником, и похвалой, и ругательством — чем угодно, только не выражением извечной сути человеческой души, принципов человеческого общежития, даже законов развития любого живого и общественного организма. Для кого-то интернационализм становился довеском к компенсации, получаемой за спекуляцию своим кровным, национальным, за безнравственность и бездуховность, в виде денежного вознаграждения (подачки) или взятки, для другого — нагрузкой к своему истинному, интернациональному чувству, совестливости и человеколюбия. Для первого — удобной маской, для второго — несносным клеймом. Для первых — пропуском, входом со двора в престижные и доходные места, высокие кабинеты и личные покои генерал-губернаторов и их двора, для вторых — некрасовским парадным подъездом. Так, со двора, и входили в покои народом избранных другие народные представители: депутаты и народные судьи, представители народных правительств, народные вожди и вожди народов, а народные ходоки толпились у их подъездов в извечном поклоне, выпрашивая минуты внимания к себе и народно-национальным судьбам. А те, кто не хотел унижаться поклоном, становились изгоями монолитного общества, разбойниками государственных дорог, и кончали они плохо — кто под забором, у кого не хватило характера; кто на лагерных нарах в тюремной одиночке или в кабацкой драке, что было престижнее парадных подъездов.

А некоторые просто уезжали, чтобы показать миру истинное лицо народной демократии в самом многонациональном и процветающем государстве. Судьба изгоя объединяла всех и уравнивала в правах. Но, всё же, судьбы делились на национальные и русские: как центр и республики. Изгои национальных республик, правда, за пределами империи, считались малоперспективными, ибо там тоже действовали законы родной и инородной среды, и тамошние покровители диссидентов руководствовались во многом политико-идеологическими интересами. Изгои национальные, отчасти, по

этой причине, и не стремились за рубеж, хотя их положение было во много крат угнетённее, чем русских собратьев или евреев. Изгои национальные были не просто политическими фигурами, а националистами, что квалифицировалось как отягчающее обстоятельство. Самое страшное для последних было то, что их исконное национальное вытравливалось, а вместо того навязывалось советско-бутафорское. Подменялась жизненная почва их души. И делалось такое не только с отдельными людьми, а с целыми народами. Кровавыми руками тирании перекраивалась этнотерриториальная карта, грязными руками политиков переписывалась история, переориентировалась культура, извращались нравственные идеалы. Народы, которые хотели свободно идти бок о бок по столбовой дороге истории, привязывались друг к другу идеологическими путами, загонялись на узкую тропу ленинской национальной политики, тем самым, зарождая в них чувство неуютности и стадности вместо товарищества и братства… И они начали толкаться.

Из национально-народной гущи вылавливались самые недостойные, беспринципные, безнравственные люди и возводились на Олимп государственной власти на местах, а затем управлялись эмиссарами из метрополии. На Олимп и в покои высшей власти их возводили, конечно, только через чёрный ход, со двора, потому что они были посторонними для своих народов. Самое главное, они сами это прекрасно понимали и старались за десятерых, лишь бы не потерять доверия имперского надсмотрщика.

Так держалась система народовластия в национальных республиках и колониальных автономиях. Яркой иллюстрацией к сказанному служит случай, когда работник министерства лесного хозяйства, не имея других законных средств для защиты своих прав, чести и достоинства, прибег к крайнему средству: прямо в кабинете застрелил министра лесного хозяйства ЧИАССР Колотушкина — жулика и взяточника, безнравственного и аморального типа (так его характеризовали на суде даже русские). Но беда была в том, что сделал это чеченец, и убил он не просто министра, а министра колониальной власти, что во все времена и у всех народов каралось жестоко и безжалостно. И железное правило имперского возмездия восторжествовало. Оправдательный, по своей сути, приговор начальной судебной инстанции — лишение свободы сроком… был отменён, по решительному требованию общественности, и защитник своей чести был приговорен к расстрелу. А общественность, которая требовала сурового наказания для преступника, состояла целиком и полностью из национальной партийно-

административной верхушки, члены которой открыто писали, что наказанием за данное преступление может быть только высшая мера, в противном случае, их жизнь окажется в явной опасности. Конечно, все прекрасно понимали, почему и под чью диктовку они писали приговор несчастному.

Но это не было единичным случаем, а было типичным примером в национальной жизни одной из братских республик равноправного статуса. Кто не помнит, как поносились имена великих исторических личностей — шейха Мансура (как турецкого шпиона), Бейбулата Таймиева (как разбойника и грабителя), Зелимхана Харачоевского и других. Даже имена тех, кто пал за Советскую власть, были под негласным запретом: им не разрешалось ставить памятники, как и героям Второй мировой войны, только лишь потому, что они были националами по рождению. А как вытравливалась из народной памяти история, национальная культура, религия. Какая оголтелая кампания лжи и клеветы велась на выдающегося гражданина современности Абдурахмана Авторханова. Всегда, всюду устами и руками национальных выдвиженцев. Один из высокопоставленных комсомольских лидеров республики даже в 1988 году не сумел удержаться от исполнения политического поклёпа на своего великого земляка и, конечно, вовсе не бескорыстно: он вскоре пересел в министерское кресло. Такое творилось в каждой национальной республике, то есть в колонии, и это был закон её жизни, принцип братства имперского семейства, где властвовали от имени старшего брата.

Закономерно, что с началом демократической перестройки народы, которые возжаждали освободиться от колониальных пут, экономического и политического бесправия, от исторической бесперспективности, от оскорбительных идеологических стереотипов, шагнув свободно, разорвали унизительные цепи рабских условностей и устремились в свободное пространство. Да, это создало множество неудобств в экономической, социально-политической областях жизни народов, а судьбу империи поставило под угрозу развала, что и должно было случиться. Любой народ развивается лишь в тех формах и структурах, которые обеспечивают ему свободу естественной среды обитания.

И народы устремились к этой свободе, к естественному состоянию, пока ещё в этих процессах преобладают действия на разрыв. Но это только временное явление, переходное.

Необходимо прочувствовать это состояние, оглянуться в мир, осознать своё место и роль, утвердить себя как единый ценностный национальный организм. И вовсе не для того, чтобы

куда-то разбежаться. Ведь, разбегаться некуда: мир, действительно, тесен. Свобода никогда не означает отчуждения друг от друга. Наоборот, все живые организмы (и национальные, в особенности) самим Богом сориентированы на постоянное взаимодействие со всеми подобными им существами. Иначе, они исчерпали бы себя. Это неизбежно, так как в отношении обособившегося организма вступает в действие закон самоисчерпаемости — неумолимый и абсолютный. Нации и народы, не сообщающиеся с другими, обречены не только на социально-культурную и экономическую отсталость, но и на саморазведение. Только во взаимодействии сокрыт смысл и способность народов к бесконечному развитию, а значит, существованию, бессмертию. Без первого нет и второго. Ген взаимодействия является генератором энергии развития народа. Способность и стремление к взаимодействию — источник перспективы исторического развития, перспективы бессмертия.

Империи создаются матушкой-историей только для пространственно-временных целей политического развития и для определенной стимуляции народов к развитию через внешнее динамическое воздействие. Это своего рода временное орудие исторического развития. На такое предположение наталкивает функционально-смысловой анализ возникновения, развития и распада великих империй мира через призму всеобщего развития. Было бы верхом невежества с нашей стороны, и верхом наивности со стороны апологетов её предполагать, что наша империя избегнет закономерной участи всех предыдущих. Сегодня в политических процессах мирового развития главным фактором, как раз, и является развал Советской империи на национальные независимые государства с новой, цивилизованной формой межгосударственного взаимодействия. Не только политико-экономические, даже географические факторы говорят о нецелесообразности централизованного управления таким огромным пространством, как СССР.

«Держава наша настолько велика и разнообразна, что разумно управлять ею из одного центра невозможно, — пишет известный географ, кандидат наук Б. Родоман. — В географическом смысле Советский Союз — не страна, конгломерат стран; некоторые из них чем-то похожи на развивающиеся страны Азии, другие — на малые и средние государства Европы. Законы и постановления, не учитывающие географических различий, одним регионам приносят пользу, другим — зло, поэтому они обостряют межрегиональные противоречия и на СССР, в целом, действуют разрушительно или, что бывает чаще, не исполняются и быстро забываются. Чтобы

оздоровить громоздкую политическую систему, надо расчленить её на жизнеспособные подсистемы…».[10]

Автор указывает на ряд проблем, порождённых пренебрежением к географической науке, и указывает, что положение объекта в пространстве географы считают таким же существенным признаком, как физические свойства и функции. А с точки зрения географа, всемирно использовать местные ресурсы значит, в каждом месте делать, прежде всего, то, что можно делать только здесь. (Там же.)

Знать, что где можно делать, могут лишь те народы, которые самим Богом привязаны к данной местности. Значит, и законы государственного регулирования, следовательно, и само государственное устройство должны целиком и полностью определяться ими. Логический ряд факторов саморегулирования любого общественно-государственного организма образует замкнутый круг, куда входят политическая, экономическая, культурная и тому подобные целесообразности плюс географическая, создающая своеобразную пространственную оболочку, которая поддерживает параметры функционирования и жизнестойкости, и, конечно, развития каждой этнической единицы, народа. Не всегда форма развития конкретного национального организма может быть передовой, то есть соответствовать наиболее развитым структурам современного мира, а, наоборот, может быть в некотором роде архаичной, но вытекающей из его природы, логики исторического развития.

«Нередко говорят, что обострившиеся стремления многих частей СССР к политическому и хозяйственному суверенитету реакционны, так как противоречат наметившейся во всём мире тенденции к интеграции: кивают на объединённую Европу. Но прежде, чем интегрироваться, надо вырастить свободных участников интеграции, способных выбирать, с кем и как им объединяться… Деспотическая центральная власть, озабоченная самосохранением, старается укрепить империю, а на деле готовит ей крах, потому что разрывает все связи между людьми и территориями, кроме тех нитей, которые сама держит и беспрестанно утолщает. В конце концов, вожжи становятся тяжелее лошади, и повозка останавливается. Это касается и национального вопроса.

Если все народы порознь привязаны к одному столбу, и он рухнет, то они разбегутся, ничем не удерживаемые. А если есть какие-то прочные связи, помимо центрального органа, то от его ослабления сообщество не распадётся. Обновление советской федерации и народного хозяйства через децентрализацию с последующей интеграцией кажется золотой серединой, поскольку

крайности — возвращение к репрессивному тоталитаризму или стихийный распад СССР — пахнут кровью». (Б. Родоман, там же.)

Конечно, так и хочется подправить последний тезис в цитате, но, вряд ли, есть в этом необходимость. Мысль и так ясна и не требует логического завершения: свободное развитие каждого народа — единственная разумная перспектива и безальтернативная, с точки зрения перспективности.

Это осознали сегодня народы не только своим историческим чутьём. Беда вовсе не в том, что сегодня народы устремились осознать себя целостной формой исторического развития, и законченность формы не означает замкнутость от внешнего мира. Беда в том, что тысячелетиями народы взаимодействовали естественными, но не всегда прогрессивными формами. А за такие прогрессивные формы принимались лишь из-за несовершенства мира, а также потому, что жизнь, даже вопреки таким непрогрессивным формам взаимодействия народов, прогрессировала.

Вообще-то, прогресс жизни переносился и на них, то есть стремящиеся даже к взаимоуничтожению народы спасал эволюционный процесс самой жизни.

К сожалению, наши общественные науки трактовали законы взаимодействия народов, как законы взаимопоглощения. И взаимодействие принималось равнозначно столкновению. Инерцию такого мышления нам и предстоит преодолеть. Одной из её разновидностей является стремление определённой части людей представить нашему общественному мнению сегодняшние логичные процессы развития форм государственности народов бывшего СССР как некоторый хаос, создаваемый деструктивными силами национальных республик, или сепаратизм в его отрицательном понимании. Опять прибегают к подмене понятий, терминов. Памятуя, что слово участвовало в сотворении мира, мы, всё же, должны разъяснить людям: сегодняшнее размежевание народов по своим национальным государствам должно быть и будет доведено до логического завершения, и оно, по сути, станет моментом их объединения, то есть интеграции. А интегрироваться способны, как мы отмечали ранее, только независимые государства.

1989, май 1991 г.

Дьявол и слепой агнец (об имперском ошейнике и национальных квартирах)

Ни в коем случае не претендуя на оригинальность, возьмём, как исходную формулу, аксиому: СССР есть империя, где все

народы официально разделены на великий, большие и малые (или народности), то есть на имперские, младоимперские, вассальные, малочисленные, исчезающие и так далее. На протяжении более чем 70 лет существования, главной причиной беспокойства этой империи было то обстоятельство, что даже исчезающие из этих народов никак не желали безропотно принять свою судьбу, как бы её не навязывал, изощряясь в попытках представить её как перст божий, вовсе безбожный имперский центр, состоящий, как ни парадоксально, не из имперского народа (хотя политика делалась от имени этого народа и прикрывалась им), а из партийной элиты КПСС, слепо поддерживаемой многомиллионной армией одурманенных коммунистической идеологией её членов.

Это не означает, что одурманены были только коммунисты: блок коммунистов и беспартийных — так назывался союз дьявола и слепого агнца…

Но СССР сегодня — ещё и неудавшийся эксперимент истории, или, если угодно, в истории народов. И эксперименты, как бы мы не пытались себе это внушить, далеко ещё не закончены.

Сегодня мы с нарастающей тревогой следим за тем, как на различных форумах так называемой коммунистической партии (а на самом деле имперской), а затем на форумах подгосударственных структур, ведётся кропотливая работа с одной единственной целью — спасти и реанимировать то, что обречено самой историей, то есть империю.

Вспомним XXVII съезд, XIX партконференцию, XXVIII съезд, Пленум ЦК КПСС по национальному вопросу, Учредительный съезд КП РСФСР, съезды народных депутатов СССР и РСФСР, сессии парламентов всех уровней (отсчёт — с начала перестройки), чтобы убедиться в справедливости сказанного выше. Который раз красится и приукрашивается фасад нашей государственной посудины, давно сидящей на мели, каждый раз называя это перестройкой, при этом забывая, что перестроить невозможно, не разломав сначала хотя бы неправильно воздвигнутые конструкции, и, главным образом, не решив радикальнейшим путём национальный вопрос, что в переводе с политического лексикона на общепонятный означает: все народы (сто или миллион человек) должны получить ту степень свободы, самоопределение и суверенитета на своей исторической родине, какую они считают для себя необходимой на данный исторический момент развития. Это может быть только полный государственный суверенитет, то есть независимость во внутригосударственном устройстве и во внешних отношениях. Первейшим звеном в обретении народом государственной

независимости является политический суверенитет, без которого государственный суверенитет невозможен. Только свободный экономический рынок, научно-техническая интеграция в глобальных масштабах может стать действительным экономическим благом и необходимым условием для нормального, здорового развития любого мононационального, моноструктурного государственного механизма или общества суверенного государства, но для народов, находящихся в колониальной зависимости и борющихся за своё существование, за обретение своей государственности, прежде всего, необходимо пройти путь доинтегрального становления, возрождения или создания своей национальной, социально-политической экономической базы. А это напрямую зависит от степени независимости нации.

На это указывает Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (XXIV) Декларация социального прогресса и развития от 11 декабря 1969 года:

«Основным условием социального прогресса и развития считается национальная независимость, основанная на праве народов на самоопределение». (Принципы, ст. 3.)

Точнее, без суверенитета нет развития. Значит, задачей настоящего момента является завоевание политического суверенитета, образование независимого национального государства. Никаких оснований для промедления в этом вопросе нет и быть не может, кроме порождённых самой имперской колониальной действительностью. Как ни странно и ни неприятно будет кому-то это слышать, но путь обретения суверенитета не может быть безболезненным, особенно в экономическом плане. Следует ожидать и искусственных препятствий — не только экономических. Кстати, в настоящее время усиленно муссируется тезис о, якобы, ещё незрелости некоторых народов, опутанных кандалами советского типа автономии, к обретению суверенитета. Это не что иное, как проявление идеологии расизма, разделяющего народы на способных и неспособных жить в цивилизованном мире. Такая практика в международном сообществе давно осуждена. Но Советский Союз не собирается расставаться с ней по доброй воле, хотя и поставил свою подпись под соответствующим документом ООН. Резолюция 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 16 декабря 1960 года гласит:

«1. Все народы имеют право на самоопределение, в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют своё экономическое, социальное и

культурное развитие.

2. Недостаточная экономическая, социальная и политическая подготовленность или недостаточная подготовленность в области образования никогда не должны использоваться как предлог для задержки достижения независимости.»

Приведённую выше резолюцию дополняет и другая — Резолюция 3–1, 1–2 Генеральной конференции ЮНЕСКО Декларация о расе и расовых предрассудках от 27 ноября 1978 года, где сказано:

«П. 4. Все народы мира обладают равными способностями, позволяющими им достигнуть самого высокого уровня интеллектуального, технического, социального, экономического, культурного и политического развития.

П. 5. Различия в достижениях разных народов объясняются исключительно географическими, социальными и культурными факторами. Эти различия ни в коем случае не могут служить предлогом для установления какой бы то ни было иерархической классификации нации и народов».

Как видим, международное право не просто предусматривает возможность полного самоопределения всех без исключения наций и народов в независимые государства, но и выработало принципиальные условия для обязательного исполнения цивилизованным миром определённых обязанностей во имя продвижения безгосударственных народов по пути создания своих государств, а колониальных — по пути деколонизации, считая это единственным условием развития не только данного конкретного народа, но и всего мирового сообщества наций. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2621 (XXV) от 1970 года гласит, что государства — члены ООН — должны оказывать всю необходимую моральную и материальную помощь народам колониальных территорий в их борьбе за достижение свободы и независимости. Нужно ли доказывать, что, препятствуя народам в обретении государственного суверенитета, СССР, РСФСР и другие государства, действующие подобным образом, нарушают свои обязательства перед мировым сообществом?

Было бы несправедливо считать, что ответственность за невыполнение условий и норм международного права, выработанных ООН, лежит только на СССР или ином имперствующем государстве. Тут налицо противоречие глобального характера: страны ООН выработали условия международного права, исходя из общих законов общественного развития, но правительства стран, входящих в ООН (особенно в Совет Безопасности) и определяющих действенность её политики (типа США, СССР, Китая, стран Западной Европы), часто

действуют, исходя из узко-государственных интересов и своего понимания миропорядка, что зачастую приводит к трагическим несоответствиям духа и буквы документов ООН действиям этих держав, которые, фактически, содержат эту организацию, вследствие чего последняя вынуждена оглядываться на них. Это противоречие может быть преодолено вовсе не экономическим уровнем международного сообщества, хотя от этого тоже многое зависит, а мировоззренческим уровнем глобального характера. Вступление советской империи в лице СССР или РСФСР одной ногой в сферу действия международного права, естественно, диктует тактические новинки не только во внешней, но и во внутренней политике, в том числе, национальной. На свет появляются разного рода инсинуации, ссылки, толкования, доказывающие неспособность, нелогичность, невыгодность, неисторичность, нецелесообразность даже постановки вопроса о выходе той или иной республики (народа) из состава СССР или РСФСР.

Стоит даже мельком окинуть взглядом карту мира, как сразу же натыкаешься на несуразность мироустройства в плане непланового, несоциалистического, нероссийского подхода к национально-государственному устройству ряда государств, прямо скажем, по российско-державным меркам нерациональных, неспособных действовать самостоятельно, но, вопреки нашему разумению, существующих и развивающихся. Не одно государство, даже не два, а десятки государств, о существовании которых добрые социалистические и демократические патроны из Кремля скромно умалчивали. Видимо, чтобы не смущать нашу совесть за крайнее правовое невежество, национальную трусость и преступное спокойствие. Конечно, попутно преследовалась цель оградить себя от излишнего беспокойства.

Возьмём в качестве примера государство Науру, расположенное на одноимённом острове в Юго-Западной части Тихого океана. Территория — около 22 кв. км. Население 8, 5 тыс. человек, из которых коренных жителей 4, 4 тыс. Столица — Мененг. Официальные языки — науруанский и английский. (См. Страны мира — Москва, издательство Политическая литература, 1989, стр. 479.) Теперь постараемся представить себе, что собою представляет это государство и для ясности сравним её территорию: 22 квадратных километра — это один городской микрорайон или среднее наше село. А Чечено-Ингушетия с населением в 1 млн. 300 тыс. человек, более 70 процентов из которых составляет коренное население, в годы величайшей из перестроек заявляет, что официальным языком должен быть русский, то есть не решается провозгласить родной язык

коренного народа государственным. А вот маленькое островное государство и его 8,5-тысячное население имеют два официальных языка — науруанский и английский.

Но может его независимость ограничена, — возможно, подумает кто-то. Процитируем дальше: Остров Науру был открыт в 1798 году, а в 1888 году захвачен Германией. В период первой мировой войны Науру — подмандатная территория Великобритании, Новой Зеландии и Австралии, а после второй мировой войны — подопечная территория ООН под управлением этих трёх государств. В январе 1966 года остров получил самоуправление, а затем, в результате упорной и длительной борьбы, наурунцы добились независимости. 31. 01. 68 г. года Науру провозглашён суверенным государством.

На острове возделываются тропические культуры (в основном, кокосовая пальма), развиты рыболовство и кустарные ремёсла. С 1968 года действует пароходная компания, осуществляющая морскую связь с австралийскими портами Мельбурном и Сиднеем. Науру торгует с Австралией, Новой Зеландией, Великобританией, Японией и США. Кроме того, государство Науру имеет своего президента, парламент, политическую партию, словом, все атрибуты большого государства.

Таким образом, мы наглядно убедились, что территориальная ограниченность и малочисленность населения ни в коей мере не служат фактором, препятствующим образованию и нормальному функционированию независимого государства даже в бескрайних просторах Тихого океана, не говоря уж о таком земном рае, как Кавказ. Из приведённого выше примера явствует, что единственным препятствием на пути к национальной независимости и суверенности нации может служить неспособность народа бороться за свою свободу. Что наши народы до сегодняшнего дня ярко и демонстрировали всему миру. Если в прошлом веке и начале нынешнего столетия весь цивилизованный мир удивлялся храбрости, стойкости и жертвенности кавказцев в борьбе за свободу, то сегодня этот же мир может изумляться их политической беспомощности и неустойчивости против внешнего поработителя. Создаётся впечатление, что наши народы тратят себя на личностный эгоизм и не способны к коллективной свободе. Что само по себе в корне неверно. Но десятилетия гнёта в рамках российской и советской империй притупили у народов чувство национальной независимости, а кавказская хваткость реализовывалась исключительно через экономическую и бытовую сферы жизни, изменили ориентиры национального сознания. Единственное, что

в этом мрачном прогнозе даёт нам шанс так это то, что ещё не всё потеряно, не полностью наше сознание переключено на неполитическую жизнь. Именно из этого арсенала возрождаются силы, ведущие (вернее, стремящиеся) повести свои народы к полной свободе от какого бы то ни было соседа. Это, естественно, раздражает и возмущает Кремль.

Особую тревогу у империалистов СССР и РСФСР вызывает желание, а кое-где и настойчивые попытки так называемых малочисленных народов высвободиться из состава РСФСР, стать равноправными с русскими и другими народами. Порой доходят даже до абсурда: мол, народы, входящие в РСФСР, не имели до 1917 года своей государственности, их история не знает борьбы за национальную независимость против России, их вхождение в состав Российского государства состоялось в процессе естественного становления и развития русской государственности. В подобных измышлениях Хасбулатова Р. И. (тогда ещё первого заместителя Председателя ВС РСФСР) трудно определить, чего больше — политической близорукости, исторической некомпетентности или спекуляции судьбами своего и других народов в угоду великодержавной идеологии сомнительно-демократичного парламента России. Кому-кому, а ему надо бы знать, что эти народы пережили даже не одну форму государственности, ещё задолго до столкновения с Россией. Хотя бы вспомнить об имамате Шамиля или о Кавказской (вернее, о Русско-Кавказской) войне. Но нет!

В поддержку этих историко-политических демагогических аргументов усиленно вводится и тезис о неизбежном благоденствии народов, которые доверяют свою судьбу России, конечно, обновленной и перестроенной. Какие только не мыслятся перспективы, в том числе и суверенитеты в составе РСФСР. Но мы уже дважды испытали на себе прелести российской имперской благодати: в конце Русско-Кавказской войны — в варианте князя Барятинского, ниспосланного Кавказу от имени его императорского величества, и после большевистского переворота в 1917 году — пролетарский вариант, исполненный по большевистски бессовестно и чётко, но вполне политически объяснимый, как и все последующие злодеяния краснозвёздных апостолов: первого — Ильича и исторического Кобы. Исходя из опыта двух этих самоопределений в составе России, мы и говорим: не хотим в третий раз спотыкаться об один и тот же порог, мы хотим полной свободы, а не вассальства на задворках обновлённой империи, хотим быть хозяевами на своей земле, как предначертано Богом.

Но здесь вступают в действие птенчики перестройки —

желторотые выкормыши абстрактно-демократической демагогии, искренне заблуждающиеся и подстроившиеся под народных благодетелей, продажно-показательные интеллигентики, агенты КГБ и прочие. Они доходят до того, что берутся доказывать преступное непонимание нами политического момента. Долгое время нас убеждали в следующем: добрейший царь-батюшка хочет сделать Россию передовой, богатой, демократичной, что в интересах всех народов, а Горбачёв, в пику Ельцину, готов, мол, предоставить право выхода из РСФСР любой автономной республике, чего ни в коем случае нельзя делать, так как мы этим самым льём воду на мельницу чуть ли не врага. Никто из прозорливых горе политиканов не утруждает себя домыслить: а почему мы должны действовать, жертвуя свободой своего народа во имя политики Ельцина, и упускать шанс стать суверенным государством, предоставляемый нам самой историей? Какое экономическое благо может сравниться со свободой народа? Не обольщаясь ни Горбачёвым, ни Ельциным, вынуждены возразить: нет, господа, между двумя кремлёвскими лидерами есть не только разница, но и завидное сходство. И усталая демагогия, и популизм, и изыскания интеллигентствующих великодержавников в парламентах империи и суперимперии преследуют единственную цель — сохранить третий Рим. Конечно, каждый из двух кремлёвских лидеров хочет командовать парадом, в том числе, и на нашей улице.

Слова Б. Ельцина о том, что Россия предоставит Татарии столько свободы, сколько она способна будет проглотить, по меньшей мере, некорректны для государственного деятеля, провозгласившего на весь мир об уважении и равноправии народов, и эти слова имеют непосредственное отношение к чеченскому народу. А последовавшее за ними предложение членов парламента о разнообразных мерах против парада суверенитетов, в том числе, и мораторий — есть логический шаг, диктуемый всем ходом исторического развития Российской империи и вполне в духе российской демократии перестроечного периода. Яркий свет проливает на складывающуюся политическую ситуацию и политологические новинки Р. Хасбулатова, подобные статье «Под флагом единства» в газете «Известия», в которой он запросто переплёвывает своего патрона по части великодержавности. Как тут не вспомнить Ленина, беспощадно заклеймившего ему подобных, но вовсе не из-за любви к малочисленным народам, могущим пострадать от амбиций, а потому, что ясно увидел: таким путём можно только отпугнуть народы от обновляющейся империи, преждевременно раскрыв карты коммунистических империалистов. А последняя

петля, которую пытаются накинуть на шею нашим народам, общеимперский референдум при выходе из той же самой империи, куда, кстати, чеченцы никогда не входили, грозит оказаться, если не удушающим, то усмиряющим свободолюбивый дух народа колониальным ошейником, который уже никогда невозможно будет разорвать. Не видеть этого — верх политического невежества. Но политиканствующие наши дальнозорые национал-нигилисты упорно тянут нас на ельцинский путь, хотя расставляемые его командой ориентиры достаточно однозначно показывают, что это не наш путь, так как он ведёт к национальному закабалению, естественно, в новой форме и, прежде всего, через бесспорные преимущества и всеподчиняющую мощь рыночной экономики, ибо для национально-политического развития она может стать своего рода прокрустовым ложем, если мы не успеем выработать и закрепить принципы полного государственного суверенитета, то есть независимости. Больше того, находятся и такие, кто предлагает просто пассивно отдаться течению российской жизни, ибо нет в СССР более прогрессивного парламента, чем в РСФСР, и судьба сама вынесет нас на национальное и социальное равенство, политическую и экономическую независимость. Послушать их — всё просто, Россия только тем и занята, чтобы облагодетельствовать инородцев, как называет она народы, проживающие на своих исконных землях. Здесь уместно привести слова профессора из США Рональда Виксмана, характеризующие сущность любой государственной системы правления:

> «Если вы ждёте, что отношение империи к вам изменится завтра только из-за того, что в России выбрали Президента (хотя я тоже приветствую Б. Н. Ельцина), то история может сыграть с вами злую шутку. Если советские лидеры сняли красную шляпу и надели белую или синюю, то это ещё не означает, что они совершенно изменились и это другие люди.
>
> …Чёрные в Америке более 100 лет ждали, чтобы другие дали им работу, помогли развивать культуру, образование… Но этого не произошло, как не произойдет и здесь».[11]

Ещё раз подтверждается истина, что любые изменения в лучшую сторону, тем более, в сторону свободы и независимости народа, находящегося в колониальной зависимости, возможны только при условии неустанной и решительной борьбы. Это нужно осознать и осмыслить, несмотря на то, что массовое национальное самосознание сильно деформировано. В этом

Советская власть преуспела.

Как отметил тот же Рональд Виксман: «Одно из крупных достижений Советской власти — уничтожение самого смысла свободы» — очень сильно коснулось и малочисленных народов Кавказа.

Потому мы так легко поддавались до сих пор на всякого рода политические и идеологические уловки перестраивающегося имперского центра. Надо же, наконец, осознать раз и навсегда, что никакие демократические парламенты не способны пересилить инерцию структуры и саму природу империи, которая останется таковой до тех пор, пока все её колонии не получат вольной.

И ещё об одном варианте политической казуистики. Сегодня нас пытаются, мягко говоря, пристыдить: мол, весь цивилизованный мир объединяется, а вы разбегаетесь по национальным квартирам. Так давайте же сначала разойдёмся по своим квартирам, а затем решим, как дальше быть: запереться в этом доме, что, вряд ли, кому выгодно и удастся, или объединиться. Но решим абсолютно добровольно. И уясним для себя: суверенные государства цивилизованного мира не объединяются в советском понимании этого слова, а пытаются перейти к более высокой форме политической и экономической интеграции. Государственная независимость их непоколебима ни на волосок, просто границы, экономика и общественная жизнь становятся более открытыми для всестороннего взаимодействия, что достигается путём упрощения межгосударственных процедур.

Способствует всему этому уровень политико-экономического развития этих государств. Более того, сам уровень развития диктует необходимость такой интеграции.

История, всё же, имеет свойство повторяться. Но чтобы для наших народов она повторялась каждый раз на качественно новом уровне, мы должны найти в себе силы и мужество стать свободным народом. Помимо указанных выше причин, немаловажную роль в этом играет и фактор национального самосознания в интернациональной среде. Как и везде, сегодня, где встаёт вопрос о государственном суверенитете того или иного народа, у нас существенным моментом является отношение русского и русскоязычного населения республики к данному вопросу. Оно не может быть идентичным мнению народа, претендующего на создание своего независимого государства, в силу ряда объективных и субъективных причин. И главная из них в следующем: для коренного народа вопрос государственного суверенитета есть вопрос жизни и смерти, вопрос судьбоносный, вопрос национального возрождения, тогда как для некоренного

населения — всего лишь вопрос жизнеустройства в инонациональной среде. Для коренных народов вопрос стоит в плоскости деколонизации, национального освобождения, для русского дальнейшей демократизации. Для любого национального организма, первое является необходимейшим условием перехода ко второму.

Значит, обретение государственного суверенитета коренным народом должно восприниматься русскими не как процесс, осложняющий их бытие, а наоборот, как наш совместный шаг вперёд. Это наша общая судьба, предопределённая Богом. Иной путь — не наш путь.

1990, 1991 гг.

notes

Примечания

1

Абдулаев З. Воспоминания. — Грозный, 1991, стр. 4.

2

А. Авторханов. Происхождение партократии. — Посев, с. 219–220.

3

Там же, с. 223.

4

А. Авторханов Империя Кремля.

5

А. Авторханов Империя Кремля.

6

Джузеппе Боффа История Советского Союза, с. 179.

7

Народоубийство в СССР. Убийство чечено-ингушского народа, стр. 7.

10

Журнал Знание-Сила, 9, 1990 г.

11

Из интервью газете Меджлис, 18–19, 1991 г.